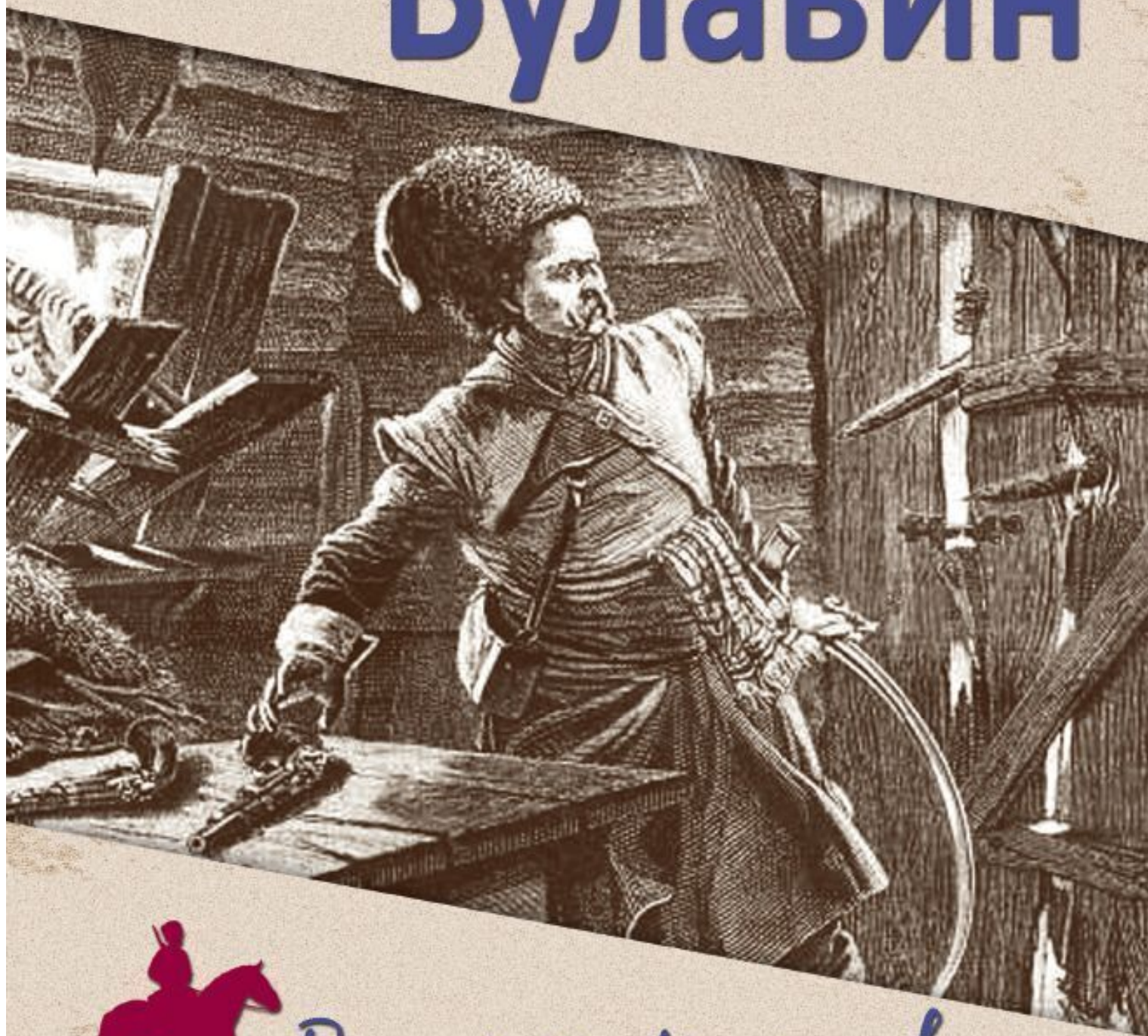

Дмитрий Петров-Бирюк

Кондрат Булавин

Романы о казачестве

Романы о казачестве

Дмитрий Петров-Бирюк

Кондрат Булавин

«ВЕЧЕ»

2023

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)

Петров-Бирюк Д. И.

Кондрат Булавин / Д. И. Петров-Бирюк — «ВЕЧЕ»,
2023 — (Романы о казачестве)

ISBN 978-5-4484-8980-8

Этот роман – одна из первых попыток воскресить в художественной литературе интереснейшую страницу истории государства Российского – восстание 1707–1708 годов под предводительством донского атамана Кондрата Булавина. Стихийный «защитник народных прав», призывавший «губить бояр, мундирных солдат и немцев», сообщник изменника Мазепы и противник реформаторской деятельности Петра I, казачий сотник Булавин представлен как последователь разинского движения, который возглавил волну народного недовольства, дабы «уничтожить делающих неправду и жить единокорным казацким братством».

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-8980-8

© Петров-Бирюк Д. И., 2023

© ВЕЧЕ, 2023

Содержание

Часть первая	6
Глава I	6
Глава II	15
Глава III	19
Глава IV	25
Глава V	28
Глава VI	31
Глава VII	36
Глава VIII	42
Глава IX	48
Глава X	51
Глава XI	54
Глава XII	58
Глава XIII	62
Глава XIV	66
Глава XV	71
Глава XVI	73
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Дмитрий Петров-Бирюк Кондрат Булавин

Романы о казачестве

© ООО «Издательство «Вече», 2023

Часть первая

Глава I

Войсковой атаман Лукьян Васильевич Максимов беспокойно поднял с подушки взъерошенную, заспанную голову и прислушался. Сквозь железный ставень с улицы проникал гомон людских голосов. Атаман вспомнил, что сегодня необычный день. Сердце его болезненно жалось, он торопливо сбросил с постели на пол сухие, мускулистые ноги и судорожно зевнул.

– Господи Иисусе, – мелко закрестился он, – забот-то ныне сколько, забот-то... Напасть-то какая...

Подойдя к оконцу, атаман отодвинул засов и открыл ставень. На слюдяных глазках ослепительно заиграли солнечные лучи, по низкому, со сводами, потолку запрыгал радужный зайчик.

Атаман поспешно, но тщательно умылся, помолился богу и, подойдя к венецианскому зеркальцу, висевшему на пышном, вытканном золотом ковре, расчесал гребенкой лохматую голову и русую бороду. Звонко щелкнув внутренним замком, вынул из кованного железом сундука новые синие шаровары, расшитые узором, просунул в них ноги и натянул узкие красные сафьяновые сапоги с яркой астраханской расшивкой. Надев свой лучший голубой бархатный кафтан, отороченный серебряным галуном, атаман подпоясался широким синим кушаком, усыпанным дорогими украшениями. За кушак засунул турецкий пистоль с искусной резьбой на костяной рукоятке, привесил кривую саблю в серебряных ножнах и снова подошел к зеркальцу. С удовольствием оглядел себя, надвинул на голову, чуть набекрень, шапку с алым бархатным шлыком, с которого свисала кисть, унизанная жемчугом.

Максимов, широкоплечий, крепко сбитый казак, чуть выше среднего роста, обладал огромной силой и бычьим здоровьем. Он еще не стар, ему всего сорок пять лет. Лицо круглое, румяное. На лбу кольцами выются русые, не тронутые сединой кудри. Из-под лохматых, густых бровей смело и решительно смотрят большие серые глаза.

Его можно было бы назвать русским красавцем-богатырем, если б правую щеку не безобразил багровый сабельный шрам от раны, полученной в бою под Азовом. Взяв булаву, Максимов собрался уходить. В горенку вошла атаманша, молодая, дородная, пышногрудая казачка.

– Уж уходишь, Луня? – окинула она своего статного мужа взглядом.

– Надобно идти, – вздохнул атаман и озабоченно проговорил: – Ты, Варварушка, будь наготове. Может, царь-то Петр Алексеевич поимеет охоту пожаловать к нам на обед. Бражного меду да фряжского¹ вина надобно побольше. Царь-то до хмельного охоч... Домрачеев да девок-плясуниц покличь...

– Не бойся, Луня, – усмехнулась атаманша, показывая свои чудесные белые зубы. – Не прогневлю царя-батюшку, сумею ему, сердешному, угодить... Будет доволен...

– Да уж знаю, знаю, атаманша, – ласково улыбнулся Максимов. – Баба ты ловкая, когда захочешь, то любому можешь угодить...

Потрепав жену по румяной щеке, атаман вышел.

На улицах Черкаска было необычайное оживление. Несмотря на раннее утро, сновали толпы народа.

Ждали прибытия Петра Первого.

---

¹ *Фряжин* – иноземец, француз или итальянец; отсюда *фряжский*. Общее название иноземцев Центральной и Западной Европы – немец, от слова «немой» (не знающий русского языка).

Царь плыл на кораблях из Воронежа в Азов. Хотя о его приезде не объявлялось, молва об этом сразу облетела окрестные городки и станицы. Люди отовсюду стекались в Черкасск, чтобы увидеть царя.

Казачки в цветных кафтанах и зипунах, увешанные оружием, казачки в азиатских ярких нарядах, татары в полосатых халатах, калмыки в ерчаках² из жеребячьей шкуры, иноземные купцы, старики и ребятишки шумно заполняли улицу.

В торговых рядах купцы торопливо открывали лавки и лари, выбрасывали на полки разнообразные диковинные товары.

Толпы людей ходили от ларя к ларю, от лавки к лавке и изумлялись невиданным заманчивым вещам. Полки расцвели шелковыми и камковыми материями, парчовыми тканями, яхонтами, жемчугами. На нитках висели золотые и серебряные, с дорогими камнями, женские украшения. Кучами лежал сафьян всех цветов, сапоги, расшитые узорами чудесной азиатской работы. Морской пеной взбивалась кисея. Слепляюще отсвечивали на солнце стеклянная заморская посуда, восточные медные кувшины с тонкой шеей, турецкое и генуэзское оружие, венецианские зеркала. Лежали вороха азиатских сладостей, сухих варений. Пирамидами громоздились бочонки с фряжскими винами, фруктовыми наливками, водкой.

У стружента³, покачиваясь на волне, стояли греческие, турецкие и итальянские корабли и галеры, доставившие в Черкасск грузы. Хозяева судов, распродав товар, толпились около татарских мурз, торговавших ясырью⁴. Десятка три оборванных и грязных невольников – ногайцев и кавказских горцев – угрюмо сидели со связанными руками на привязи у столбов и покорно ждали своей участи.

В тени мохнатой вербы сидел на разостланном зипуне старый домрачей с длинными запорожскими седыми усами. Рассеянно поглядывая вокруг мутными старческими глазами, он дергал звонкие струны домры и тихим, слегка дребезжащим голосом пел:

Ой, да на славной було, братцы, на речушке,
Да на славной було, братцы, на Камышинке,
Собиралися там люди вольные —
Все донские, гребенские, козаки яйцкие.
Собиралися воны, братцы, во единый круг.
Во кругу-то стоят воны, думу думают...

– Дед Остап! – удивленно воскликнул молодой казак в алом суконном кафтане, останавливаясь около старика. – Хай тебе лихо, да неужто ты?.. Здоров был, дед!

– Слава богу, сынку, – недоумевающе поднял на него выцветшие глаза домрачей. – Правду гутаришь, я дид Остап... А ты кто такой, а?

– Ай не признаешь, дед? – радостно смеясь, нагнулся к нему казак. – Не признаешь, а-а?..

– Ни, сынку, не признаю.

– Эх ты, дед! – укоризненно сказал казак. – Стало быть, не хочешь признавать старых друзей, а?.. Гришку-то Банникова помнишь али нет?.. Помнишь, как в Азове вместе турок били? Неужто забыл, старый, Гришку, а?

– Ге-ге, Грицько! – обрадованно воскликнул старик. – Ха, бисов сын!

Старик хрипло рассмеялся и с необычной для его лет живостью поднялся и расцеловал Григория.

---

² *Ерчак* – вид верхней одежды.

³ *Стружент* – укрепленный причал.

⁴ *Ясырь* – пленники, невольники.

– Здоров, здоров будь, козаче!.. Ге-ге, да який же ты громадный стал, – с удивлением рассматривал он молодого казака с ног до головы. – Ты ж пид Азовом совсем махоньким хлопчиком был... Як же годы швидко бегут, ой-ей-ей!.. Вы, молодые, растете да гарными козаками становитесь, а мы свий вик отживаем, – вздохнул старик.

– Стало быть, признал, старый? – удовлетворенно засмеялся Григорий. – Что ж тут делаешь, дед, а?..

– А вот сижу, Грицько, да песни людям граю, про старое вольное козачье товарищество пою... Себе пропитание добываю... Який добрый чоловик грош бросит, а який ломоть хлеба подаст, або кусок сала, ай яичко... Вот и сыт бываю... Так и живе старий рубака, дид Остап...

– Плохо, видно, ты живешь, дед.

– Ни, гарно, Грицько!.. Мне бильшого не надобно. Ей-богу, гарно! Меня уси любят и уважают...

– Ну как же тебя, дед, не любить! Ты же хороший старик.

– Хороший, – согласился старик и спросил: – Где ж зараз, Грицько, обретаешься?

– О, дед, я в начальных людях, – самодовольно сказал Григорий. – В Бахмут-городке на соляных варницах. С Кондратием Булавиным вместе, есаулом к нему приставлен... А ныне приехали мы с тем Кондратием в Черкасск царя встречать. Челом бить будем. Забижают нас, дед, черкасы⁵ с полковником Шидловским, хотят наши донские варницы отобрать.

– Так, так, – качал седой головой старик, – изюмцы, что ль, забижают-то?

– Да не только они – и другие.

– Ну, сынку, царь разберет, на чьей стороне правда.

– И мы так думаем... Ну, пойдём, дед, в кабак, угошу со встречи.

– Що ж, Грицько, дело це дуже гарное. Пидемо, – охотно согласился старий запорожец и, закинув домру за плечо, пошел вслед за Банниковым.

Кабак стоял в центре городка, недалеко от атаманского дома, близ церкви. Ничем особым он не отличался от других в ряду стоявших с ним куреней. Лишь длинный шест у дверей с расколотым горшком наверху да сорокаведерная бочка с вином у крыльца указывали на то, что это был кабак.

Григорий толкнул ногой дверь. Она со скрипом распахнулась: из кабака повеяло винным перегаром и табаком.

– Входи, дед, – пропустил впереди себя старика Григорий и шагнул через порог вслед за ним.

В кабаке, несмотря на ранний час, уже сидело с десятков казаков за жбаном вина.

– Га, Гришка!.. Банник!.. – слышались веселые голоса. – Садись с нами. Садись и ты, дед Остап!

Козаки раздвинулись на скамьях, освобождая место Григорию и домрачею.

– Ну, братцы, – сказал Григорий, усаживаясь за стол, – угощать буду я... Якудра! – крикнул он кабатчику. – Пои нас вином, чтоб ажно носы посинели.

Вытащив из кармана туго набитый деньгами кошель, бросил кабатчику. Тот на лету поймал его и налил огромный жбан вина. Прислужник едва донес его до стола.

– Пей, братцы! – радушно угощал Григорий. – В кошеле у меня денег много, да и Якудра еще сдачи даст.

Когда выпили по несколько ковшей, Григорий, хмелея, стал взволнованно размахивать руками.

– Ведь вы ж поймите, братцы, – жаловался он, – вечно мы, донские казаки, владеем речками Бахмутом, Красной да Жеребцом. На речке Бахмуте мы нашли соленые воды, выкопали

---

⁵ Черкасы – казаки северной полосы Украины, большей частью пришлые; в данном случае казаки, служившие на Слободской Украине, в слободских полках.

там колодцы, начали варить соль. Другим завидно стало, начали к нам приходиться разные люди: минчане, торяне, изюмцы, тож норовят соль варить... А полковник Шидловский своим казакам по той речке городки строит. Да разве ж это не обидно нам? Обижают донских казаков. Где ж правда?

– Была правда, да заржавела, – вздохнул дед Остап.

– Ототрем, дед, ржавчину! Вот те господь, ототрем! – запальчиво сказал Григорий. – Расскажем царю о наших обидах, рассудит он по-справедливому...

– Здорово были! – раздался у дверей веселый басовитый голос.

Все обернулись на возглас. В дверях стоял высокий, стройный казак в бархатном, вишневого цвета кафтане. Вид у него был щеголеватый, бравый. Широкий пояс, подбитый голубым бархатом, расшитый золочеными нитками и украшенный камнями, туго охватывал его стан. На поясе, на серебряных застежках, висела кривая турецкая сабля с белой костяной ручкой.

Казаку, было лет под сорок. Смуглое красивое лицо его было бронзовым от загара. Мягкая черная бородка обрамляла худощавые щеки.

– А, Кондратий! – воскликнул Григорий. – Заходи. Выпей за здоровье Донского Войска.

– Это можно, – усмехнулся Булавин и, подойдя к столу, поздоровался с казаками. – Здоровы были, братцы!..

– Здорово, Кондратий... здорово! – приветливо откликнулись сидящие.

Григорий налил в ковш вина, подал Кондрату:

– Пей.

Кондрат сдернул с черной курчавой головы бархатную шапку, опушенную каракулевым мехом, и взял ковш.

– За ваше здоровье, казаки, – кивнул он головой. В левом ухе у него блеснула крупная золотая серьга с изумрудом. – Выпьем, чтоб родня не журилась.

Поднеся ковш ко рту, Кондратий заметил старого запорожца, который не спускал с него глаз.

– Дед Остап, неужто ты?

– Угу, сынку, угадал, – ощерил беззубый рот старик. – Я дед Остап, на ногах стоять ослаб.

– Здоров, здоров был, старина! – расцеловал его Кондрат. – Где ж ты пропадал эти годы?

– Эге, Кондратий! – воскликнул старик. – Да де ж я не был за ци годы! Был в Московии, был на Украине, был везде, где люди православные живут... Дуже богато исходил я за ци годыны путей-дорозий... Много бачил горя и слез людских, тильки радостей мало... Вот я и ходил, веселил людей...

– Подвинься, дед, – сказал Кондрат, – сяду возле тебя, погутарим, старое вспомним...

– Садись, садись, Кондратий, – радостно подвинулся старик. – Давненько не видались, побалакаем...

Обняв старика, Булавин стал расспрашивать его о жите-бытье. Лицо Кондрата светилось ласковой улыбкой. Он рад был видеть старого домрачя.

Булавин немало провел со старым запорожцем бурных дней и ночей в набегах и битвах с крымскими татарами, ногайцами, турками. Никогда не расставался этот веселый старик со своей звонкой домрой. В грустные минуты он умел веселить и тишить казаков.

– А ну, дед Остап, вспомним старину, – хлопнул старика по плечу Кондрат, – сыграй веселую.

– Веселую? – озорно взглянул старый запорожец из-под лохматых бровей на Кондрата. – Ладно. Хай буде так.

Дернув струны, он запел:

Стой, хлопче, не валяй,

Кубелек⁶ не марай.
Кубелек мой кумашной,
Работы домашной.
Кубелек я сниму,
Потом тебя обниму...

Несколько казаков пустились в пляс.
Кондрат, сверкнув золотой серьгой, сорвался с лавки и также пошел плясать, вздергивая широкими плечами.

Казаки, посмеиваясь, подпевали:

Кубелек я сниму,
Тебя крепко обниму...

– Оце добре, казакови! – воскликнул домрачей, когда Кондрат, вспотевший и багровый, тяжело дыша, опять сел рядом с ним. – Дуже добре, дай поцелую.

Они расцеловались.

Потом снова пили, плясали, пели песни. Кондрат поднялся.

– Хватит, братья! Пошли встречать царя.

Казаки шумно повставали и веселой гурьбой, с шутками, со смехом вывалились на улицу.

У кабака стояла толпа. Маленький, тщедушный рябой казачок, с редкой белесой бородашкой, в алом потрепанном зипуне, размахивая руками, что-то рассказывал. Окружающие смеялись.

– А вот кабы такую распить, атаманы-молодцы, – указал казачок на сорокаведерную винную бочку у крыльца, – душа сразу взыграла б...

Увидев выходящих из кабака казаков и среди них Григория Банникова, он обрадованно закричал:

– Гришка!.. Банник!.. Поломай тебя грец, ты что ж это, с Бахмут-городка приехал, денег много привез, сам пьешь, а друзей своих не угощаешь? Эх ты, а еще односум⁷...

Банников осоловевшими глазами вгляделся в рябого казачишку.

– А, Мишка Сазонов!.. Здорово!.. Иди, олух, угощу...

Сазонов облизнул губы, подошел к Григорию. Подмигнув казакам, он сказал:

– Пропили отца, пропьем брата, еще матушка брюхата, что-нибудь да родит.

Казаки захохотали. Мишка Сазонов был весельчак. Что бы он ни сказал, все вызывало смех у толпы.

Григорий полез в карманы, но они были пусты.

– Нету денег, все пропил.

– Жадничаешь, – сказал Мишка обиженно. – Жалко тебе ковш поставить...

– Я жадничаю? – изумился Григорий. В глазах его вспыхнули гневные огоньки. – Ах ты, рябая тетеря, да я тебя до смерти запою. Якудра! Яшка!.. – заорал он кабатчику. – Какая цена твоей бочке? – пнул он ее ногой.

Кабатчик, краснолицый, здоровенный детина в синей суконной однорядке, раздумывая, почесал затылок.

– Не трогай, Григорий, – сказал он, – все едино у тебя грошей нет...

– Замолчи! – свирепо крикнул на него Григорий и, отстегнув красный пояс с саблей, сбросил с себя нарядный кафтан, кинул его кабатчику.

---

⁶ Кубелек – старинная верхняя одежда донских казачек.

⁷ Односум – друг, товарищ по походной жизни (пользующийся общей сумой).

– Хватит за бочку?

Яшка отрицательно мотнул лохматой головой.

– Мало.

Григорий, распаленный, гневный, молча опустился на крыльцо, стащил с ног сафьяновые сапоги, бросил кабатчику.

– А теперь хватит?

– Мало, – качнул снова головой кабатчик.

– Грицько, – пьяно пошатываясь, подошел дед Остап к Григорию. – Пидемо видциля... Хай их к бису... Пойдем побачим царя... Голому ж срамно на царевы очи показаться. Пойдем...

Но Григорий был сильно раззадорен.

– Не лезь, дед Остап, – отстранил он старика, – не может быть того, чтобы Гришка Банников жадным был... Не может!..

Он сорвал с себя полотняную, расшитую цветными нитками рубаху и бросил Яшке.

– На, анчутка!⁸

Яшка пощупал заскорузлыми пальцами рубаху, кинул ее на кафтан.

– Мало, Гришка, – вздохнул он, – вино дороже стоит...

– У-у... дьявол! – скрипнул зубами Григорий и, шатаясь, с трудом стащил с себя штаны и даже подштанники. – А теперь хватит?

– Да ладно уж, – проговорил кабатчик, – хоть и в убыток, но пользуйся на здоровье. Бог с тобой.

– Будет те дурить-то, Гришка, – строго сказал Кондрат, подходя к Банникову. – Ты что, ай белены объелся? Надевай свои причиндалы⁹, пойдем.

– Отстань, Кондратий, – оттолкнул его Григорий, – дай душе казачьей разыграться!..

– Ну, леший с тобой, – махнул рукой Булавин и, твердо держась на ногах, упругой походкой пошел на пристань. Он знал неукротимо буйный нрав Банникова.

– Якудра, ковш! – потребовал Григорий и, подвязав на голый живот кушак с саблей, сунул за него пистоль. Надвинув на голову шапку с красным шлыком, выхватил из ножен саблю, сбил с бочки затычку.

Кабатчик подал ему ковш.

– Подходи, атаманы-молодцы! – загремел Григорий. – Подходи, честная станица!.. Гришка Банников ныне угощает всех. Подходи, молодцы!..

Казачи тесно обступили его. Проходившие мимо по улице бабы и девки заинтересовались, кого это так тесно обступили казаки, заглядывали через плечи. Увидев оголенного казака на бочке, с визгом отскакивали:

– Ой, девоньки ми-илые! Голый, голый там!..

Григорий, сев верхом на бочку, зачерпнул ковшом вина, подал Сазонову.

– На, рябой вахлак, пей, антихрист, покуда с ног не упадешь.

Взяв ковш, Мишка Сазонов посоветовал Григорию:

– А ты, Гришка, прикрывайся бы... а то вон бабы-то смеются.

– Замолчи, рябой! Не твое дело.

– Ну, тогда будь здоров, – смиренно сказал Мишка. – По дедушке Ермаку, по донскому казаку... Наше дело маленькое: дают – бери, бьют – беги... – И махом опорожнил ковш. – Спасет тебя Христос, Гришка, – сказал он, причмокивая языком и обтирая ребром ладони усы, – доброе винцо... Дай бог, чтоб вовек не переводилось...

– Пей еще, – зачерпнул снова Григорий.

---

⁸ Анчутка – черт.

⁹ Причиндалы – принадлежности чего-либо, в данном случае – костюма.

– Погоди, Гришка, – отстранился Сазонов. – Пусть другие пьют, а я покуда пообожду.
– Нет, дьявол, пей! – грозно закричал Григорий. – Пей, анчутка!.. Пей! Не то так дам в твою поганую морду, кровью умоешься... Жадный, говоришь? Пей, покуда не упадешь.

– Ну что ж, наша душа кривая, все приймае, – с шутовской ужимкой взял ковш Мишка. Казаки, переминаясь возле Мишки, нетерпеливо поглядывали на него и бросали жадные взгляды на бочку.

– Пей еще! – свирепо гаркнул Григорий на Мишку, когда тот вздумал было отказаться от нового ковша.

Мишка подряд выпил пять ковшей, шестого не осилил и, свалившись у бочки, захрапел.

Григорий злорадно ухмыльнулся и, вырвав из рук Мишки ковш, зачерпнул из бочки.

– Подходи, новый! – крикнул он. – Пою всех. Подходи, любой! Дед Остап, играй веселую. Гуля-им!..

Раздались пушечные выстрелы. К городу подходили царские корабли.

На струemente, пестрея яркой, разноцветной одеждой, царских кораблей ожидала огромная толпа. Впереди всех стояли войсковые старшины во главе с атаманом Максимовым, держа в руках дарованные царями Донскому войску знамена, бунчуки¹⁰, хоругви, клейноды¹¹.

Махальные, расставленные на берегу Дона на много верст вверх от Черкаска, уже часа два как сообщили, что царские корабли показались. Но кораблей все еще не было, и народ нетерпеливо томился в ожидании, напряженно вглядываясь в песчаную луку, из-за которой они должны были вот-вот появиться...

Из-за мыса, обросшего яркой кудрявой зеленью кустарников, трепеща на ветру царским флагом, показалось судно. Толпа на берегу разразилась радостными криками.

Вслед за царским кораблем из-за мыса появились и остальные. На колокольнях в захлебывающемся перезвоне ликующе заголосили колокола. С городских стен загрохотали пушки. На кораблях вспыхнули белые дымки – отвечали на салют.

На берегу толпа бурно редела. С кораблей тоже что-то кричали и размахивали шляпами. На корме переднего корабля, опершись на эфес шпаги, недвижно стоял высокий человек.

– Он!.. Он!.. – из уст в уста пробежало в толпе.

Корабль со страшной нептуньей мордой, заскрипев о песок, ткнулся носом, как телок в вымя, в мягкий берег. Матросы засуетились, причаливая и сбрасывая сходни.

Высокий человек в нитяных черных чулках, облегающих мускулистые икры, в черном бархатном кафтане с обшитыми золотом пуговицами, в кружевном белом галстуке, поправив на голове черную треуголку, быстро сошел с корабля на берег.

– Ура-а! – неистово заорала толпа.

Высокий человек остановился, оглянул кричавшую толпу, взмахнул шляпой.

Атаман Максимов, бросив наземь булаву, плюхнулся ему в ноги. Высокий человек нахмурил густые черные брови.

– Встань, – сказал он недовольно, – не люблю, чтоб в ногах валялись.

Атаман поднялся и, низко поклонившись, растроганно сказал:

– Великий государь, царь и великий князь...

– Ну-ну, ты это оставь, – поднял руку Петр, отмахиваясь от Максимова. – Говори попроще, Лунька.

---

¹⁰ *Бунчук* – конский хвост на древке, служивший знаком атаманской или гетманской власти у донских и запорожских казаков.

¹¹ *Клейноды* – почетные войсковые знаки.

– ...мы, твои холопы, – сбитый с толку, сконфуженно проговорил атаман, – донские атаманы с товарищами и все войско Донское с низу до верху¹² челом бьем... Не гневись, великий государь, отведай донского хлеба-соли.

Из толпы к царю шагнул войсковой старшина Илья Зерщиков и с низким поклоном подал ему на серебряном подносе пышный зарумянившийся пшеничный каравай с солью в позолоченной солонке.

Илья Зерщиков был долговязый, сухощавый казак лет под пятьдесят, черный, как цыган, с беспокойно бегающими плутовскими глазами и большим носом, изогнутым, как клюв у хищной птицы. Пышная черная борода веером стлалась на груди. Одет он был нарядно – в синий суконный кафтан, украшенный золотым шитьем.

Петр остро взглянул на него и, взяв из его рук поднос с хлебом-солью, сунул одному из свитских офицеров.

– Спасибо, молодцы донские атаманы и все ваше войско Донское, за хлеб-соль! – сказал он громко. – Жалую вас за вашу верную, добрую службу своей милостью!

– Ура-а! – взмахивая булавой и глядя на толпу, тонкоголосо закричал атаман.

– Ура-а! – подхватила толпа. – Ура-а!

Петр помахал шляпой и сказал атаману:

– Ну, пойдём, Лунька, в городок.

Царь шагнул на толпу. Народ попятился, давая ему дорогу.

Хотя атаман Максимов был не мал ростом, но чтоб разговаривать с царем, ему приходилось задирать голову.

– Батюшка государь, Петр Алексеевич, – пытаюсь уловить милостивый взгляд царя, заговорил атаман, – изъяви свою милость отведай угощения моей атаманши Варвары. Ужо попотчует тебя, милостивца, чем богаты...

– Ну что ж, атаман, – согласился Петр. – Ведь... в дороге горло пересохло, – хрипло засмеялся он. – Надобно маленько промочить...

Петр раньше бывал в Черкасске и знал, где жил Максимов. Он быстро зашагал к атаманскому дому. Лукьян Максимов, старшины и вся свита рысцой трусили за ним, едва поспевая: больно уж быстро ходил царь. По пути он все время кивал головой, отвечая на приветствия народа, густо заполнявшего улицы. Внезапно Петр остановился перед кабаком.

– Что это, Лунька? – указал он.

Атаман глянул, куда указывал царь, и обомлел от ужаса.

У кабака, верхом на бочке, сидел голый Григорий Банников. Кроме лихо заломленной набекрень запорожской шапки, на нем ничего не было. Голое пузо опоясывал кушак с саблей, из-за которого торчала рукоятка пистоля. Григорий, пьяно раскачиваясь на бочке, кособоко держал ковш, проливая вино, и бессмысленно поводил глазами. Кругом лежали вповалку спящие пьяные казаки. Прислонясь спиной к крыльцу, сидел дед Остап. Заливаясь пьяными слезами, обводя печальным взглядом спящих казаков, он ожесточенно дергал струны домры и хрипло пел:

Огурчики мои-и
Огородненькие-е,
Я вас садила-а,
По-оли-ива-ала-а...

Петр с минуту молча смотрел на эту живописную картину и вдруг захохотал:
– Бахус!.. Ей-ей, Бахус!.. Лунька, почему он голый, а с оружием?..

---

¹² *С низу до верху* – здесь: от низовья до верховья Дона.

– Великий государь, – смущенно сказал атаман, – казак все может пропить, вплоть до сподников и портянок, но оружия он никогда не пропьет.

Петр, глядя на Григория, весело хохотал. Хохотали старшины и есаулы, хохотала свита, хохотал и народ. А Григорий, покачиваясь на бочке, недоумевающе осоловевшими, тоскливыми глазами смотрел на смеющихся людей, не понимая, над чем они смеются. Потом, сожалеюще покачав головой, страдальчески сказал:

– Пошли вы... – он сказал такое, от чего царь пришел в еще больший восторг.

Григорий поднес к губам ковш, выпил из него без передышки и, покачнувшись, свалился на Мишку Сазонова и захрапел.

Шагая через тела спящих казаков, Петр пробрался к Григорию и попробовал было снять с него саблю. Григорий сразу же очнулся и осыпал царя градом отборнейших ругательств.

– Молодец! – искренне восхищенный, сказал Петр. – Пьян, пьян, а зело крепко бережет свое оружие. Лунька, – обратился он к войсковому атаману, – отныне будет у тебя такая войсковая печать: голый казак верхом на бочке, с чаркой и ружьем в руках...

Глава II

За большими дубовыми столами, накрытыми синими, расшитыми серебряными травами и золотыми серпами скатертями, расселись гости. Царь сел в переднем углу, под образа. По правую руку уселся хозяин, атаман Максимов, по левую – Илья Зерщиков. Свитских генералов и офицеров рассадили между войсковой старшиной¹³.

Немало турецкого и татарского добра, добытого в набегах, хранилось в кладовых атамана. В честь великого государя он вытащил из кладовых на стол самую дорогую посуду.

Взгляды гостей внимательно скользили по золоченым кувшинам, серебряным ендовам¹⁴ с фряжскими винами и бражными медами разных сортов, по дорогим, с камнями, кубкам и ковшам.

Десяток огромных золоченых и серебряных блюд и разносов были доверху заполнены сладостями: пряниками, коврижками, обсыпанными маком, кнышами, печениками, трубочками, чилипеками, разными марафетами¹⁵ и фруктами.

Взглянув на богатства, выставленные на столе, царь с любопытством окинул быстрыми черными глазами горницу. Стены обвешаны богатыми коврами, на коврах ятаганы с ручками из рыбьего зуба, разных образцов пистолы, сабли, ружья, сайдаки¹⁶. Все это – в золоте, серебре, в дорогих камнях.

– Богато ты живешь, Лунька, – подмигнул Петр.

– Не гневим бога, государь, – вздохнул Лукьян. – Все это добыто, великий государь, у нехристей в турецких да татарских землях кровью наших отцов да дедов...

И тотчас же ему пришло в голову: зачем он все это выставил на столы? Как бы не отобрал Петр его богатства. Прослышал он, что все монастыри обобрал царь и боярской казны коснулся, все на вооружение войска обратил.

– Тут моего-то добра мало, государь, – дрогнул голос у атамана, – войсковое это добро, не дуваненное¹⁷.

Петр понял его и, смеясь глазами, сказал:

– Пожертвовал бы, Лунька, малую толику в казну царскую. Зело великую нужду терпим. Воевать не с чем со шведом.

У Лукьяна тоскливо заныло сердце: «Ну вот, так и знал».

– Да уж какое тут добро, государь? – невесело сказал он. – Так это, дермо пустое... Да и войсковое оно, не мое...

– У тебя тож, Лунька, поди, добра немало? – насмешливо посмотрел на него царь. – Поди, на своем веку нажил знатно?

– Да нет, великий государь, – уклончиво ответил атаман, – где уж нам? Ныне турка да татарва захудалая пошла, не то, что в старину... Бедно стали жить... Нечем поживиться у них дюже...

И, желая поскорей переменить неприятный разговор, Лукьян налил вина в высокий золотой кубок на птичьей ножке, с поклоном подал царю.

– Прошу покорно, великий милостивец, отведай. Варварушка, – позвал он жену, – пусть ясырки обед подают...

¹³ *Войсковая старшина* – в прошлом выборная командная верхушка в казачьем войске.

¹⁴ *Ендова* – особая старинная русская посуда для напитков.

¹⁵ *Кныши* – большой плоский пирожок; *печеники* – особо приготовленный пирожок; *трубочки* – творожники, блинчики; *чилипеки* – вид печенья; *марафеты* – конфеты.

¹⁶ *Сайдак* – сумка для лука и колчана со стрелами.

¹⁷ *Не дуваненное* – не деленное; *дуван* – дележ.

Петр, подняв высоко кубок, весело взглянул на раздурманенную от хлопот красивую чернобровую атаманшу, нарядившуюся в лучшие, праздничные одежды.

– Выпьем за здоровье атаманши Варварушки! За ее щи и пироги!

Атаманша зарделась еще больше, польщенная вниманием царя.

– Кушай на здоровье, царь-батюшка, – поясno поклонилась она, – не гневись на нас, холопей твоих. Чем богаты, тем и рады угостить...

– На тебя, Варварушка, – засмеялся царь, – никак нельзя гневаться... Ишь ведь ты какая ласковая, приветливая...

Он опорожнил кубок и зачмокал губами.

– Винцо доброе... Свое, Лунька, ай нет?

– Привозное, великий государь, заморское, – проговорил доселе молчавший Илья Зерщиков. – Свое-то у нас, государь, больно кислое.

– Что же своего доброго вина не заводите?

– Винограды плохие.

– Плохие? – нахмурился Петр. – У вас самый раз бы хорошие винограды разводить: земли знатные... Вот сходил я со струга в Цимлянском городке, ковырял палкой землю. Земля-то такая же, как и на Рейне либо в Бургундии. Хорошая у вас земля под винограды... Вот уж, Лунька, пришлю я тебе заморских черенков виноградных, повтыкайте в своих городках, как приеду в другой раз, чтоб угощали меня своими добрыми винами и виноградами...

– Ужо угостим милостивца, – льстиво сказал Зерщиков, плутовато забегав глазками, – доволен будешь своими холопами.

Петр, о чем-то вспомнив, озабоченно полез в карман.

– Зело богатый ваш край. Богатый, а вы о том и не ведаете... Вот, – извлек он из своего кармана несколько черных блестящих камней и разложил их на столе, – великое богатство наше... И все это на вашей, донской земле...

Лукьян Максимов и Зерщиков изумленно переглянулись и недоверчиво взглянули на царя – дескать, не шутит ли он. Но лицо царя было серьезно и задумчиво.

– Великий государь, – усмехнулся Лукьян, – такого дерма у нас, на Старом поле, великое множество. Хоть Дон пруди им... Только невдомек мне, великий государь, какое же это богатство? Ума не приложу, для чего эти камни. Правда, в студеную пору пастухи те камни в костры бросают, обогреваются, знатно горят они...

– Вот-вот! – оживился Петр. – В том-то и дело, что они зело знатно горят...

Глядя на черные камни, лежавшие перед ним, Петр глубоко задумался.

– Не ведаю, дойдут ли мои руки до этого камня, – раздумчиво проговорил он, – но сей минерал, если не нам, то нашим потомкам будет весьма полезен...¹⁸

Бережно собрав со стола камни, он снова положил их в карман.

– Богатая у вас, Лунька, земля, богатая. Только не умеете вы из нее богатства брать.

Ясырки – пленные турчанки и татарки – начали подавать обед.

Обед начался с кругляков – пирогов, начиненных рублеными перепелками. За ними последовали холодные закуски: студень, говяжьи языки с солеными огурцами, жареный поросенок. Ясырки не спускали глаз с гостей и, как только одно блюдо поедалось, подавали другое.

После холодных закусок принесли горячие блюда: щи, похлебку из кур, сваренную с сарацинским пшеном и изюмом, суп из баранины с морковью, дулму из капусты с рубленным мясом и огурцами.

Атаман с каждым новым блюдом подливал в кубок вина. Поднимая кубок, провозглашал:

---

¹⁸ Сведения о каменноугольных залежах в Донбассе связаны с именем Петра. Во время одной из своих поездок в Азов Петр случайно познакомился с образцами каменного угля и предсказал ему великую будущность.

– Здравствуй, наш великий царь-государь в кременной Москве, а мы, донские казаки, на тихом Дону!..

Во время одной из таких здравиц бахмутский атаман Булавин Кондрат порывисто поднялся со скамьи и, высоко подняв ковш, звонко крикнул:

– Здравствуй, войско Донское с верху до низу и с низу до верху!

И, выпив ковш до дна, опрокинул его над своей головой.

Петр остро взглянул на Кондрата, поманил его.

– А ну, молодец, подь сюда. Где я тебя встречал? Обличие твое мне что-то зело знатно...

– Под Азовом, великий государь, в тысяча шестьсот девяносто шестом году, – почти-тельно, но с достоинством ответил Кондрат. – Я первый со своей сотней на азовские раскаты вбежал...

– Помню, – сказал Петр. – Я тебя не наградил тогда. Какой награды хочешь, казак?

Заметив, что ясырки уставляют стол новыми блюдами – блинцами, лапшевниками, сюзьмой, он хрипло рассмеялся:

– Лунька, что это ты ныне хлебосольный такой? Гляди, обкормишь, беда будет...

– Не обессудь, государь, – наклонил голову атаман, – для своего милостивца, царя-батюшки, ничего не жалко...

– Не жалко? – захохотал Петр. – А вот пожертвовать в казну жалеешь.

Видя, что эти слова не по душе Максиму, захохотал еще громче. Потом, обрывая смех, спросил у Кондрата:

– Так какой награды, атаман, хочешь?

– Никакой награды, государь, мне не надо, – сказал Булавин и поклонился. – Спасет тебя Христос, государь, на добром слове... Дозволь, государь, челом бить. Выслушай твоих верных холопов, донских казаков...

– Говори, – разрешил Петр, с любопытством глядя на крепко сложенную фигуру бахмутского атамана.

– С незапамятных времен, великий государь, мы, донские казаки, владеем речками Бахмутом, Красной и Жеребцом. Понастроили мы там соляных варниц. А ныне вот начал нас полковник Шидловский со своими изюмскими казаками обижать. Приходят они к нам, дерутся, ругаются, похваляются побить нас до смерти. Хотят, чтоб мы ушли с тех речек, а они б там заселились... Повели, великий государь, тому полковнику Шидловскому не обижать нас. Пусть он со своими казаками уйдет с наших земель...

Петр задумался.

– Великий государь, – сказал Илья Зерщиков, – правду истинную говорит атаман Кондратий Булавин: дюже забижает нас полковник Шидловский со своими казаками.

– Ладно, будь по-вашему, – произнес Петр, – разберусь... А сейчас не будем о том говорить... Лей, атаман, вина, подставил он Лукьяну пустой кубок.

Наполнив кубки и ковши вином, Максимов позвал домрачеев, которые чинно расселись на скамьях в углу. Атаман кивнул головой, домрачеи дернули струны и запели:

Против моего двора
Приукатана гора.
Приукатана, прилита,
Башмачками прибита...

Из дверей в горницу впорхнули девки-плясунницы с тулумбасами¹⁹. Ударяя в них, плясуньи закружились по горнице, сверкая озорными глазами, серебряными и жемчужными ожерельями, монистами.

Все они были молоды, цветущи; наряды их красивы, яркие.

Гости поднялись и отодвинули столы к стене, давая простор танцовщицам. Домрачеи пели:

Подломился каблучок,
А я, млада, на бочок...
Струны звенели: дрын... дрын... дрын...

Звонкоголосо подпевали девки-плясунницы, колотя в тулумбасы и притаптывая цветными сапожками с колокольцами:

Я упала да лежу,
Во все стороны гляжу...

Сливались девичьи голоса с мужскими, нежно звенели домры и сломницы под искусным перебором старых музыкантов, гремели бубны, стучали каблучки с колокольцами.

...Туда глядь, сюда глядь,
Меня некому поднять...

Шум и гам проникали на улицу через распахнутые настезь узкие оконца атаманского дома. На улице толпа народа прислушивалась к веселью; переговаривались, посмеиваясь:

– Загуляли атаман с царем.

Вечерело. Ясырки зажигали позолоченные шандалы²⁰. Петр, захмелев от вина и духоты, вышел на крыльцо подышать свежим воздухом. В темных сенях кто-то зашуршал.

– Кто это? – обернулся царь.

– Это я, царь-батюшка, – тихо ответил женский голос, – доглядеть вышла, не приключилось бы чего с тобой плохого...

По голосу Петр узнал атаманшу.

– Подь сюда, Варварушка, – позвал он ее.

Шурша атласными шальварами, атаманша подошла к царю. Он притянул ее к себе.

– Ой, Варварушка-свет, в голове шумит.

– А ты приляг, милостивец, все пройдет.

– Нет, уж лучше постою на ветру, голова посвежеет... Ух ты, какая же ты ладная, пригожая, – засмеялся он, обнимая атаманшу. – Раскормил тебя Лукьян на вольных хлебах. Дай тебя поцелую, женка, сладко...

Он разыскал своими горячими губами ее губы и крепко поцеловал. Атаманша захихикала.

– Ой, царь-батюшка, да и горяч же ты больно!

– Ты тож, женка, горяча, как жар, – усмехнулся Петр и заглянул ей в глаза.

В сумеречной мгле глаза у атаманши поблескивали ласково, маняще...

На городских колокольных в ликующем перезвоне захлебывались колокола по случаю пребывания царя в казачьей столице.

---

¹⁹ *Тулумбас* – турецкий бубен.

²⁰ *Шандал* – подсвечник.

Глава III

Царь Петр придавал большое значение своей поездке в Азов и на Дон. Россия недавно одержала победу над злейшим врагом – турками и овладела первоклассной по тому времени турецкой крепостью Азовом. Как бельмо на глазу, эта турецкая крепость на протяжении более двух веков мешала русским людям видеть мир и общаться с ним. Турки заперли перед русским народом выход в южные моря – Азовское, Черное, Средиземное, закрыли путь в южные страны. Петр теперь создавал русскую могучую линию обороны на побережье Азовского моря – восстанавливал и усиливал Азов, возводил неприступные укрепления в Таганьем роге, Троицком и других прибрежных местах.

На воронежских верфях строился русский флот. Усиленно комплектовались матросские команды. Мощные корабли один за другим по Дону-реке отправлялись на охрану отвоёванного морского берега.

Из Москвы и других городов России в Азов и Таганьей рог огромными толпами шли работные люди с лопатами, пилами, топорами. Работа по строительству крепостей велась кипучая, большая. Царь Петр прислал в распоряжение азовского губернатора целый отряд инженерных офицеров, обученных по новейшим фортификационным наукам.

Шли на побережье Азовского моря и солдатские полки. Петр знал, что турки не так легко уступят Азов, что они еще попробуют его снова отнять. Поэтому оборону на азовском побережье надо было иметь крепкую, надежную.

Делами по укреплению азовского побережья Петр занимался сам, никому не передоверяя. Теперь он решил поехать в Азов.

Еще задолго до своей поездки он надумал побывать в Черкасске-городке и потолковать с донскими старшинами. А поговорить с ними надо было о делах немалых.

Спаянные товарищеской железной дисциплиной, казачьи отряды представляли собой грозную силу. Хотя они большей частью бежали на вольный Дон из внутренних русских уездов от крепостного гнета, жили своими особыми, вольными порядками вдали от родных мест, не раз поднимались на борьбу за свои права, за волю крестьянскую против крепостников, – казаки были верными сынами русского народа, горячо любили родину и были страстно преданы ей всем своим горячим, неугомонным сердцем.

Казаки на южной окраине Русского государства всегда были зоркими, надежными стражами. Немало турецких, крымских, калмыцких и ногайских голов устлало далекую степь. Казачья сабля живо настигала врага, вздумавшего посягнуть на русскую землю.

Петр отлично все это понимал.

На следующий день после пира у атамана Максимова царь встал рано. Он вышел на крыльцо в нижней полотняной рубахе, с засученными рукавами. У дома стояла стража. Тотчас же появился дежурный офицер. Позевывая, царь стал смотреть вдоль улицы.

Розоватый от восходящего солнца легкий туман окутывал просыпающийся городок. На влажных листьях сирени и акаций ярко сверкали капли утренней росы. В чистом, словно умытом, нарядном небе кувыркались голосистые жаворонки.

Кое-где из труб куреней поднимались густые столбы дыма: казачки уже готовили раннюю снедь.

Из дверей выскочил босой, взлохмаченный и заспанный атаман Максимов.

– Царь-батюшка, – встревоженно сказал он, – да что же это ты, милостивец, так раненько-то встал, а?.. Вишь, бабы еще и коров-то не доили.

– Не люблю в постели нежиться, – мотнул головой Петр. – Дело надобно делать... Приноси-ка мне, Лунька, ведро студеной воды да окати-ка меня... А то что-то голова с похмелья трещит...

– А ты, милостивец, хлебни фряжского винца, – хихикнул Лукьян. – До разу все пройдет... Принести ковш, а?..

– Спить опять хочешь? – строго посмотрел на атамана Петр. – Погуляли – хватит!.. Сказал – дело надобно делать. Давай воды!..

– Сейчас, государь, – метнулся Максимов.

Он выбежал во двор, даже не стал будить ясырок, сам схватил ведро и проворно достал из колодца холодной воды.

– Милостивый государь, – таща ведро с водой, сказал атаман, – может, на Дон пойдем искупаемся?

– Опосля пойдем, – отмахнулся Петр, – а сейчас ты мне студеную воду на голову лей.

Петр сошел с крыльца во двор и скинул с себя рубаху, обнажив широкую, богатырскую грудь.

– У-у! – закинув за голову руки, потянулся он. На руках его шарами вздулись мускулы.

– Ого! – ухмыльнулся Максимов и почтительно тронул пальцем бицепс Петра. – Ох, да и силен же ты, милостивый государь!.. Силища у тебя, как у богатыря...

Петр самодовольно усмехнулся.

– Не гневлю бога. Есть силенка. Да ведь ты ж, Лунька, тож, черт, видать, сильный. Может, поборемся, а? – шутливо потянулся руками к нему Петр.

Максимов испуганно отшатнулся, расплескивая из ведра воду.

– Ну, где уж мне, государь, с тобой тягаться! Ты мне сразу хребет сломаешь...

– Ну, ладно, лей!

Петр нагнулся, подставил Максиму голову. Тот, подняв ведро, облил голову царя. Петр от удовольствия зафыркал.

– Хоро-ошо!.. Хоро-ошо!.. Лей еще, Лунька!.. Ого-го!.. Здорово, черт!..

– Ой, родимые мои! – запричитала атаманша Варвара, сбегая с полотенцем в руках с крылечка. – Что ж ты меня, Луня, не разбудил-то?.. Вот, царь-батюшка, рушник тебе... Может, тебе спинку-то вытереть, а?..

– Ну, вытри, что ль, атаманша, коль охота есть, – добродушно проговорил Петр, подставляя ей свою широкую, мускулистую спину.

Атаманша, вся розовая от сна, красивая, пышногрудая, неизвестно когда уже успевшая принарядиться и посурьмить брови, усердно начала вытирать царю спину.

– Ну ладно, атаманша, хватит. Спасибо тебе.

Царь быстро надел рубашку и крикнул:

– Давай кафтан!

Молоденький офицер, заспанный и полураздетый, кубарем скатился по ступенькам крыльца, неся Петру его иноземного покроя шкиперский с позументами, черный кафтан.

Вскоре царь, свита, атаман Максимов и старшины осматривали город.

– Стены-то градские у вас рушатся, – указал Петр. – Надобно починить, атаманы-молодцы. Зело беспечно живете. Время сейчас военное... Только ли со шведами придется воевать? Неровен час, а ну турки али крымцы нападение сделают, что тогда?.. Вот в эти пробоины прорвутся и побьют вас всех... Беспременно почините.

– Починим, государь, – пробормотал Максимов, удрученный тем, что дотошный царь Петр во все дырки совал свой нос, все подмечал.

– Городок-то ваш хоть и хорош, – говорил Петр, – но зело неудобен. Зря ваши предки селились тут... Вода со всех сторон омывает, на острове живете. Росту населения нет, негде селиться... А ваш город должен расти, потому стольный град для вашего казачества.

– Милостивый государь, дозволю слово молвить, – проговорил тихо Зерщиков. – Ведь потому наши предки тут селились, на острове, чтобы упасть водой от нападения супостатов...

– Разумно сделали, – сказал Петр. – Но придет время, когда столицу вашу перенесут отсель в другое место²¹.

Они подошли к станичному майдану²². Внимание Петра привлекли какие-то странные предметы, лежавшие на площади.

– Что это такое?

– Где, государь? – оглянулся Максимов, недоумевая, на что это мог обратить внимание царь.

– А вот.

Петр указал на заросшие травой, проржавевшие огромные чугунные ворота и коромысло от гигантских весов. Видимо, эти предметы пролежали здесь десятки лет.

– А-а, – протянул Максимов. – Турские это... из града Азова.

Но царь был любопытен.

– Ты скажи, Лукьян, как они попали-то сюда, а?

Максимов ничего не мог толком объяснить. Он сбивчиво начал говорить о том, что эти старые реликвии отвоеваны-де казаками у турок.

Илья Зерщиков насмешливо смотрел на атамана и, не вытерпев, спросил у Петра разрешения говорить.

– Расскажи, расскажи, Илья, – обратился раздосадованный Петр к нему. – От него, бес-толкового, ничего не уразумеешь.

– Великий государь, – с достоинством проговорил Зерщиков. – Сии ворота от турецкой крепости Азова притащены сюда казаками в тысяча шестьсот сорок втором году... И городские весы тож. Память это о казачьих лихих делах большая...

– Память? – заинтересовался Петр. – А ну, расскажи полнее.

– В тысяча шестьсот тридцать седьмом году, в царствование царя Михаила, – сдержанно начал Зерщиков, – наши донские казаки собрались огулом, тысячи так это три, а может, и пять, порешили сделать набег на турецкую крепость Азов и взять ее... Потому как, великий государь, помеха она была казакам. Ни проехать мимо нее казаку не можно было, ни пройти. А казаку от того прямо разор. Не можно на море на стругах пойти погулять, зипунов добыть в супостатских землях. Как бывало завидят турецкие ратники наши казачьи струги, ну и давай с башен по ним из пушек палить... Обида казакам от того была большая. Ну и порешили они помеху сию устранить. Мне о том мой дед покойник сказывал, царство ему небесное, – набожно перекрестился Зерщиков. – Выбрали они ночку темную, ненастную... Гроза была сильная, дождь как из ведра лил... Стражи-то турецкие на стенах крепостных от непогоды в ухоронку укрылись. А это казакам на руку. Взобрались казаки на стены крепостные, стражу перебили и ринулись в крепость. Ну и началась тут потеха. Турков прямо тепленьких, в постелях, в обнимку с турячками, захватывали... Сколько тут нехристей перебили – уйму!.. Так вот и овладели казаки крепостью Азовом. Пять лет подряд, вплоть до тысяча шестьсот сорок второго года, сидели казаки в Азове-городке, обороняясь от турецкого войска. И ни в жизнь не сдали б они турчанам Азова, ежели б царь наш, превеликий государь Михаил Федорович, не повелел казакам оставить Азов и отдать его турчанам опять. Не хотел, вишь, царь-то наш во вражду с турецким султаном вступать. Не могли послушаться казаки царева указа, сдали нехристям крепость, а во память того, что донские казаки в Азове пять лет сидели, они вот сии турецкие ворота и весы сюда приволокли...

Петр захохотал.

---

²¹ Впоследствии так и сделали. Из-за неудобного расположения Черкаска войсковой атаман М.И. Платов, будущий герой Отечественной войны 1812 г., перенес столицу Дона на другое, более удобное место. В 1805 г. он основал г. Новочеркасск, который и стал главным городом донского казачества.

²² *Майдан* – площадь, место сбора казаков.

– Зело молодцы казаки! История о том, как казаки в Азовской крепости сидели, мне отменно известна. Но вот о том, что они турецкие крепостные ворота и городские весы притащили, я не знал. На спинах, что ли, своих они их притащили, Илья, а?

– А о том мне, великий государь, неведомо, – ответил Илья. – Может, и на спинах, а скорее всего на стругах доставили²³.

Петр задумчиво смотрел на ворота.

– Да, – сказал он. – Преотменно храбры казаки. Велика их заслуга перед отчиной и престолом нашим.

Помолчав, он внушительно проговорил, посмотрев на Максимова и Зерщикова:

– Сейчас, атаманы-молодцы, времена зело лихие для нас наступили. Шведы прут, как оглашенные черти. Войско мне надобно, доброе войско, надежное... А тут и турки, того и гляди, полезут. В обиде они большой на нас за Азов...

Максимов и Зерщиков, примолкнув, слушали царя, опустив глаза. Они уже чувствовали, к чему царь ведет разговор.

– Скажу вам прямо, атаманы-молодцы, – сказал Петр, – собирайте мне казачьи полки свои да посылайте быстрехонько на шведов... Да отряд казаков для гарнизонной службы в Азове соберите.

– Милостивец превеликий! – воскликнул Максимов. – Да где ж мы наберем-то войска-то такого?.. Ведь послали мы уже один отряд казачий на шведов-то!

– Что мне твой отряд! – сердито крикнул Петр. – Мне сто таких отрядов надобно! Завтра ж, Лукьян, собирай казаков, посылай гонцов в городки.

Максимов и Зерщиков молчали. Они знали, что противоречить царю было бесполезно, лишь в гнев введешь его.

Петр, сопровождаемый Максимовым и Зерщиковым, продолжал обход городка.

– А это что? – указал Петр на груды кирпичей, наваленных на площади. – Что хотите строить?

– Да храм божий хотели было построить, – заговорил Максимов. – Да силов, государь, нет его воздвигнуть. Ни лесу, ни мастеров нет... А желание у казаков есть большое построить храм от усердия своего... И денег было немного собрали...

– Храм, – усмехнулся Петр. – Вы бы вот лучше крепость-то свою обстроили, а то развалится стена-то скоро.

– Крепость крепостью, великий государь, а храм нам тож нужен. Видишь, какие церковки-то у нас убогие, маленькие... Народу негде вместиться послушать богослужение.

Петр подумал.

– Ладно, атаманы-молодцы, – сказал он, – за службу вашу верную мне и отчизне своей помогу вам построить храм богоугодный... Да такой, атаманы-молодцы, храм, что и в Москве бы ему пристойно стоять. Построим храм такой, что и крепостью вам он при нужде послужит. Каменный, с бойницами. На случай чего, чтоб в нем можно не токмо петь, но и десять лет от басурманов отсидеться... Сам набросаю чертежи...²⁴ Ну а теперь пошли полдничать, – весело закончил Петр, – а то нас небось заждалась Варварушка-атаманша с горячими пирогами.

Максимов и Зерщиков переглянулись, повеселели: осмотр городка кончился.

– Пополдничаем, – озабоченно добавил Петр, – да надобно плыть в Азов.

Проводив царя в Азов, атаман Максимов и старшины принялись за составление списка казаков для похода на шведов.

– А сколь же ты их, Лукьян, хочешь набрать-то? – спросил старшина Василий Позднеев.

---

²³ Эти крепостные ворота Азова и коромысло от весов до сих пор находятся в станице Старо-Черкасской Ростовской области.

²⁴ При помощи Петра I в Черкасске был выстроен великолепный храм изумительной архитектуры. Он сохранился до наших дней. На одной из стен храма висят цепи, в которые был закован Степан Разин.

– Да ведь как по-вашему, атаманы-молодцы? – вопрошающим взглядом обвел Максимов сидевших за столом старшин. – Два полка, должно, надобно... Говори, тыщу человек.

– А не мало, а? – подал голос кто-то из старшин.

– Где там мало! – вспыхнул Илья Зерщиков. – Ведь еще надобно человек триста послать в азовский гарнизон.

– Пиши, Илья, – сказал атаман. – Давай начнем с северных городков. Пиши: Пристанский городок. Десять казаков. Быть конными и оружными...

– При-иста-анский, – выводил гусиным пером по бумаге Зерщиков. – Де-есять... Не много ли, Лукьян? Городок-то захудалый. Бедно казаки живут, да и коней и оружия у них нет... Давай шесть запишем.

– Ну, пиши шесть, – согласился атаман. – Михайловский. Это городок многолюдный, и живут будто справно... Пиши, Илья, двенадцать казаков.

– Две-енадцать, – записал Илья. – На шведов?

– На шведов, – подтвердил Максимов. – Теперь пиши: Котовский. Это малолюдный городок. Восемь казаков. Пиши их, Илья, в азовский гарнизон.

– Восемь, – записал Илья. – В га-арнизон...

– Урюпинский. Десять, на шведов.

– Десять... На шведов.

Допоздна составляли списки казаков старшины. Когда подсчитали, то оказалось в списках 1520 казаков.

– Больно много, – проворчал Зерщиков, утомленный составлением списков. – Двести двадцать казаков надобно снять.

И они снова начали проверять списки.

– Пристанский городок, – читал Зерщиков, – шесть.

– Снимай двух, – сказал Максимов. – Четырех хватит.

– Михайловский. Двенадцать.

– Снимай трех. Девять останется.

– Котовский. Восемь.

– Оставляй шесть.

Когда закончили подсчет, то оказалось, что сняли со списков слишком много. Надо было снова прибавить девяносто три казака.

– Пристанский, – хрипел Зерщиков. – Четыре казака.

– Прибавь одного. Нехай будет пять.

– Михайловский. Девять...

Все пошло сызнова.

Только к утру наконец были составлены списки. В них значилось ровно тысяча триста казаков – ни больше, ни меньше. Тысяча посылалась в Ингрию, против шведов, и триста – в распоряжение азовского губернатора для гарнизонной службы.

– Ну, слава те господи! – набожно перекрестился Илья Зерщиков. – Теперь закончили это дело. Царь будет не в обиде на нас...

– Погодите, атаманы-молодцы, не все еще, – прервал осипший Максимов.

– А что еще?

– Надобно ведь атамана походного. Вести кому полки в Ингрию?

– Ну, это можно опосля, – отмахнулся Зерщиков.

– Как же опосля? – встревоженно проговорил Максимов. – Царь будет возвращаться из Азова, спросит: кто начальник отряда? Что ему в ответ скажу?

– Василия Фролова походным атаманом пиши, – предложил один из старшин.

– Правда истинная, – поддержал Василий Позднеев. – Казак хороший.

Старшины согласились поставить Василия Фролова походным атаманом.

– Ну, в добрый час! – облегченно проговорил Максимов. – Сделали это дело – и гора с плеч.

Старшины разошлись, а атаман Максимов, не сомкнув глаз, составлял с писарем указы станичным атаманам о сборе казаков.

В станицах указы были встречены с большим воодушевлением, с казацкой страстностью.

– Испокон веку казак – защитник русской земли, бьет супостатов, – говорили казаки.

Закипела работа. Готовили оружие, коней, одежду, продовольствие для далекого похода – «на Сине море», «супротив свейского немца»²⁵.

---

²⁵ Свейские немцы – шведы.

Глава IV

Наступила осень, холодная, ветреная.

Лукьян Максимов, прислушиваясь к завываниям ветра за окном, раздевался, готовясь ко сну.

Дверь в горенку со скрипом приоткрылась, из-за двери выглянул Зерщиков.

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа... – проговорил он.

– Аминь! – ответил Лукьян, оглядываясь. – Ты, Илья Григорьич? Заходи.

Осторожно ступая длинными ногами, Илья Зерщиков вошел в горенку. Он молча прошагал к жарко накаленной изразцовой лежанке с причудливыми рисунками искусных мастеров, сел на лавку, пожегся.

– Студено на улице.

– Студено, – подтвердил атаман.

В красном углу, перед образами в серебряных массивных ризах, завешенными парчовой занавеской с золотыми кружевами, тускло мерцала лампадка, роняя скупой свет. Атаман накинул на себя кафтан и, сунув босые ноги в теплые комнатные чирьки²⁶, подошел к Зерщикову, сел рядом.

– Что, Илья Григорьич, скажешь? – с нотками тревоги в голосе спросил он, взглядывая на позднего гостя.

Зерщиков молчаливо посмотрел на атаманшу Варвару, снимавшую с себя перед зеркалом унизанную жемчугами кичу. Атаман, поняв его взгляд, сказал жене:

– Подь-ка пока, Варвара, погляди, кто это там никак вошел...

Варвара недовольно фыркнула и, положив кичу на стол, вышла, сердито хлопнув дверью.

Казаки проследили за ней глазами, и, когда дверь за Варварой захлопнулась, Зерщиков со злостью выкрикнул:

– До каких это пор мы будем терпеть?

– Ты о чем, Григорьич? – недоумевающе посмотрел на него атаман.

– Тебя, Лукьян, видно, ничего не тревожит? – спросил Зерщиков, сверля атамана злыми глазами.

– Нет, – простодушно ответил Максимов.

– Хм... тебе все хорошо...

– Да ты о чем это? – заморгал атаман. – Толком скажи, толком.

– А вот и толком, – горячась, начал выкладывать обиды Зерщиков. – Что стали делать с нами, донскими вольными казаками? А? Что? Тебя я спрашиваю, атаман. Кроушку мы свою проливали под Азовом, – желчно выкрикнул он, – думали-гадали: вот-де теперь нам польза будет от того, что забрали турецкую крепость... Ан дело обернулось клином. Теперь этот Азов нам как, все едино, бельмо на глазу... Царь запретил нам зипуны добывать в турецких да татарских землях. Азовскому губернатору заказано не пускать наших стругов в море...

– Правда, правда истинная, – сокрушенно вздохнул Максимов.

– То-то правда... Мало того, что не пускает нас в набеги воевода азовский, он еще требует, чтоб казаки гарнизонную службу несли. А когда это было видано, чтобы казаки в гарнизоне служили?... Ну и порядочки установил царь-батюшка!

– К чему речь-то свою ведешь, Илья? – осторожно спросил атаман.

Но Зерщиков, не ответив, продолжал раздраженно:

– В скольких местах запрет на рыбную ловлю наложили!.. Скоро негде будет казаку рыбу ловить! Как казаку жить? А ежели какую рыбешку в недозволенном месте потайно поймаеть,

---

²⁶ Чирьки – здесь глубокие туфли на шерстяной подкладке.

то как ее продать? Сыск поведут, грозят смертной казнью. Лесу нарубить на постройку куреня ныне тоже не всюду дозволяется... Хлеб сеять – нельзя... Да что ж можно казаку, а-а? Что можно?.. Скажи, атаман? Как теперь жить, как кормиться?

Лукьян вздохнул.

– Да-а... тяжелое времечко подошло, Илья. Трудно вольному казаку... А тут, Григорьич, слышал ай нет, получен государев указ, чтоб из верховых городков казаков, кои живут по речкам Хопру и Медведице, перевести и поселить по двум дорогам к Азов-городу: одних – от города Валуйки, других – от Рыбного...

– Это зачем же? – пристально взглянул Зерщиков на атамана.

– А затем, – пояснил атаман, – чтоб те казаки купили себе лошадей и сбрую и были почтарями. Будут возить летом и зимой почту из Москвы в Черкасск да Азов...

– Надумал царь-батюшка дело, – недобро усмехнулся Зерщиков.

– А тут еще, Илья, – наклонившись к уху Зерщикова, зашептал атаман, – жди скоро гостей на Дон.

– Это кого ж нечистая сила несет?

– Слышал, будто царские стольники Кологривов да Пушкин приедут.

– За каким таким нечистым?

Максимов усмехнулся.

– Царь хочет всех беглых людей поизловить на Дону да сызна к боярам отослать...

– Быть того не может! – вскричал Зерщиков, вскакивая. – Когда это было видано, чтоб беглых людей с Дона выдавали?

Новость эта его сильно поразила. Несколько минут он молчал, размышляя.

– О господи! – тяжело вздохнул он. – Что ж это делается на белом свете? Да вот у меня живет, к тому, человек пятнадцать беглецов, разве ж я их отдам?.. Да ни в жизнь! Кто ж у меня тогда по хозяйству управляться будет? А кто будет рыбалить? Кто будет скот стеречь? Кто будет на соляных варницах соль вываривать?.. Нет, царь-батюшка, не будет по-твоему, не будет! – озлобленно кричал он. – Васильич, у тебя тож человек пятнадцать беглых холопов живет, ты их отдашь? Отдашь, атаман, скажи?

– погоди, погоди, Григорьич, – успокаивал его Лукьян, – больно уж ты горяч... Надо в этом деле толком разобраться... Господь не допустит – свинья не съест.

– Нет, царь-батюшка, – зловеще прошипел Зерщиков, – не дело ты затеял, не дело... Ежели растравишь казачьи сердца – худо будет...

– Что ты говоришь, Илья! Господь с тобой! – испуганно ухватил его за рукав Лукьян. – Не говори таких слов. Не говори! Не дай господь, кто подслушивает... – атаман оглянулся на дверь, – беды горькой наживешь.

– Ты, атаман, не крути! – грубо прикрикнул Зерщиков на атамана. – Ты хочешь хвостом крутить так и этак... И нашим и вашим. Это дело надо напрямик решать. Сколь веревку ни вить, а конец должен быть.

– Да как же решать-то? – растерялся Лукьян. – Не в нашей это воле.

– Нет, в нашей. Надобно царю прямо сказать, что у нас, мол, с Дона беглых не выдают. Закон, мол, установлен такой нашими дедами.

– Ты хоть, Илья, человек и с умом, – сказал обиженно атаман, – а говоришь дурость. Разве ж можно так делать? Ты вот лучше послушай меня. Я уже думал над этим делом. Вот когда приедут эти стольники, созовем войсковой круг, послушаем царевых послов, поговорим на круге, да и ответ свой обскажем им...

– Какой ответ?

– А ответ наш будет такой, – подмигнул Лукьян, – нет-де у нас беглых холопов. Кои, мол, поразбежались, а коих мы-де боярам сами отправили... А ты, Илья, тем временем поговори с казаками, пусти слушок по станицам и городкам, чтобы беглецы-то похоронились. Не дадим,

Илья, ни единого человека с Дона, – вот тебе Христос, не дадим... Верь мне... Кто ж у нас будет работать тогда?..

Зерщиков задумчиво слушал атамана. Слова Максимова казались ему убедительными. Атаман, глянув на дверь, сказал:

– Не горячись ты, Илья, не горячись! Все по-хорошему обернется. А теперь иди спать, с богом. Запозднились мы... Моя атаманша, поди, злится, спать хочет.

– Ну, прощевай коль, Лукьян, – приподнялся Илья. – С казаками я потолкую по этому делу.

– Поговори, поговори, Илья.

После ухода Ильи Зерщикова в горенку вошла раздраженная Варвара.

– Что это у вас за тайные дела с Ильюшкой? – подозрительно спросила она у мужа.

– Да так это, – уклончиво ответил Лукьян.

– Гляди, так ли, – строго посмотрела она на него. – Не люблю я твоего длинноногого Ильюшку. Глаза, как у разбойника. Глядит на всех коршуном, того и гляди, клюнет своим носом... Ой, смотри, Луня, беды ты с ним наживешь. Подведет он тебя под беду, а сам сухонький будет... Не якшайся ты с ним, ради бога.

– Ну-ну, будет тебе, Варварушка...

Глава V

Ветер с моря погнал на север серые лохматые тучи. Выглянуло солнце, непривычно горячее, ослепляющее.

Резво и неумолимо помчались по степи мутные ручьи... Встретив на своем пути преграду, они сердито журчат, пускают пузыри, пенятся и, прорвавшись, снова несутся со звоном вперед...

Река, скованная льдом, в задумчивом оцепенении слушает восторженный говор весенних ручьев. Вбирая в себя взбалмошные вешние воды, она грузнеет, набухает и, притихшая, молчаливая, как бы готовится к чему-то неизбежному, таинственно-важному...

Берега налились бурой водой, и посиневший, ноздреватый, распухший лед поднялся, всплыл.

В субботу, на пятой неделе Великого поста, перед рассветом с реки послышались гулкие залпы, словно там стреляли из пушек. Наутро, неудержимый в своем величественном стремлении, Дон, кроша и ломая лед, понес голубые глыбы и шершь²⁷ в заманчивые дали. Полая вода прибывала все больше и больше, заливая улицы...

Шли дни, воздух насыщался ароматом набухающих почек. И там, где еще совсем недавно неслись бурные весенние потоки, рассыпались цветы. Сквозь прель прошлогодней травы зелеными щетинками пробивались они на свет и вспыхивали разноцветными огоньками.

Вечерами, при закате, в пламени кровавых пожаров, в городке, как в Венеции, по улицам двигались каюки и лодки. В них сидели молодые казаки и распевали буйные разбойные песни. Девушки смотрели на них из оконцев своих горенок и томно вздыхали.

На высоких крылечках сидели седобородые старики. Прислушиваясь к удалым песням, они вспоминали минувшие дни – молодость, свою казацкую силу, набег на Тавриду, Кафу, Синоп, возвращение с лихими, звонкими песнями на славный тихий Дон. Возвращались на стругах, наполненных дорогим грузом, в обнимку с черноокиими пленницами...

Чудесно было в Черкасске-городке во время весеннего разлива...

Однажды вечером к городскому стружементу причалили два небольших струга. Со стругов сошли мужчины в коротких кафтанах, в шляпах и черных, до колен, нитяных чулках. Не успели они сойти на берег, как по городу уже разнеслась весть: прибыли царские стольники Кологривов и Пушкин.

Ранним утром следующего дня есаулец, огромный рыжий детина в стареньком атласном кафтане, ходил по тем улицам, где можно было пройти, а где нельзя – плыл на лодке, и оглушающе бил палкой по котлу-литавре, висевшей у него на груди.

– Атаманы-молодцы! – выкрикивал он. – Ка-за-ки!.. Все войско Донское!.. На круг... На кру-уг!.. Честная станица, сходишь на беседу ради государева дела!..

И на его зов сходились казаки на городской майдан. Собираясь группами, они взволнованно обсуждали приезд царских стольников.

Илья Зерщиков, долговязый, как цапля, одетый в синий бархатный кафтан нараспашку, из-под которого виднелся голубой узкий шелковый домашний чекмень, озабоченно перебегал от одной группы к другой.

– Браты, – говорил он, – так помни уговор: говори, что, мол, у нас нет беглых холопов... Были, мол, да ушли...

– Не дадим!.. – возбужденно гудел рыжебородый казак в лазоревом зипуне, с жемчужным ожерельем на шее. – Не дадим! Дон никого не выдает! Никого, браты! – потрясал он кулаком.

---

²⁷ Шершь – мелкий лед.

– Правда истинная! – тонкоголосо вторил ему маленький казачок в синем бархатном полукафтани и в лаптях. – Не выдадим!..

– Не выдадим, Илья Григорыч, не выдадим! – заверяли Зерщикова взволнованные голоса.

На площадь прибывали все новые и новые толпы. Вскоре городской майдан был переполнен народом и гудел, как встревоженный шмелиный рой.

Толпы были пестрые, цветистые, в одеждах разных народов. Русское, черкесское, татарское, турецкое платье образовало яркую смесь. У большинства на шелковых персидских кушаках висело богатое оружие.

Все уже знали о цели приезда стольников.

– Не выдадим!.. Не выдадим!.. – гневно выкрикивали казаки.

Из становой избы вышли и направились к майдану войсковой атаман Лукьян Васильевич Максимов с булавой в правой руке, старшины, есаулы и царские стольники Кологривов и Пушкин. На майдане гомон сразу же замолк.

Атаман прошел в середину круга. Стольники последовали за ним.

Есаулы Позднеев и Иванов бросили наземь шапки, положили перед атаманом бунчук, как полагалось по обычаю. Максимов поднял его. Позднеев громко крикнул:

– Послухай, честная станица! Атаман трухменку гнет! ²⁸

Максимов снял шапку и обратился к казакам:

– Атаманы-молодцы и все войско Донское! К нам, царевым холопам, приехали царские послы с указом великого государя Петра Алексеевича... Послушайте, атаманы-молодцы, сей царев указ... Сейчас его прочтет нам стольник Максим Никифорович Кологривов... Послухай-те, молодцы, да обскажите свой ответ.

Из толпы послышались раздраженные выкрики:

– Нехай прочтет!

– Ужо обскажем! Обскажем!..

Кологривов, сухой, бритый старик, снял треуголку, поправил парик, откашлялся.

– Донские атаманы и все храброе войско, – начал он, – челом бьем!

Оба стольника низко поклонились.

– По именному указу великого государя, – продолжал Кологривов, – велено мне со стольником Пушкиным ехать в казачьи ваши, государевых холопов, городки для сыску новопришлых на Дон после тысяча шестьсот девяносто пятого года, бежавших всяких чинов людей...

Кологривов развернул указ и начал нараспев гнусаво читать:

– «...На Дону до Паншина, и по Хопру, и по Медведице, и по Бузулуку, и по Северскому Донцу, и по Каменке, и по Белой и Черной Калитвам, и по Быстрой, и по Березовой, и по Яблоневоу речкам в казачьих старых и в новопоселенных городках у атаманов и казаков взять сказки²⁹, откуда те казаки пришли и нет ли у них в городках беглых ратных людей, боярских холопей, крестьян и других чинов людей...»

– Ишь ты, дьяволы, зачем приехали! – одиноко донесся чей-то озлобленный голос.

По толпе прошел приглушенный ропот.

– Помолчите, атаманы-молодцы, – застучал булавой по бунчуку атаман. – Дослушайте царев указ.

– А чего его слушать? – дерзко прокричал чей-то голос. – И так все понятно.

Долго пришлось атаману успокаивать круг. Толпа затихла не сразу. То там, то сям вспыхивали еще гневные выкрики...

---

²⁸ *Трухменка* – шапка. «Атаман трухменку гнет» (шапку снимает) означало: «Атаман хочет говорить».

²⁹ *Сказки* – здесь сведения.

Кологривов внимательно поглядывал на толпу, дожидаясь, когда она успокоится, и когда все снова затихло, он продолжал чтение:

– «... Велим мы стольникам нашим Кологривову да Пушкину разобрать те сказки и всех казаков, кои были в азовских походах, оставить на месте, а казаков, кои не были в оных, сослать на речки у Валуек и Рыбного на поселение, а казаков – пришельцев на Дон после тысяча шестьсот девяносто пятого года с женами и детьми и со всеми их животы ссылатъ в те же города, откуда они пришли...»

– Нету у нас беглых! – свирепо прокричал рыжебородый казак в лазоревом зипуне. Голос его гулко разнесся над майданом. Он прозвучал как сигнал.

– Нету-у!.. – подхватил рядом стоявший с ним седой высокий старик.

– Нету-у... Все мы тут давнишние казаки!..

– Все мы были под Азовом!

– Были беглые, да сплыли!

– Не трогай нас, боярин!..

– На Дон попал – говори пропал!..

Стольники встревоженно смотрели на возбужденную толпу. Они видели, как в воздухе угрожающе мелькали здоровенные кулаки, гневом сверкали глаза, корчились в надрывных, хриплых криках багровые от злобы лица.

Вспотевший атаман Максимов пытался успокоить круг:

– Помолчи, честная станица!.. Помолчите, добрые молодцы!..

Но голос его беспомощно тонул в шуме толпы.

– А-а-а!

– У-у-у!..

– Что, Михаил, будем делать? – сказал Кологривов Пушкину. – Как мы их утихомирим?..

Какой ответ будем держать государю?..

Пушкин, беспокойно поглядывая на возбужденных казаков, трусливо ответил:

– Ну их к чертям! Мало мы тут толку добьемся, Максим. Уговори ты атамана, пусть пошлет с нами в казачьи городки старшин своих... Поедем – поглядим, а коль не найдем пришлых да беглых, то так и скажем государю: не нашли, мол... А их, Максим, не задирай, а то еще побьют.

Когда Кологривов сообщил о своем намерении поехать в городки, атаман охотно согласился оказать содействие. Сняв шапку, он стал впереди стольников и, хитро подмигивая казакам, поднял булаву.

– А ну, помолчи, честная станица! – закричал есаул Позднеев. – Атаман трухменку гнет!

Поняв, что войсковой атаман надумал обхитрить царских стольников, круг притих.

– Атаманы-молодцы, послушайте!.. Царевы стольники поимели охоту, – снова подмигнул атаман, но так, что стольники не заметили, – поехать в казачьи городки... Пускай поедут, поглядят, уверятся, что нет у нас, на Дону, беглых, и обскажут об этом великому государю... А со стольниками мы пошлем двух наших старшин – Василия Позднеева да Якимя Филиппева...

– В добрый час! – гаркнул дружно и весело круг.

Стольники были несказанно удивлены, что дело приняло такой оборот. Ведь они, собственно, этого и добивались – поехать по городкам.

Пока стольники со старшинами собирались в дорогу, атаманские гонцы уже скакали с указанием городковым атаманам, чтобы беглые люди и боярские холопы прятались по лесам.

Поездив по давнишним донским казачьим поселениям, по так называемому Старому полю, царские стольники возвратились в Москву ни с чем.

Глава VI

Мишка Сазонов хоть и был прирожденным казаком, но так беден, что домовитые казаки относились к нему с явным пренебрежением и считали гультьем. Бедным казакам жилось в Черкасском городке не сладко. Приходилось кусок хлеба добывать в тяжком труде. Уже несколько лет подряд Сазонов работал старшим табунщиком у Ильи Зерщикова. Лошадей у Зерщикова было много, голов под семьдесят. Кони добрые, все более аргамаки³⁰.хлопот и дел табунщикам всегда было много. Надо было зорко следить за тем, чтобы кони не дрались, не заходили далеко. В случае набега калмыков или татар надо было вовремя укрыть лошадей от грабежа. А поэтому Мишка с весны до поздней осени не слезал с седла, скакал по степи с длинным кнутом в руке и ружьем за спиной, охраняя табун.

В ведении Мишки находилось еще семь табунщиков – беглых крестьян из разных губерний России, бежавших на Дон от своих помещиков в поисках вольной жизни и теперь попавших в кабалу к Зерщикову.

Жили табунщики в ветхом курене на берегу небольшого озерца, окруженного редкой цепью мохнатых верб. В их густых кронах поселились ночные певуны, и с вечера до утра маленькое озерцо, как звонкий бубен, гремело перезвоном и присвистом соловьиным.

В один из воскресных дней табунщики, оставив лошадей под присмотром двух своих товарищей, сели на берегу озера вечерять.

В вербах птицы крикливо болтали на все голоса. В терпко пахнущей молодой траве шуршали ящерицы, по озерцу в поисках пищи хлопотливо сновали дикие утки и гуси. Поднимая каскады радужных брызг, о воду билась крупная рыба...

Солнце, побагровевшее и отяжелевшее, медленно клонилось к закату. Длинные тени от верб легли на воду. С озера потянуло вечерней прохладой. Между стволами древних верб возникал мрак. Отсвет закатного солнца воровато зашарил по стволам и корням деревьев, словно что-то разыскивая. И вот, как будто найдя то, что так долго искал, он радостно затрепетал на густых темных верхушках верб, зажигая их багрянцем...

Все больше и больше темнеет степь, и все гуще воздух наполняется ароматом цветов и сочной травы...

Где-то в гущине ветвистой вербы, засыпая, в последний раз прозвенел зяблик и затих. Ему живо отозвалась малиновка, но, не получив ответа, также замолкла. А дятлы, усаживаясь на ночь, все еще торопливо о чем-то болтали, словно делясь впечатлениями дня...

Тревожно заплакал нежный голосок иволги. Становилось все тише и тише... Замолкли птичьи голоса. Замерли в настороженном ожидании вербы. Притихло озеро. Все молчит, вслушиваясь в беззвучную жизнь теплого бархатного вечера...

В глубине бездонного потемневшего синего неба вспорхнула маленькая веселая зеленая звездочка. И, словно обрадовавшись ее появлению, откуда-то из гущины верб ликующе шелкнул соловей. Щелкнул и замолк, будто устыдившись своей смелости. И вдруг, расхрабрившись, снова защелкал и теперь уже надолго, безостановочно...

Обвороченные красотой вечерней природы, растомленные, табунщики молча сидели на берегу и, макая сухари в деревянные миски, жевали.

– Эх, а у нас-то, на Тамбовщине, о сею пору еще лучше! – нарушив молчание, со вздохом сказал молодой, с выгоревшей на солнце волохатой белой головой, парень. – Ох и хорошо же!.. Ведь у нас же леса-а!.. Ух, какие!.. Дубы неохватные, сосны под небо... Зайдешь бывало в лес, так душа от радости замирает... Дух по лесу хороший разливается. Вот, думаешь, рай-то земной... А тут что?.. Степь голая...

³⁰ Аргамак – лошадь породы кабардинских скакунов.

– Ну и что же ты в своем раю-то не жил? – насмешливо спросил Мишка Сазонов.

– Невмоготу стало, – снова вздохнул парень. – Помещик больно лютый, все жилы повытянул... Когда родители были живы, терпел. Вроде некуда было податься... А как померли и остался я один, сиротинкой, то и жизнь мне стала не мила в родной деревне... Затосковал я... Прослышал про вольную жизнь казачью на Дону, и вот захотелось мне посмотреть на нее, пожить самому такую жизнью...

– Вот, Васька, ты и нашел тут жизнь привольную, – ехидно захихикал дед Никанор, щедушный старичишка с реденькой всклокоченной седой бороденкой. – Вот она тут, жизнь-то вольная-привольная, – махнул он на степь. – Простор!.. Травы много – жуй... Воздуху вдосталь – глотай... Одним словом, попал ты, Васька, из огня да в полымя... Будь она проклята, эта казачья вольная жизнь... От зари до зари, уж тридцать лет с седла я не слезаю... В бурю и грозу, в стужу и жару все хозяйских коней стерегу... Илье Григорьевичу Зерщикову богатствия наживаю... А мне что от того?.. Кукиш с маслом... Впроголодь держит проклятый Ильюшка, зипуна нового никогда не даст...

– Тише ты, дед Никанор, – с опаской сказал кто-то из табунщиков. – Ненароком прослышит хозяин, как ты его ругаешь, беды не оберешься...

– Э-э, чихал я на него! – запальчиво взвизгнул Никанор. – Мне от того хуже не будет... Что он с меня возьмет?.. Изобьет?.. Так я не раз испытывал его кулаки-то... Все едино жизнь наша гиблая... Работал я у своего боярина, спину на него гнул, а вырвался от боярина, ушел на вольный Дон, так в руки к Зерщикову попал. Он меня хуже крепостного сделал... Тут вольная жизнь-то, на Дону, только для богатых, домовитых казаков, а для нашего-то брата – та же каторга... Нам, видно, вольная жизнь будет на том свете... Вот ежели б ты, Васька, не сюда подался, к низовым казакам, а остался б у хоперских казаков, гультяев, то, может быть, тебе б жилось-то и вольготнее, потому как они, гультяи-то, все из нашего брата, из беглых холопов да мужиков... Хоть и бедно они живут, да все же вольно...

– Кто же ее знал, что так получится, – уныло буркнул парень. – Ведь говорили, что низовые казаки живут богато, привольно... Каждый, кто б ни попадал сюда, вроде становится богатым да вольным...

– Говорили, – желчно усмехнулся старик. – Говорят – кур доят, а ты и поверил... Дурень ты, Васька...

– А ты не дурень, дед? – спросил старика Сазонов. – За каким чертом ты-то сюда приперся, а?..

– И я дурень, – согласился старик. – Меня тоже нелегкая принесла сюда, на вольготную жизнь... Надо б на Хопре остановку сделать, а я сюда поперся... Был бы я там теперь хоть и гультяем, да вольным казаком... И нечего б мне было бояться, что приедут сыщики царские сыскивать беглецов да возвращать их к своим помещикам и боярам... Ведь тридцать лет уж я на Дону, а все считаюсь беглецом... А какой я беглец? Сколь разов я говорил своему хозяину, чтоб он меня ввел в казаки... Есть такой закон казачий: раз прожил столько годов на Дону, то должен считаться уже казаком... А Зерщиков все вертит хвостом, как старая лиса: «Погоди, говорит, дед Никанор, вот подуправимся с делами, тогда, говорит, введем тебя в казаки и курень тебе поставим...» Все брешет и брешет, ирод, потому как ему нет расчета нас, беглецов, вводить в казаки, – кто ж ему будет задарма работать-то?.. Это вот наш старшой, Михайло Сазонов, – прирожденный казак, так он и плату от хозяина получает.

– Какая тут плата? – сердито проворчал Мишка. – Я на нее семью прокормить не могу...

– Какая б ни была, а все ж плата, – сказал дед Никанор. – Не как мы, грешные, задарма работаем, за спасибо живешь...

– Домовитые власть забрали, – проронил кто-то из табунщиков. – Надобно б собраться нам всем огулом да прощупать бы их, проклятых... Небось, поподатливее были б...

– Руки у нас коротки, – сказал старик.

– Ну, насчет рук молчи, дед, – горячо проговорил Мишка. – На Дону народ забурунный. Чуть чего не так, такое могут заварить, что и не расхлебаешь...

Табунщики несколько минут молчали, жуя сухари.

– Дед, – встряхнулся Сазонов, – ты бы рассказал, как ты попал на Дон, а?..

Старик, прожевав сухарь и запив водой, проговорил:

– Да как попадают-то сюда – дело просто... Убег от своего боярина, вот те и все... Дело-то это было дюже давно, почитай лет тридцать с лишком тому назад... Жил я тогда под Воронежем, в деревне Садовке, занимался крестьянским делом, как и все наши мужики... Боярин у нас был Лука Матвеевич Гринин, терпимый еще человек... Правда, натужно мы на него работали, но все же кое-как терпели, кормились и мы... Худо ль, хорошо ль, но жил я у себя в деревне не хуже других... Была у меня, братцы мои, молодая жена... Да такая это она у меня пригожая да красивая была – кажись, в деревне-то нашей краше ее и не было другой. Марфушей она, дай ей бог царствие небесное, прозывалась... Жили мы с ней ладно, любили друг дружку, двоих ребятенков с ней прижили... Так, может, и прожили б в любви и согласии до самого гроба, да случилось тут, братцы мои, такое дело на наш грех: приехал к нашему боярину на побывку сын его – Михайло. Такой это красавец собой... Усы черные кольцом выются, борода кучерявая, на груди лопатой лежит... Служил он, вишь ты, где-то начальным человеком в стрелецком полку... А дебошир – и не приведи бог какой. Как бывало напьется пьяным, так и пошел по деревне за девками гонять. Пымает какую – исильничает... Проходу никому не было. Девки от него бегали в ухоронку в лес... Вот одна, братцы мои, ходит наш староста по деревне, кличет баб да девок идти в боярский сад, дорожки, стало быть, прочищать... Зашел староста и к нам в избу за Марфой... Я как все едино сердцем чуял, что ежели Марфа пойдет в боярский сад, так быть греху... Вначале я не хотел пущать ее, но староста пригрозил кнутом... Что поделаешь?.. Пришлось ей пойтить... Работало в саду тогда много наших деревенских баб и девок. Вышел из хоромов этот Михайло, сын-то боярский, да на баб масляными глазами, как кот, поглядывает, усы облизывает... Приглянулась, видать, ему моя Марфуша, поманил ее. «Пойди, говорит, помой у меня в светелке полы, чтобы прохладность была». Пошла моя баба, рази ж можно боярского приказания послушаться... А этот кобель-то, Михайло, покрутился-покрутился, и как только Марфа-то вошла в хоромы, так сейчас же побег туда... «Ну, – говорят бабы, – попала и Марфушка в лапы этого злодея...» Работают они, а сами поглядывают, что будет дальше... И слышат они, как в боярских хоромы кто-то дурным голосом закричал. Испужались бабы, закрестились... Смотрят, а на втором-то этаже оконце распахнулось, в той, стало быть, светелке, где этот Михайло жил, и оттель моя Марфа высунулась... «Бабоньки, – кричит она, – погибель моя пришла!» Перекрестилась она, да как сиганет. А ведь высоко все же оттель до земли-то... Да оно, может, и все бы благополучно обошлось, ежели б камни под окном не лежали... Моя Марфа-то прямо на них и упала... Бабы кинулись к ней, а она в беспамятстве... Принесли они ее ко мне чуть живую... Позвал я знахарку, осмотрела она мою женку и покачала головой, говорит – дюже плоха... Ребра, вишь, она себе попереломала. Ну и что ж, – вздохнул старик. – Недельки две промучилась и померла... Такая меня тоска опосля завзяла, места себе нигде не могу найти... Хожу сам не свой, и думки у меня на уме, как бы Михайле-то этому, душегубцу, отомщенье сделать за погибель моей Марфы. И вот надумал я... Наточил я нож, позвал свою сестру и говорю ей: ну, мол, сестрица, ежели со мною что приключится, то, мол, Христом Богом прошу, не покидай моих детишек, вырасти их в христианском духе, нехай на отца своего не имеют обиду, что пошел на погибель за их мать... Стал я подслеживать молодого боярина. И одна я увидел его, как пошел он в лес... Подкрался я сзади, да и пырнул ножом ему в спину... Упал он, закричал, а я давай бог ноги, убег... Вот так я и попал на Дон...

– Стало быть, ты его убил? – сказал Васька.

– А кто ж его знает, – уклончиво ответил старик. – Я ж не осматривал его... Может, и умер он, а может, и ожил, антихрист...

– С той поры в деревне-то своей, стало быть, не бывал? – спросил Мишка.

– Нет, – вздохнул старик.

– И про детей своих ничего не знаешь?

– А как же я могу узнать-то? – развел руками дед Никанор. – Все вот собираюсь на старости лет надеть на себя суму да пойти по миру, может пробрался б на родину и увидел бы своих детей, ежели они живы...

– Ну и пошел бы.

– Просился я у своего хозяина – не пушает... Говорит: «Вот как введем тебя в казаки, так-де вольным казаком туда поедешь, никто, говорит, тебя тогда не тронет...» Вот жду, когда казаком стану, – горько усмехнулся старик. – Да брешет он, Илья-то. Не введет он в казаки. Нет ему антиресу вводить меня.

– Да-а-а, – вздохнул Мишка. – Зерщиков себе на уме, он знает, как надобно с вашим братом управляться. Вот зараз приехали царские сыщики на Дон беглых холопов разыскивать, так Илья наказал мне за вами пуще глаза смотреть, велел вас в ухоронке держать. Навроде сурков, чтоб в балке сидели да нос свой не казали... Потому как разве ж Илье Григорьевичу охота такой даровой силы, как вы, лишаться? Какая ему корысть вас на Русь отдавать? Кто ж у него тогда будет работать? Так-то вот... Ну, братцы, хватит! Повечеряли. Идите к лошадям.

Сазонов встал и, заложив руки за голову, сладко потянулся.

– Ох ты! – вдруг вскрикнул он изумленно. – Ребята, беги к лошадям! Сам едет!

Табунщики, торопливо попрятав сухари в сумки, бросились было к лошадям, но Илья Зерщиков, подъезжая к ним, еще издали сурово закричал:

– Куда побегли? А ну, вертайся!

Табунщики, виновато опустив головы, вернулись. Зерщиков подъехал хмурый, злой.

– Ты что же, Мишка, так это мой приказ-то выполняешь? – гневно посмотрел он на Сазонова. – Я ж тебе велел их, – кивнул он на табунщиков, – держать в ухоронке...

– Повечерять пришли, Илья Григорьевич, – смущенно проговорил Мишка. – Все времечко они сидели в балке, я один за табуном смотрел, измучился. Пришли вот, сухарей погрызли... Харчи на исходе...

Зерщиков соскочил с коня.

– Чего ж сухари-то едите? – сказал он. – Глядите, какие тут богатствия-то! – махнул он на озеро. – Разве ж я вам не велю всем этим пользоваться? Наловили б рыбы, настреляли б дичи, наварили б уха али нажарили уток, а вы, лентяи, сухари жрете, а хозяин вам виноват, не кормит...

– Илья Григорьевич, – робко возразил Мишка, – так у нас же сетей нет. Давно тебя просим привезти нам сеть – рыбу ловить. А уток тож пальцем не настреляешь. Ружьишки без пороху. Привез порох ты нам али нет?

– Ух ты! – спохватился Илья. – Забыл ведь, братцы! Ну, на тот раз как приеду, привезу... Привезу обязательно...

– Гляди, Илья Григорьевич, – угрюмо проговорил Мишка, – не обижайся, ежели калмыки налетят. Отбиваться у нас нечем.

– Завтра пришло, завтра, – пообещал Илья. – И сетку п-ришлю...

– Брешешь, небось, скупой черт! – тихо пробормотал Мишка, думая, что Зерщиков не услышит его, но у того слух был острый.

– Что ты сказал? – гневно посмотрел он на Мишку.

Мишка дерзко посмотрел на Зерщикова.

– Обманешь, говорю, потому как ты скупой дюже.

– Да как ты посмел со мною говорить так, гультяйская твоя м-орда?

– Ты не дюже, Илья Григорьевич, ори-то, – дрожащим от обиды голосом сказал Мишка. – Я ведь тебе не какой-нибудь холоп, а такой же вольный, прирожденный казак, как и ты... Ты думаешь, ежели я у тебя в услужении нахожусь, так на меня и орать можно? Не боюсь я тебя...

– Ха-ха! – озлобленно рассмеялся Зершиков. – Казак он вольный... Дурак ты, а не казак! Рази ж у нас с тобой может быть равенность? Ведь ты ж у меня работаешь, и что я тебе скажу, то ты и сделаешь. Кормлю тебя, гулятя... Зараз вот возьму и прогоню тебя, так куда ты денешься, а? Уйдешь, а потом опять же ко мне придешь, будешь в ногах ползать и просить, чтоб взял на работу, потому как тебе жрать нечего будет... Ну, правду я говорю али нет?

Мишка насупленно молчал.

– Ты уж прикрути хвост-то, – миролюбиво проговорил Илья. – Говори спасибо, что я не сердитый и зла на тебя не имею, а то зараз же могу прогнать, а на твое место многие найдутся. Так-то вот... А вы что рты поразинули? – сердито накинудся он на табунщиков, прислушивавшихся к перебранке Мишки с хозяином. – Ай вам дела нету?

– Да ты же нас сам, хозяин, вернул, – сказал дед Никанор.

– Вернул, – проворчал Илья. – Слушайте, вот что я вам скажу. Вы вот, небось, на хозяина своего сердце имеете, зло содержите, а того в голову взять не можете, что хозяин-то ваш за вас же печется. Вот зараз приехали к нам, на Дон, стольники царские, чтоб перепись учинить всем беглецам да отправить их всех в кандалах на Русь, к вашим боярам. Вот я за вас и постоял. И отстоял. Уехали теперь те стольники царские в Москву ни с чем. А ежели б я за вас не постоял, так быть бы беде. Забрали б вас, батогов всыпали да клейма на лбах повыжгли, а кое-кому, навроде деда Никанора, – покосился он на старика, – так и язык повырезали б... Вот оно что. А теперь покель живите покойно, без опаски, лучше берегите мое добро да спасибо говорите, что заступился за вас...

– Спасет тебя Христос, хозяин! – поклонились поясно табунщики Зершикову. – Спасибо, что упас от погибели.

– То-то же, – удовлетворенно усмехнулся Илья. – За мной вы никогда не пропадете. Завсегда за вас постою... Ну, идите теперь к коням.

Старый табунщик, дед Никанор, идя с Васькой к табуну, ехидно шептал:

– Ишь ты, упас он, старая лиса, а из каких таких умыслов?.. Да чтоб мы покорнее работали ему...

Глава VII

Леса дремучие, огромные и загадочные, как морские воды, простирались, казалось, до бесконечности по берегам реки Хопра, тая в острых запахах прели вечный холодный полумрак.

И в разбойных лесах, и в прорезающей их извилистой серебряной ленте реки, и в голубых покойных чашах озер была кипучая, неутомимая жизнь. В густых зарослях бродили медведи, олени, лисицы, шакалы. По лугам паслись косяки тарпанов, сайгаков³¹. По ветвям сновали белки. В камышах, у озер, копали ил дикие кабаны, пугая лебедей и бакланов.

В дуплах столетних деревьев трудолюбиво наливали в соты ароматный мед пчелы. В затхлой прели прошлогодней листвы рождалось множество сморчков, груздей. На полянах – изобилие разных ягод.

Природа здесь щедро давала человеку свои блага, и он умел пользоваться ими.

На крутом изгибе Хопра, на высоком берегу, обосновался небольшой Пристанский городок. Жители его – донские казаки – в свободное от походов время занимались охотой и рыбной ловлей.

На окраине городка Митька Туляй, беглый холоп из вотчины грибановского помещика Лопухина, построил себе непритворный курень и жил вольным казаком.

Судьба Митьки сложилась незадачливо. Он родился в селе Грибановке, Тамбовской губернии, в семье крепостного крестьянина Федора Туляя. Когда он был еще совсем маленьким парнишкой, в их селе вспыхнула какая-то жестокая эпидемия. Много тогда умерло в селе людей. Умерли и родители маленького Митьки. Мальчишка остался круглым сиротой. Вначале его из жалости кормило все село по очереди, а потом, когда он подрос, староста пристроил его подпаском к пастуху Луке.

Несколько лет он пас коров, пока не вырос и не возмужал. Однажды помещик Лопухин, объезжая поля, встретился с Митькой и, прельстившись атлетической фигурой парня, взял его к себе конюхом.

Митьке понравились новые обязанности, и он с ними справлялся хорошо – старательно холил господских лошадей, умело объезжал неукон. Лопухин похваливал своего нового конюха. Так, быть может, Митька и прожил бы свой век на господской конюшне, но случай резко изменил его судьбу.

Как-то Митька готовился объезжать чистокровного жеребца-неука, выведенного на господской конюшне. Жеребец был великолепный, породистый, и Лопухин, понимавший толк в лошадях, души в нем не чаял. Митька должен был объезжать лошадь под присмотром самого барина.

Как только Митька взобрался на спину жеребца, лошадь, как бешеная, сорвалась с места и, с налитыми кровью глазами, запрыгала, закрутилась, норовя сбросить с себя седока. Но Митьке не впервые было обучать лошадей. Он словно прирос к спине норовистой лошади. Чего только не делал жеребец, как только не ухищрялся скинуть Митьку, но все было тщетно. Митька крепко сидел, на жеребце, туго натянув поводья.

– Молодец, Митька! Молодец! – издали кричал помещик, наблюдая за Туляем. – Держись крепче! Держись!..

Но, видно, так уж было на роду написано Митьке, – случилась беда. Жеребец, не слушаясь поводыря, высоко задрав оскаленную морду, ничего не видя, ошалело помчался по полю. Митька с ужасом убедился, что жеребец скакал прямо к канаве. Сколько ни крутил Туляй морду лошади, стараясь повернуть ее от канавы, ничто не помогало. Лошадь упрямо мчалась

---

³¹ *Косяк* – точное значение: гурт кобыл с одним жеребцом; употребляется также в смысле – табун, стая. *Тарпан* – дикая лошадь. *Сайгак* – вид степной козы.

на нее. Митька отпустил поводья, надеясь, что жеребец все-таки заметит препятствие, но было уже поздно, лошадь грохнулась в канаву. Митька, перекувырнувшись через голову, отлетел в сторону. Он так расшибся, что не сразу смог встать. Все же, стеноя от боли, он с трудом поднялся и, пошатываясь, подошел к жеребцу.

Около жеребца уже крутился помещик Лопухин. Он силился поднять лошадь, но она лишь жалобно ржала, а подняться не могла – у нее был сломан позвоночник.

Когда помещик понял это, он от ярости заплакал.

– Ты, ты, подлец, виноват! – с визгом набросился он на едва стоявшего на ногах Митьку и жестоко избил его плетью.

Но этим Лопухин не ограничился. Вечером, когда жеребец издох, Митьку в бесчувственном состоянии отнесли на конюшню и выпороли. Две недели боролся со смертью Митька. Могучий организм победил.

С тех пор Митька затаил страшную, непрощающую обиду на помещика. Он стал высискивать случай отомстить Лопухину.

Когда Митька поправился, он однажды ночью поджег господский дом, а потом бежал к казакам на Хопер и там прижился.

Теперь он оброс окладистой русой бородой. Ходил в новых липовых лаптях и сером мужицком зипуне.

Он приобрел лук, наделал стрел и, как все казаки, ходил стрелять зверей, птиц, ловил рыбу. Охота да рыбная ловля – вот и весь источник существования казака. На Дону запрещалось казакам заниматься земледелием. Цари платили донскому казачеству жалованье – деньгами, хлебом, сукном, порохом, вином и прочим. Но жалованья было мало, да и то, что получалось, большей частью оседало в карманах домовитых казаков. Маломощным казакам – гультяям, населявшим верховья Дона, почти ничего не доставалось.

Надо было изыскивать дополнительные источники к существованию.

Гультяи состояли почти исключительно из беглых холопов и крестьян центральных районов Руси. Это были люди, с детства привыкшие к земледельческому труду. Их тянула к себе земля. Многие из них, попав на Дон и зачислившись в казаки, пробовали в потайных местах украдкой пахать сохой землю, засеять небольшие участки. Но это было рискованное дело. Памятны были казни таких своевольцев. В 1702 году в Котовском городке заслушание повесили трех гультяев, – они попробовали было тайно посеять хлеб. Но, несмотря на преследования, даже казни, душу русского хлебороба трудно было переломить. Находились смельчаки, которые все же сеяли хлеб.

Первые дни своего пребывания в городке Митька жил в восторженном состоянии. Все для него было ново, все его радовало и развлекало. Особенно приятно было сознавать, что он – свободный человек, независимый от помещика. Его увлекала охота, дававшая возможность жить, он ловил рыбу. Часто, лежа на топчане в своем курене, он посмеивался:

– Не сеем и не жнем, а весело живем... Оттого казак и гладок, что поел да на бок.

Но это продолжалось недолго. Радость его сменилась равнодушием ко всему. Все вокруг утратило свою привлекательность, стало обычным, будничным, как будто все, что он видел, было ему уже давно знакомо.

На охоту он стал ходить уже не с тем радостным чувством, как первое время, – ходил лишь для того, чтобы прокормить себя.

Как-то незаметно в сердце прокралась тоска. Митька стал чувствовать, что ему чего-то не хватает. Чувство это было неотвязное, неудовлетворенное, оно преследовало его повсюду.

Его крестьянская душа затосковала по земле, по ее тленному, влажному запаху. В воображении Митьки рисовались заманчивые картины волнующихся от ветра тучных ржаных нив.

Он тяжело вздыхал:

– Эх, заимел бы лошаденку, смастерил бы соху да и паханул бы. Эх, и паханул бы, ажно земля заскрипела б!..

А вскоре Митька затосковал и по другой причине. Даже во сне смутные желания стали беспокоить его.

Встревоженный, разгоряченный, ворочался он на своем жестком топчане, просыпался в поту и не мог уже больше заснуть. Митька мучительно ждал утра, проклиная нудную, медлительную ночь. Утро его успокаивало.

Митька решил, что без жены ему не обойтись. Но найти жену было не легко. Казаки жили суровой жизнью воинов и охотников, вечно были в походах, набегах или в степи и в лесу, на звериных тропах. Ежеминутно подвергались они опасности от сабли и стрелы кочевника или от клыков хищного зверя. В казачьем товариществе существовал обычай не связывать себя женитьбой. Казаку жена – помеха. Правда, сейчас этого обычая уже не придерживались строго, но казаки с трудом разыскивали себе жен. Женщин на окраинах государства – на Диком поле встречалось мало.

И оттого, что так трудно было найти жену, у Митьки появилось непреодолимое желание во что бы то ни стало иметь ее. Однако поиски ни к чему не приводили. Митька страдал, злился. Одиночество угнетало его.

«Хоть слепую бы какую отыскать, – огорчился он, – все б живой человек в хате был...»

Но однажды случай сразу изменил всю его жизнь.

Как-то на майдане гомонил станичный круг. Казаки разбирали тяжёбые дела: оскорбления и обиды, нанесенные друг другу, несоблюдение постов, слушание и тому подобной.

Писаных законов у казаков не было, и круг судил по стародавним казачьим обычаям.

Дел накопилось много. Круг уже примирил нескольких казаков, ссорившихся между собой, присудил двум казакам по пятнадцати плетей за то, что они в пятницу ели ирян³². А сейчас разбиралось довольно сложное дело пожилого казака Чикомасова. Оно заключалось в том, что, когда казаки собирались в Азовский поход, Чикомасов попросил у соседа, оставшегося дома, на время похода старую саблю. В бою с турками Чикомасов снял с убитого янычара ятаган, а старенькую саблю соседа бросил. Теперь, спустя несколько лет, сосед вдруг вздумал требовать свою саблю. Чикомасов не мог ее вернуть, а ятаган ему жалко было отдавать. Сосед пожаловался атаману, и теперь круг разбирает это дело.

Все было невыносимо скучно, томительно. Отойдя в сторону, молодые казаки играли в зернь³³, пили бражный мед.

Есаул провозглашал:

– А ну, послухай, честная станица, послухай атамана!

Атаман властно кричал:

– По нашему уразумению, атаманы-молодцы, надо Чикомасову всыпать десять плетей, чтобы не утаивал чужое добро, а ятаган отдал бы хозяину взамен сабли.

– В добрый час! – охотно согласились казаки.

Те казаки, которые занимались игрой в зернь, не слышали решения круга.

Есаул крикнул им:

– А вы, атаманы-молодцы, как разумеете?

– В добрый час! В добрый час! – торопливо откликнулись те, толком не поняв даже, о чем их спрашивают.

– В добрый час! – звонко крикнул и молодой казак – сын Чикомасова, бросая зернь.

– Ах ты, сукин сын! – ахнул от неожиданности отец. – Ты, стало быть, дьяволина, тож хочешь, чтобы твоего отца стебали плетями?

---

³² *Ирян* – разведенное водой кислое молоко.

³³ *Зернь* – кости.

Сын изумленными глазами посмотрел на отца и, поняв свою оплошность, вскочил.
– Нет!.. Нет!.. – закричал он. – Я супротив того...

Казачки захохотали:

– Поздно, брат, спохватился... Голос ты свой уже подал. А ну, бери плеть, стобай отца.

Расталкивая толпу, в круг пробрался молодой казак в праздничном шелковом кафтане, ведя за руку смущающуюся разнаряженную казачку. Митька во время обсуждения дел в кругу, рассеянно прислушиваясь к спорящим голосам, покуривал трубку. При виде казака и казачки, проталкивавшихся в круг, он с любопытством придвинулся ближе.

Казак бросил наземь шапку, истово закрестился на восток, потом степенно поклонился кругу.

– Ты, Авдотья, будь мне жена, – сказал он казачке.

Казачка повалилась ему в ноги.

– А ты, Мотья, будь мне муж.

Казак поднял казачку и крепко поцеловал. Митька подавил в себе вздох.

– Будь по-вашему, – промолвил атаман и, подойдя к жениху и невесте, расцеловал их. – Будьте мужем и женой.

– В добрый час! – дружно гаркнул казачий круг.

Все полезли целоваться с молодыми. Митька завистливыми глазами смотрел на черную бровую казачку.

«Вот ведь, – думал он сокрушенно, – людям счастье, а мне, прям, хоть стигбай, бог талана не дает».

Он собрался было уходить домой, злой и раздраженный на свою незадачливую жизнь, как вдруг услышал вдали пронзительные вопли. Какой-то казак, пошатываясь и спотыкаясь, тащил по улице женщину. Она голосила на весь городок, цепляясь за кафтан казака и упираясь.

На кругу стали прислушиваться.

– Никак Сережка Воробьев, – хихикнул молодой парень.

– Он и есть, – подтвердил рябой казак.

– Это он свою турячку волокет, – засмеялся парень. – Должно, попьану не мила стала.

Воробьев, маленький казачок, курносый, с рыжеватой бородкой, подтащил жену к кругу, заломил ухарски шапчонку на затылок и, откинув ногу, вызывающе хрипло крикнул:

– А ну, атаманы-молодцы, налетай кто хошь! Не любя мне стала... Ежели есть желающие – бери, владей, только магарыч добрый ставь!..

Митька пригляделся к плачущей женщине, сидевшей на корточках на земле, уткнувшись лицом в колени. Растолкав казаков, он рванулся к ней и прикрыл полый ветхого зипуна.

– Будь мне женой! – сказал он взволнованно и неуверенно.

– В добрый час!.. В добрый час, Митька! – весело откликнулись казаки.

– Магарыч, Митька, ставь, – хлопнул его кто-то по спине. – Видишь, какую жену тебе дали.

– Поставлю, – дрожащим от волнения голосом сказал Митька. – Ей-богу, поставлю!

Лицо его засияло в блаженной улыбке. Вот оно, счастье-то!

Вздрагивая от рыданий, турчанка продолжала сидеть на земле не шевелясь.

Митька мягко сказал ей:

– Вставай, голубица, пойдем. Теперь навроде я твой муж... Круг казачий поженил нас.

Таков уж был суровый казачий закон. Круг волен был развести с женой, круг мог и женить.

– Пойдем, говорю, милушка, в курень, – снова ласково сказал Митька турчанке. – Моя ты теперь вовек: моя жена. Понимаешь, что я тебе говорю-то?..

Но турчанка не обращала внимания на Туляя, не шевелилась и безутешно плакала.

К ней подошел атаман Шуваев, высокий рыжебородый казак:

– Слышишь, Матрена, ай нет?.. Тебе ведь говорят... Ступай вот с ним, – указал он на Митьку. – Он теперь твой муж. Круг приговорил.

Турчанка взглянула на Туляя и, поняв наконец, что случилось, в отчаянии бросилась к Сережке Воробьеву. Схватив его руку, целуя и обливая ее слезами, она нежно взмолилась, искажая русские слова:

– Мили мой!.. Мили, моя ж любит тебя... Моя не уйдет от тебя... Нет!.. Не уйдет!.. Возьми моя домой... Возьми!..

Прижимаясь щекой к его руке, она быстро заговорила по-турецки:

– Родной мой, желанный, не гони меня от себя. Я буду любить тебя еще нежнее... Всю жизнь свою буду твоей рабой... Ноги твои буду целовать... Не гони, не отдавай меня. Если отдашь этому бородатому шакалу, – со страхом взглянула она на Митьку, – я утоплюсь...

Слова жены сквозь хмель проникли в сознание Воробьева. Он осмысленно взглянул на рыдающую женщину и ужаснулся тому поступку, который совершил спяна. Судорожно схватив турчанку, он рванулся было с ней из круга, но законы казачьи суровы, обычаи нерушимы. Казаки тесно сомкнулись вокруг отрезвевшего Сережки.

– Пустите! Так вашу... – разъяренно закричал он, расталкивая казаков и пытаясь вывести жену из образовавшегося тесного кольца. – Пьян... пьян я... По пьянке сделал... Пустите!..

Но его с турчанкой снова втокнули на середину круга.

– Да пустите ж, дьяволы! – в бешенстве взревел Сережка и с поднятыми кулаками бросился на казаков. – Говорю ж я вам, что по пьянке сдурил... Люба мне Матрена! Люба!.. Ей-богу, любя!..

Атаман Шуваев Ерофей, опустив на его плечо тяжелую руку, сурово проговорил:

– Ты что ж, Воробьев, смеяться, что ль, вздумал над кругом? Гляди, парень, а то плохо тебе будет. Круг может тебе и батогов горячих всыпать. Дело сделано, теперь не переделаешь.

Оттолкнув Воробьева от турчанки, он потянул ее за руку и подвел к растерянному Митьке Туляю.

– Вот теперь твой муж, – сказал атаман турчанке. – Люби его и слушайся.

Матрена стояла, опустив голову, всхлипывала. Досадуя на свою слабость, Сережка Воробьев принял разудалый вид и грубо крикнул Митьке:

– Эй ты, чертоплой, а что дашь-то за нее?.. Думаешь, мне ее жалко? Вот еще! Только ты должен уплатить.

Но какие у Митьки богатства? За что он мог бы выкупить себе жену? У него были только сапоги, кафтан да случайно уцелевший серебряный рубль.

– Возьми вот кафтан зеленого сукна, – сказал он.

– Кафта-ан? – хрипло рассмеялся Воробьев. – Угорел, что ли, ты? На что мне сдался твой кафтан? Я за турячку, может быть, чуть жизни не решился в походе, а ты ка-афта-ан...

– Хочешь, сапоги еще впридачу дам?

– Какие? – деловито осведомился Воробьев.

– Новые, – оживился Митька. – Добрые!

– И рупь на пропой, – решительно заявил Воробьев.

– Ладно, – охотно согласился Митька. – Только ты погоди, я зараз отведу турячку в курень и принесу тебе кафтан с сапогами да рупь.

Распив обильный магарыч с казаками по случаю женитьбы, Митька, как православный, русский человек, не захотел жить невенчанным со своей турчанкой Матреной. Так ее называли на Диком поле. Он попросил чернеца повенчать его с ней.

«Поп», беглый чернец, заупрямился.

– Она же басурманка, – сказал он. – Грех на душу не хочу брать.

– Да ведь она прозывается Матреной... Крещена православным именем, – убеждал попа Туляя. – Звать же ее по-нашему, православному – Матрена.

– А кто ее крестный отец и мать?

– А этого я, ей-богу, батюшка, не ведаю, – растерялся Митька. – Надобно б у Воробьева спросить, да он уехал на житье куда-то в низовья... А Матрену я пытал, да ведь она ж этого чоха-моха не понимает... Уж повенчай, батюшка, за ради бога, я тебе серну за это убью и приволоку.

Поп стал сговорчивей.

– И лису мне еще на шапку убей.

– Ладно, батюшка, убью и лису, только повенчай. Я тебе еще и пару зайцев принесу. Сам знаешь, охотник я лихой да удачливый.

– Приходи завтра с турячкой к часовне, – сказал поп. – Так и быть, уж возьму грех на душу – повенчаю. Отмолю бога, на ту зиму все едино думаю идти монахом в монастырь...

На следующий день Митька подстриг бороду и в кружок волосы на голове, надел чистую холстинную рубаху и велел недоумевающей турчанке идти с собой.

Шел он по улице, торжественно ступая и блаженно улыбаясь. Встречавшиеся казаки с удивлением смотрели на него, изумляясь его праздничному виду.

– Куда, Митька, собрался?

Туляй хитро усмехался.

– Э, братья, святое таинство совершать: венец с Матреной принимать. Сами ведь, небось, понимаете, совестно православному человеку не венчавшись жить с бабой...

– Оно хочь так, – соглашались казаки, – но у нас, на Диком поле, это позволительно.

– Нехай хоть и позволительно, – решительно возражал Туляй, – но не хочу я жить не по закону. Разве ж можно не по закону с бабой жить? Кто она мне – не то жена, не то полюбовница. А вот ужо повенчаюсь, буду знать, что она мне законная жена, богом данная...

– Да где там богом, – смеялись казаки. – Сережкой Воробьевым тебе данная и пропитая, а не богом...

– Бросьте мне глупые слова говорить, – злился Туляй. – Ежели бог не хотел бы мне ее дать, так Сережка не привел бы ее на круг. Все богом делается. Сами, небось, знаете пословицу: без бога – ни до порога...

– Ну, ладно, Митька, иди женись. В добрый тебе час!

– Спасет Христос на добром слове, – кланялся Митька и продолжал свой путь.

Глава VIII

В Пристанском городке жил бобылем немолодой казак из украинцев, участник многих походов, лихой рубака, Лукьян Хохлач. Человек он был степенный, рассудительный, всеми уважаемый, но, как и многие казаки на верховье, томился в жестокой нужде. Добывал себе пропитание неутомимой охотой.

Однажды после изрядной попойки Лукьян проснулся с тяжелой головой. Он поднялся с постели и начал шарить по углам куреня, разыскивая, что можно бы снести кабатчику. Мучительно хотелось опохмелиться, но углы были пусты. Оставалось только оружие.

Злой, обрюзгший, он сел на лавку, раздумывая над тем, что бы отдать: саблю, пистоль или сайдак с луком и стрелами? И, поймав себя на этой мысли, он свирепо выругался: разве ж пристойно казаку пропивать оружие? Самый последний человек тот, кто делает этакое.

В это время на улице послышался многоголосый говор и топот лошадей. Лукьян прильнул к оконцу, но сквозь мутную слюду ничего не было видно, мелькали лишь неясные тени. Хохлач подбежал к двери, распахнул ее. По улице ехали незнакомые казаки, судя по добротной одежде и оружию, из низовых станиц. Казаки верховых городков богато не одевались.

Ехавший сзади молодой казак, заметив лохматую белесую голову Хохлача, выглядывавшую из-за двери, остановился.

– Тпру, стой!.. Братуня, – позвал он Хохлача, – подь-ка сюда.

Лукьян нехотя подошел.

– Здорово ночевал, станичник! – приветливо поздоровался казак.

– Слава богу, – угрюмо буркнул Хохлач, исподлобья разглядывая нарядного всадника, одетого в синий суконный кафтан, расшитый серебром, и увешанного дорогим оружием.

– Что не весел, станичник? – спросил всадник.

– Голова раскальвается...

– Ай бесилы перехватил? – засмеялся казак.

Хохлач промолчал.

– На похмелье надоть выпить, – посоветовал казак, – сразу полегчает.

– Не на что, – уныло сказал Лукьян.

– Пропился? – расхохотался казак. – Люблю таких, ей-богу, люблю. Я сам такой... Уж ежели пить, так пить. Все пропью до ниточки, а потом все и добуду... Да ты, может, про меня слышал? Гришкой Банником меня кличут.

– Не слышал.

– Да как же так? – изумился Григорий. – Меня ж всякая собака на Поле знает... Ты, зальян³⁴, оружишко-то не пропил?

– Да ты что, азиат тебя заberi! – выругался Хохлач. – Можно ли казаку оружие пропивать?

– Молодец! – похвалил его Григорий. – Люблю таких. Вот тебе господь, люблю!.. Ежели есть у тебя аргамак, то седлай, поедем с нами... У нас, брат, вина да меду хоть залейся... На гульбу³⁵ мы приехали, у вас тут зверья много водится... А сами-то мы из низовых станиц... Поедем, брат, в обиде не будешь...

Хохлач при упоминании об охоте сразу же оживился, глаза его повеселели.

– Что ж, поедем, – согласился он.

Оседлав коня высоким персидским седлом, забрав в курене сайдак со стрелами и пистоль, он вскочил на лошадь.

---

³⁴ Зальян – парень.

³⁵ Гульба – охота. Гулебицк – охотник.

– Тебя как, брат, зовут? – спросил Григорий.

Хохлач сказал.

– Ну, Лунька, погоди... Сейчас дам тебе лекарство, сразу болезнь твоя пройдет. – Григорий нагнулся к выюкам запасной лошади, которую он вел с собою, и достал большую глиняную флягу: – Пей!

Хохлач, запрокинув голову, припал к ней губами. Григорий, улыбаясь, смотрел на него.

– Ну, как теперь? – спросил он у Луньки, когда тот вернул ф-ягу.

– Маленько в башке просветлело. Спасет тебя Христос, Гришка. Выручил.

– Теперь поедем, – хлестнул Гришка плетью лошадь.

Вскоре они нагнали казачий отряд, уже довольно далеко отъехавший от городка.

– Кондратий! Кондратий Афанасьевич! – закричал Григорий. – Погоди!..

Головной всадник, смуглолицый, статный казак, обернулся.

– Чего тебе?

– Провожатого вот взял из Пристанского городка, – показал Григорий на Хохлача.

– Добре, – усмехнулся Булавин, пристально взглядываясь в Лукьяна. – Чей будешь?

– Лунька, по прозвищу Хохлач.

– Под Азовом бывал?

– А как же.

– А Кондратия Булавина помнишь?

– Га, – обрадованно засмеялся Лунька. – Ведь это ж ты, односум?.. А я сразу-то и не признал... Здорово, брат!

Они обнялись и расцеловались.

Дорогой Лукьян Хохлач среди ехавших на охоту казаков узнавал многих своих знакомых, с которыми не раз бывал в походах.

Хохлач повел гулебщиков в такие места, куда редко проникал человек и где особенно много водилось зверья.

Истари у казаков было заведено собираться ватагами человек в пятьдесят – сто и ехать на охоту.

Гульба была не только любимым развлечением казаков, но и одним из средств их существования. На гульбе они, один перед другим, выказывали ловкость, сноровку, упражнялись в меткости стрельбы из лука и ружья. Охота давала казакам и много прибыли. Охотой и рыбной ловлей они в основном и кормились.

Булавин уже давно задумал поехать поохотиться в леса близ Пристанского городка, славившиеся на все Дикое поле обилием дичи и зверья. В назначенный день по приглашению Кондрата съехались его друзья и отправились на гульбу.

Лукьян привел гулебщиков к курганам Двух братьев. Отсюда начинались раскинувшиеся на много десятков верст непроходимые девственные леса.

– Вот тут и будет наша гульба, – махнул плетью Лукьян на леса, – тут есть что пострелять.

– Ну и добре, коль так, – согласился Булавин и, соскочив с коня, крикнул: – Расседывай коней, братья!.. Станем тут. С курганов все видать будет.

Казачи расседлали лошадей, стреножили их и пустили пастись. Назначив караульных, развели костры, поставили варить похлебку. А когда она сварилась, разостлали попоны, начали вечерять.

Булавин сидел в кругу друзей и односумов. Пошли шутки, побаски³⁶, веселый смех. Собрались тут все свои, близкие: дед Остап, старый домрачей со своей неразлучной домрой, Гришка Банников, с которым не расставался Булавин. Он очень любил этого парня за находчивость, русскую природную смекалку и удаль. Сидел в кругу Семен Дранный, весь испещрен-

---

³⁶ *Побаска* – анекдот, поговорка.

ный шрамами и рубцами в постоянных битвах с турками, крымцами, калмыками, домовитый казак из Старо-Айдарского городка, не один поход совершивший с Булавиным. Это был уже пожилой, суровый человек, невозмутимо спокойный и рассудительный. Был здесь и Никита Гольий и Иван Павлов – односумы Кондрата по многим походам. Всех этих людей спаяла давнишняя дружба. Не раз они бывали вместе в набегах на Керчь, Кафу, Синоп, Тавриду. Не раз спасали друг друга от неминуемой смерти в боях, не раз выручали один другого в трудные минуты. Дружба их была крепкая, нерушимая, проверенная долгими годами нелегкой жизни.

Лукьян Хохлач, сидя в их кругу, был несказанно рад случаю, сведшему его с боевыми друзьями. Вспоминали прошлые дни, беседовали допоздна, а ранним утром, чуть порозовел восток, все уже были на ногах.

Распоряжался Булавин. Он разбил ватагу на десять кошей, по десяти человек в каждом, назначил кошевых атаманов. Один кош был оставлен в лагере – нести охрану, пасти лошадей, готовить пищу. Остальные коши Булавин разослал на охоту.

Хохлач попал в кош Булавина. Зная эти леса, он повел казаков по знакомой ему звериной тропе в гущу леса.

Дед Остап, который по старости был оставлен в лагере, долго смотрел подслеповатыми глазами вслед всадникам, пока они не исчезли в зеленой листве леса.

– Пошли, господа, удачи! – перекрестился он.

В непроницаемом лесу царила ничем не нарушаемая, застоявшаяся тишина. Исполинские караичи и грабы, клены и тополи, дубы и ясени хранили величественный покой, позолоченные осенью листья, шурша о ветви, кружась и порхая, как бабочки, падали на землю.

Лучи солнца не могли пробить густые кроны древнего леса; холодная мгла вечно стояла у подножия неохватных стволов. Удушливо остер был запах прели.

Часто казакам преграждали путь густые, переплетенные заросли терна, бересклета, боярышника. Казаки слезали тогда с лошадей и саблями прочищали себе дорогу. От ударов клинков перезревшие гроздья калины тяжело падали на землю и сочились, казалось, кровью.

Ехали уже долго, а лес по-прежнему давил путников плотными стенами, и чудилось, что ему не будет ни конца ни края.

– Какая тут к чертям гульба! – выругался Булавин. – Завел ты, Луныка, нас в дремучий лес.

– Подожди, Кондратий, – ответил Лукьян Хохлач, – зараз выведу на хорошее место...

Хохлач оказался прав. Скоро лес стал редеть, мельчать, затем перешел в кустарник, и неожиданно перед взорами казаков открылась живописная долина, поросшая высокой, застарелой травой. Вправо, у выступившей лысой бугровины, блеснула голубая полоска озера, заросшего густым камышом и чаканом.

– Вот где гульба-то! – восторженно воскликнул Григорий Банников и вдруг, взвизгнув, стремительно помчался, на скаку расправляя аркан. Он увидел, как совсем близко от него, мелькая темными спинами в высокой траве, с шумом промчался косяк тарпанов.

– Погоди, Гришка! – раздраженно крикнул Кондрат.

Но Банников не слышал сердитого окрика атамана. При виде косяка диких лошадей его охотничье сердце не выдержало: пригнувшись к гриве несущегося аргамака, гикая и визжа, он не сводил горящих глаз с косяка. У Гришки был необычайно резвый аргамак, но не менее резвы были и тарпаны. Уже часа два тщетно гонялся за ними Гришка. Он страшно злился на свое легкомыслие – ведь знал же он хорошо, что надо тщательно подготовиться к охоте. А тут словно сам черт попутал его: как мальчишка глупый, бросился он за табуном. Но возвращаться к товарищам с пустыми руками стыдно – засмеют. И Гришка продолжал гнаться за тарпанами, мало надеясь на успех. Аргамак его покрылся пеной и тяжело дышал. Банников знал, что еще немного – и его лошадь падет, но упрямство владело парнем, и он, не переводя дыхания, продолжал мчаться на своем из сил выбивавшемся коне. В его душе теплилась маленькая искорка

надежды на то, что тарпаны также выбились из сил и, может быть, счастливый случай поможет ему поймать одного из них. И судьба словно сжалилась над Гришкой. Когда он потерял уже всякую надежду нагнать тарпанов, косяк вдруг, чем-то напуганный, остановился и затоптался на месте.

Гришке достаточно было мгновения. Наметив одного из жеребчиков, он бросил аркан. Петля со свистом взвилась. Жеребец испуганно вздрогнул, шарахнулся. Но было поздно. Петля змеей обвилась вокруг его мускулистой шеи. Тарпан дико взвизгнул, взвился на дыбы, потом рванулся, чуть не сбив с седла Григория. Но рука Гришки, занемев, накрепко, как железная, держала намотанный конец аркана. Жеребец, чувствуя, как петля все туже и туже сжимает его шею, захрапел от удушья и свалился на землю. Табун рассыпался. Спрыгнув с лошади, Гришка мгновенно замотал концом аркана притихшему тарпану ноги. Тогда только тарпан бешено забился, пытаясь освободиться от туго стягивающих веревок, но это было ему уже непосильно.

– Эге-ге-ге! – победно закричал Григорий, размахивая шапкой.

– Эге-ге-ге! – откликнулись далекие голоса.

Вскоре к Григорию подъехали гулебщики.

– Во! – горделиво указал он на связанного, не перестающего биться жеребца. – Видали, какой?..

– Добрый жереб, – похвалил Булавин. – Молодец, Гришка! Только, взгальный³⁷ анчутка, в другой раз смотри... не своевольничай, а то взбучку дам.

Расположившись станом и оставив все лишнее, казаки начали охоту. В долине столько было разного зверья, что разыскивать его долго не приходилось. Звери почти никогда не видели здесь человека, не боялись его и подпускали близко. Диких коз, свиней, лисиц, зайцев гулебщики брали нагоном на лошадях, засекая плетьюми с зашитыми на концах свинцовыми пулями или закалывая дротиками. Порох и свинец берегли. Только в редких, крайних случаях, когда попадался более крупный зверь – кабан или медведь, – пускали в ход пистолы и ружья.

Лукьян Хохлач, увлеченный азартом охоты, имел уже немало добычи. Он убил двух лис, пять зайцев, сайгу и оленя.

На утомленном своем коне он преследовал теперь серну с двумя детенышами. Подняв красивую головку, проворная серна легко бежала от преследователя. Она давно скрылась бы от него, но ее задерживали детеныши. Неуклюжие и смешные, они, словно лохматые шарики, катились вслед за матерью, юркими мордочками отбрасывая мешавшую траву. Серна, вырвавшись далеко вперед, останавливалась, тревожно поджидая детей. Дождавшись и торопливо лизнув детенышей, несколькими легкими прыжками удалялась от них, останавливалась, с тревогой ждала, пропускала впереди себя, потом опять обгоняла их. Потеряв из виду своего преследователя, она становилась на задние ноги, торопливо озиралась и, в ужасе замечая приближающегося Лукьяна, снова бросалась вперед.

Хохлач, нагнав детенышей, двумя ударами плети уложил их. Разгоряченная лошадь пронеслась мимо, Лукьян ее не остановил – он знал, что серна должна вернуться к детям...

И она вернулась. Подбежав к мертвым зверькам, она стала их облизывать. Меткая стрела уложила серну рядом с ее детенышами.

Солнце спускалось за кронами леса. Сумеречные фиолетовые тени потянулись из далеких чащ.

Надо было спешить к товарищам, чтобы до темноты добраться до лагеря. Хохлач быстро привязал к седлу серну и ее детенышей. Он хотел было вскочить в седло, но услышал позади себя раздраженное хрюканье и обернулся. Его кольнули злые глаза вепря. Зверь, мгновение постояв, злобно взвыл и ринулся на Лукьяна. Тот не растерялся – не раз ему приходилось

---

³⁷ *Взгальный* – взбалмошный, горячий.

бывать в подобных переделках. Выхватив из-за пояса пистоль, он выстрелил в зверя. Раненый зверь яростно взвизгнул, на мгновение остановился, не спуская свирепых глаз с Лукьяна, потом снова с диким визгом ринулся на него. Испуганная лошадь захрапела и, рванув повод, умчалась в степь. Лукьян растерянно посмотрел ей вслед и с отчаянной решимостью ухватился за рукоятку кинжала. Едва он успел выдернуть его из ножен, как разъяренный вепрь налетел на него. Лукьян с силой пырнул в щетинистую грудь зверя кинжалом, и оба они – Лукьян и вепрь – упали...

Очнулся Хохлач уже поздней ночью. В боку чувствовалась щемящая боль. Он застонал. От него шарахнулись тени. «Чекалки!» – в ужасе подумал Лукьян и с трудом приподнялся. Шакалы сели невдалеке, зорко следя за ним горящими глазами. Лукьян закричал на них, замахнулся, они вздрогнули, но не двинулись с места.

Небо было звездное, ночь тихая, светлая. Долина жила ночной дикой жизнью. Где-то ревел медведь, тоскливо кричал филин. Неясными тенями метались ночные птицы, в кустах и по траве шуршали неведомые звери.

Лукьян пощупал раны. Они так болели, словно их жгло огнем. Он засыпал раны землей. Как будто немного полегчало.

Вепрь лежал, наполовину съеденный шакалами. Внутренности его валялись лохмотьями, и от них смердило. Хохлач нашел свой кинжал и побрел. Шакалы, протяжно завыв, тронулись за ним следом.

Пройдя немного, Лукьян остановился. Куда идти? Ночью трудно было отгадать, где находится лагерь. Разве разыщешь его ночью в таком состоянии? Ну а идти все-таки нужно, иначе шакалы живьем съедят. И снова Хохлач, опираясь на палку, медленно побрел, сам не ведая куда. Он дошел до кромки леса. Перед ним лежала тропинка. Но кто знает, куда она вела. Лукьян решил, что идти лучше, чем стоять на месте, и пошел по этой звериной стежке; ему показалось, что это была та самая тропинка, по которой они приехали сюда утром.

В лесу было еще страшнее, чем на открытом месте. Пошатываясь от бессилия, со страхом озираясь по сторонам, ощупью угадывая тропинку, Лукьян медленно брел по лесу. Противно воя и сверкая горящими глазами, от него не отставали шакалы. Лукьян больше всего на свете боялся всякого рода чертовщины. То ему мерещилось, будто леший протягивает из-за толстого ясеня свою костлявую руку, чтобы схватить его, то шарахающуюся тень совы он принимал за ведьму.

– Свят-свят господь Саваоф, да расточатся врази его...³⁸ – шептал он вздрагивающими губами и усердно крестился.

Так он шел долго, несколько часов подряд, готовый вот-вот потерять сознание от потери крови. Но мысль о том, что если он упадет, то погибнет, поддерживала его силы. Тропинка, казалось, была бесконечной. И в то время, когда у Лукьяна иссякали последние силы, он внезапно между стволами деревьев увидел блеснувший огонек. С огромным напряжением он ускорил шаг. Вынырнула небольшая полянка, освещенная тусклым светом луны. В конце ее, у темной стены леса, обозначилась неясными контурами маленькая лесная избушка. Из слюдяного оконца сочился мутный свет.

Хохлач проснулся в полдень. Он лежал на душистом сене, разостланном на нарах. В распахнутое оконце ярко било солнце, освещая убогую утварь в избушке.

Лукьян с любопытством огляделся. В избушке никого не было. В переднем углу, перед потемневшими от времени и копоти образами, горела лампада. На дубовом столе стояли деревянные миски и лежала старая потрепанная книга. На стене висел небольшой поставец с неприхотливой посудой.

Хохлач повернулся и застонал. Раны невыносимо ныли.

---

³⁸ *Расточатся врази его* – развеются, исчезнут враги его.

Дверь распахнулась, вошел высокий старик с пушистой серой бородой, в черном длинном, почти до пят, кафтане. Он нес травы.

– Очнулся, сынок? – спросил он ласково.

– Очнулся, – слабым голосом ответил Хохлач.

– Ну и слава богу, – перекрестился старик. – Кто это, сынок, тебя так изувечил-то? Какой зверь?..

– Вепрь.

– У, лихоманка его забери! – выругался старик. – То-то, я гляжу, сильный зверь тебя покалечил. Ничего, сынок, моли бога, что ко мне попал. Подлечу тебя маленечко... Вот приложу травки к твоим ранам, такой травки, что сразу же раны затянет. Есть такая у меня травка сынок, от ран. Диким авраном прозывается. Можно и болдыряк приложить, тоже помогает... Ай вот полевую свербожницу... А ежели таких трав под рукой не окажется, то можно шалфеем аль пыреем лечить раны...

Словоохотливый старик проворно растер траву в ступе и, сделав из нее мазь, приложил к ранам Лукьяна и перевязал чистой тряпицей.

– Теперь лежи денька два-три, пройдет. Вот зря ты только раны землей запорошил. Разболеться хуже могут... Не хочешь ли поесть, болезный, похлебочки грибной?

– Не хочу, – отозвался Хохлач.

– Ну что ж, – добродушно сказал старик, – неволить не буду. Погодя поешь...

Весь день Лукьян провел в болезненном полузабытьи. К вечеру ему стало лучше, и он попросил поесть.

– Поешь, поешь, сынок, – засуетился старик. – Хворому еда требуется.

Он подал Лукьяну миску с грибами и, подсев к нему на нары, стал рассказывать о себе, о своей жизни в лесу. Старик, по-видимому, уже давно не видел людей и был несказанно рад Хохлачу. Он заботливо ухаживал за ним, лечил, при этом без умолку говорил. За время своего одинокого житья в лесу он настолько соскучился по живой речи, что не мог насытиться разговором.

Старик был раскольник. Много лет назад, как только началось гонение на старую веру, он ушел на Дикое поле, выбрал себе местечко в дремучем лесу, построил избушку и жил одинокой жизнью среди природы и зверей.

– Зверя нужно уважать, – говорил старик. – Зверь – божья тварь, она все понимает, только сказать не может. Я со зверями в ладу живу, они меня не трогают. Не тронь его – и он тебя не тронет... Только, конешное дело, надобно такое слово от зверя знать. Ото всего есть свое слово. Ежели слово знаешь, никакая напасть тебя не возьмет. Есть слово от зверя, есть от нечистой силы, от пули, от меча и стрелы, есть от хворобы, есть от глазу...

Через три дня Хохлач хотя и с трудом, но уже поднимался с постели. Старик целыми днями ходил по лесу, собирал грибы, ягоды, а Лукьян садился на порог избушки и тосковал.

Лес приглушенно шумел вершинами. В его глухом ропоте было что-то грустное и предостерегающее. От этого Лукьяну становилось еще тяжелее. Его не развлекали жизнерадостно щебечущие птицы, хлопотливо и забавно сновавшие по ветвям белки. Здесь, в вынужденном одиночестве, Лукьян много думал о своей незадачливой жизни. У него еще столько нерастратченных сил. С этими силами он мог бы чуть ли не мир перевернуть, а вот пропадают напрасно эти силы, не к чему их и приложить.

Казацкая душа его тосковала по несовершенным подвигам.

Глава IX

Всю ночь разыскивали казаки Лукьяна Хохлача. Григорий Банников привел его взмыленного аргмака с привешенными к седлу убитыми сернами, а сам Лукьян исчез – как в воду канул. Поискали-поискали его казаки и прекратили поиски, решили, что Луньку дикие звери растерзали.

Уже несколько дней бродили казаки по долине. Привольное здесь место. Много казаки за эти дни добыли зверя и дичи.

Как-то Кондрат Булавин охотился в камышах у озера. Охота здесь была обильная. Он набил уже кучу дудаков и пару лебедей.

Пустив в последний раз стрелу в гуся, Кондрат думал на этом закончить на сегодня охоту. Гусь упал где-то в камышах. Раздвинув заросли, Кондрат стал искать его. В камышах он вдруг увидел причаленный к берегу каюк, выдолбленный из ствола дуба. Это его изумило.

Как мог попасть сюда каюк? Кто его хозяин? Значит, уж не такой необитаемый этот лес.

Убитый гусь плавал сажень в трех от берега. Кондрат сел в каюк и оттолкнулся веслом. Лодка мягко поплыла, рассекая цвелую воду. Кондрат подобрал гуся и недвижимо сидел в каюке. Все здесь манило к отдыху, покою после долгого, утомительного дня. Хотелось посидеть так подольше, ни о чем не думая, ничего не делая, отдаваясь спокойствию и истоме, которые разливались по всему измученному телу.

Каюк медленно плыл, оставляя за собою длинный светлый хвост. Вода от каюка шевелилась, расходясь далеко большими кольцами, мелкой волной. Как зеркало, она отражала в себе мерцающую синеву неба. Точно прилипнув к воде, гладко лежали на ней зеленые лопухи.

Кондрат иногда брал весло и загребал им, потом снова клал его в лодку и смотрел в воду. Перед его взором в зеленом полумраке выступали волшебные подводные заросли. Причудливые, фантастические, они были неподвижны, словно облака зеленого клубящегося дыма застыли в воде..

Вода живет напряженной жизнью. Снуют жучки, ошалело скачут водяные блохи. Между стеблями водяных растений бесшумно, как во сне, скользят рыбы. Вот, блеснув золотой кожей в закатных лучах солнца, проплыл косяк жирных линий... Бегая вороватыми глазками и пружинно взмахивая хвостом, мелькнула огромная щука. Среди серебряных брызг мечутся от хищницы напуганные рыбешки.

С резким присвистом над озером летит стремительная чайка. Она едва не касается белой грудью воды, четко отражается в ней, и чудится, будто летят две чайки. Схватив неосторожную рыбешку, одна чайка резко взмывает вверх, а вторая, кажется, уходит на дно.

Кондрат, вдыхая тяжелый запах ила и сырости, плыл к противоположному берегу, обросшему зарослями камыша.

На бархатные коричневые махры камыша ложилась вечерняя роса, и они от этого темнели. За камышом стлался луг. Лучи заходящего солнца косо шарили по влажной изумрудной траве, рассыпая по ней мириады искр. У берега в задумчивом оцепенении застыла на одной ноге цапля. Черные аисты, как монахи, важные и сосредоточенные, молитвенно кланяясь, разыскивали корм. Изогнув длинные шеи, от берега в тревоге отплыла пара белоснежных лебедей...

Каюк бесшумно и мягко втиснулся носом в ил. Аисты, встревоженно захлопав крыльями, тяжело поднялись в воздух. Цапля, смешно подпрыгнув, исчезла в прибрежных зарослях...

Через луг бежала едва заметная тропинка. Она вела к темнеющему лесу. Кондрат вылез из каюка и пошел по этой тропинке. По сапогам его били стебли арланца, лущицы, боярки. Душный, сладкий аромат травы и цветов проникал глубоко в легкие.

Зачем он шел в этот лес, Булавин и сам не знал, – так уж, подчиняясь безотчетному влечению, шел туда, куда вела эта легкая, едва заметная тропа.

Из-под ног вспорхнула какая-то птица. На ветке бересклета вызывающе свистнула малиновка. Кондрат усмехнулся и свистнул так же, как и она. Малиновка откликнулась.

Из леса пахнуло застоявшейся сыростью, прелью перегноя. По тропинке важно полз саженный желтобрюх. Булавин поспешно посторонился и дал ему дорогу. Желтобрюх лениво проволочил свой извивающийся длинный, толстый хвост. Змея, хотя и безопасная, вызвала у него гадливое чувство.

В лесу было совсем темно. С обеих сторон тропинку сдавливала черная гуща колючего кустарника. Через просветы в верхушках приглушенно шелестевших деревьев мерцала далекая голубизна неба. И только по этому можно было понять, что до вечера еще далеко.

Идти дальше было бессмысленно, и Кондрат хотел уже вернуться, как вдруг, сквозь густую листву леса, он услышал глухой лай собаки.

Откуда здесь могла быть собака? Удивленный, Кондрат пошел на лай. До него донесся сдержанный ропот ручья. Он бежал где-то незримый, в зарослях терна и бузины. Вырвавшись из кустарника на простор небольшой лужайки, ручей затих, остановленный упавшим стволом клена, поросшего папоротником. Вода кружилась, пузырилась и, найдя выход через дупло преграждавшего дерева, тоненькой серебряной стоеккой звенела по другую сторону ствола.

У плотины стояла маленькая избушка. Навстречу Кондрату с хриплым лаем выбежала большая черная собака и злобно набросилась на него. Кондрат выхватил из ножен саблю и стал отбиваться. Разъяренная собака с злым рычанием хваталась за острие сабли, кровавая свою пасть.

– Лытка! – крикнул звонкий женский голос. – Пошла ты, шальная!

Собака присмирела и, виновато завилыв хвостом, побежала прочь.

– Здорова была, женка! – поздоровался Булавин, с любопытством оглядывая женщину.

Женщине было лет двадцать пять. Из-под кумачового платка на лоб выбивались вьющиеся русые волосы. Глаза, темно-синие и глубокие, были необыкновенно проницательны, казалось, заглядывали в самую душу Кондрата. Босая, она была одета в простенькую холстинную паневу.

– Слава богу! – ответила женщина на приветствие.

– Собака-то шибко злая у вас.

– Злая, – согласилась женщина. – А кабы не злая, зачем она нам нужна? Без такой нам тут не можно: лихих зверей много...

– Тут и живешь, женка? – кивнул Кондрат на избушку.

– Тут.

– Муж дома?

– Нет у меня мужа, – тихо ответила женщина.

– С кем же ты живешь? – расспрашивал Кондрат.

– С отцом. Он на добычу ушел.

– Ваш каюк-то, должно, на озере?

– Наш.

– Ну, девка, угнал я у твоего батьки каюк.

– Ничего... Озеро не велико, найдет батя каюк.

– Как тебя величают-то, девонька?

– Ольгой.

– Ну, Ольгушка, дай чего-нибудь попить. Во рту пересохло.

– Заходи в избу, браги дам.

Она говорила спокойно, без малейшего смущения и волнения.

В избе было бедно, но стены тщательно вымыты, выскоблены, земляной пол чист. Видать, Ольга хозяйственная, опрятная девушка. Это Кондрату понравилось.

Она подала на стол большой ковш браги и спросила:

– Может, поесть хочешь?

– Нет, Ольгушка, есть не хочу. Спасибо тебе.

Испив вкусной холодной браги, Булавин стал расспрашивать Ольгу о ее жизни в лесу.

. – Ничего, попривыкли, – вздохнула она.

Ольга едва помнила тот день, когда ее раскольничья семья ушла из Тамбова в придонские леса. Это было очень давно.

Семья, состоявшая, кроме нее, из деда с бабкой, отца с матерью и двух сестренок, с большими трудностями добралась сюда. Дорогой сестренки умерли. Отец с дедом построили здесь избушку, и зажила семья спокойно, ничем не тревожимая. Мужики охотились, ловили рыбу. Раза два в год они уходили в ближайший город. Продавали там шкуры убитых зверей, лебяжий пух, закупали необходимое. Но потом навалились несчастья одно за другим. Деда однажды на охоте разорвал медведь. Бабка, не перенеся его смерти, умерла вскоре. А прошлый год умерла и мать.

– Вот их могилки, – с грустью указала Ольга на три креста за окном.

– Небось, Ольгушка, – спросил сочувственно Кондрат, – скучно тебе жить в лесу-то?

– Какая же тут жизнь с волками да с медведями? – огорченно воскликнула она и снова тоскливо вздохнула. – Отец целыми днями за добычей ходит, а я тут одна да одна... Живого человека не вижу, не с кем слова промолвить... Истосковалась...

Глаза ее повлажнели, губы задрожали, и казалось, она сейчас горько заплачет.

– Свет не мил... – прошептала она и отвернулась.

Кондрату стало жалко ее. Вздохнув, он ласково сказал:

– Замуж бы тебе надо, Ольгушка.

Лицо Ольги густо порозовело. Она смущенно потупила глаза.

– За кого ж выйдешь-то? – прошептала она. – За дикого козла, что ль?

И в голосе ее послышались такая тоска и безысходность, что Кондрат невольно, с чувством жалости, привлек ее к себе и погладил по голове.

– Ничего, Ольгушка, найдем тебе доброго жениха. Ей-богу, найдем... Сватом приеду... – Он подумал, что не плохо бы женить на ней Григория Банникова.

Глава X

Ярко горели костры в лагере. Казаки, весело делясь впечатлениями дня, вечеряли.

Григорий Банников, сидя в кругу своих друзей, возбужденно рассказывал:

– Скачу я это, братцы, за вепрем... вот-вот догоню я его да рубану чеканом³⁹, а он, проклятуший, видит, что ему смерть неминуемая от моей руки... как сига-анет через овраг и перемахнул через него. А овраг этот, поди, саженой пятнадцать шириной будет... Что ты тут будешь делать? Ну, думаю, была не была, где наша не пропадала! Разжег я своего мерина плетью да как поскачу прям на овраг... Закрутил мой мерин головой: дескать, дает мне понять, что не хочет он прыгать через овраг. «Брешешь, кричу, ежели вебрь перемахнул через него, стало быть, и ты должон!..» Дал я ему еще пару добрых плетей... И что же, братцы вы мои, пересигнул ведь аргамак мой тот овраг!.. – обвел торжествующим взглядом Гришка своих товарищей.

Казаки, посмеиваясь и не веря ни единому слову Гришки, ели жирные куски дикого кабана, запивали пенистым медом.

– Ну и что же, Гришка, зарубил ты все ж этого вепря-то? – спросил Никита Гольий, разливая по ковшам мед из бурдюка.

– А ты слухай да наперед не забегай, – недовольно сказал Григорий. – Поскакал я это, стало быть, братцы, опять за вепрем. Он от меня, я за ним... Он от меня, я за ним... Что есть мочи скачу. Жалко ведь упустить такую знатную добычу. Гляжу, братцы вы мои, впереди опять овраг, да поболее первого. Ну, думаю, теперь уж ты черта с два сиганешь – силенок не хватит. А он, проклятуший, разбежался – ка-ак сига-анет... и перемахнул овраг, как все едино на крыльях... Вот проклятый-то! Ну, думаю, ежели вебрь его пересигнул, то уж мой-то аргамак наверняка перемахнет его. Разжег я опять своего мерина плетью. Летит мой аргамак, ног не чуёт под собой... Прыг через овраг... И что ж, братцы вы мои, не досигнул он до другого края, а полетел вниз. Почуял я, что мой мерин вниз полетел, выпростал я ноги из стремян да пулей через овраг перелетел и с разгону прям на вепря верхом сел...

– Вот брехунец-то! – раскатисто хохотал Семен Дранный. – Знатно брешет!

– Чего мне брехать? – обиделся Гришка. – Всю истинную правду говорю.

– Гутарь, гутарь, Гришка, – смеясь, сказал Кондрат. – Не обижайся.

– Да и гутарить-то уж больше почти нечего, – сказал Гришка. – Значит, сел это я на вепря верхом, а он как начнет брыкаться, норовит, стало быть, меня сбросить. А я вцепился ему в шею и душу что ни на есть силы. Свалил я его назем, и начали мы с ним брухтаться⁴⁰. Брухтались-брухтались мы с ним, а потом надоело мне это дело, вцепился я ему в горло зубами и перегрыз...

– Ха-ха... – закатывались казаки, хлопая себя по ляжкам. – Вот брешет-то знатно!

– Ну и как же ты коня вызволил из оврага? – сквозь смех спросил Гольий, подмигивая казакам.

– А так и вызволил, – невозмутимо ответил Григорий. – Схватил за узду и вытащил...

– И конь не расшибся?

– А чего ему расшибаться? – так же не смущаясь, ответил Григорий. – Когда он прыгнул через овраг, у седла подпруга лопнула, потники, стало быть, раскрылись, и мой аргамак, как на крыльях, слетел в овраг. Как все едино воробушек сел...

– Ну а вебрь-то твой, тот где? – сотрясаясь от смеха, спросил Кондрат.

– А там... – в неопределенном направлении махнул Григорий.

– А-а... – понимающе протянул Булавин. – Стало быть, там... на воле ходит...

³⁹ Чекан – род молотка с рукояткой длиной в метр.

⁴⁰ Брухтаться — здесь бороться, валяясь.

– Зачем на воле? Я его на дубке на суку повесил... Завтра возьму.

Оглушающие взрывы смеха казаков наконец несколько смутили Гришку. Он сердитыми глазами посмотрел на них. Потом, поняв, что слишком заврался, расхохотался и сам, звонко и весело.

– Ты б, Гришка, – смеялся Кондрат, – рассказал, как ты в Бахмут-городке за волком гонял.

– Да что там рассказывать? – отмахнулся Григорий. – Дело прошлое. Собаку я невзначай одна за волка принял... Что ж тут особенного? Это может с каждым приключиться...

– Расскажи, Кондратий Афанасьевич, – стали просить казаки. – Расскажи!

– Ладно, расскажу, – посмеиваясь, согласился Кондрат. – Как-то Гришка стал собираться на волков. А в степу в это время такая сыпуга⁴¹ разыгралась, что прямо на ногах устоять не можно, с ног валит. Стал я было Гришку отговаривать: куда, мол, тебя черти несут в такую непогодь? Да разве ж его, такого взгального, отговоришь? Заупрямился парень: «Поеду, да и все. Зараз, говорит, самое время волков бить...» Ну, думаю, черт тебя дерит, езжай, коль прищипило... Выехал это он, стало быть, в степ, а сыпуга там так и рвет и мечет, с коня сшибает. В двух шагах ничего не видать... Гришке б впору и вернуться, да стыдно: как же, мол, умных людей не послушался и в дураках оказался. Ездил, ездил он по степу, ничего не видал, – какие уж там волки в такую непогодь? Досада взяла парня, и впрямь навряд ли надобно со стыдом возвращаться. И уж хотел он было ехать ни с чем домой, только глядь это он – что-то блазнится⁴² у кустов. Пригляделся он и возрадовался, около дохлого жереба, какого мы намерены с ним вывезли, здоровенный волк кормится. Поскакал Гришка к нему, а волк от него. Отбежал это, обернулся да по-собачьи забрехал: гав-гав. Нашего Гришку ажно оторопь взяла: что, мол, за диковина такая – волк, а по-собачьи брешет? Ну, а все же не отстает от него, знай себе скачет за волком, хочется ему засечь его плетью. А волк бежит-бежит, обернется да: гав-гав... Всмотрелся Гришка в волка, да и плюнул с досады: это был здоровенный кобель нашего соседа, бахмутского казака...

Смех казаков заглушил конец рассказа.

– Постой, Кондратий, постой, – сказал сконфуженный Григорий. – Ты рассказал бы лучше о себе, как ты гусей-то домашних стрелял... Помнишь, тебе за них бабы чуть бороду не выщипали?..

– Как не помнить? Помню, – смеялся Кондрат. – Было такое дело. Ошибку понес... Думал, дикие... Целую дюжину настрелял... Ну, бабы дали мне добрую взбучку за них... Ха-ха... – И, оборвав смех, взглянул на густо усеянное яркими звездами небо. – Эх, звезды-то как блещут! Видать, завтра день добрый будет... Ложись, братья! А то, как только зарница займется, взбужу.

Тут же у костров казаки улеглись спать.

Григорий долго не мог заснуть, смотрел на звездное небо.

– Дед Остап, спишь ай нет?

– Нет еще, сынку. А що?

– Скажи, дед, что это такое, как все едино золото по небу рассыпано? – указал он на Млечный Путь.

– О, це ж, сынку, божья дорожка... По ней бог ходит из рая, шоб бачить нашу грешну землю...

– А чего ему ее бачить?

– А як же? Богу надобно наглядывать, як люди живут, чи сполняют его заповеди, чи ни...

⁴¹ Сыпуга – вьюга.

⁴² Блазнится – виднеется, мерещится.

Гришка замолк, думая о словах старика. Где-то загомонили. Гришка приподнялся, прислушиваясь и всматриваясь в темноту. Кто-то шел к костру.

– Кто это? – спросил Гришка.

– Да то я, Лунька Хохлач... – устало отозвался подошедший и тяжело опустился на землю. – Уморился дюже...

– Вот тебе! – обрадованно воскликнул Григорий. – А мы, Лунька, думали, что ты погиб.

– Покуда еще живой.

Проснулись казаки, обступили Хохлача.

– Где ты, односум, пропадал? – спросил его Булавин.

– Э, Кондратий! – измученно отмахнулся Лунька. – У колдуна в гостях был... Дайте, братцы, хлебнуть меду, горло пересохло...

Утолив жажду, Лунька рассказал о своих приключениях.

– Ну, добре, что жив остался, – проговорил Булавин. – А мы тебя уж было похоронили... Ложись, братья, а то до света не много осталось. Надобно хоть малость поспать...

Казаки снова улеглись, и вскоре все спали под охраной ровно и ласково освещавшей лагерь гулебщиков бугроватой неяркой луны.

Глава XI

Возвращались охотники домой уже поздней осенью.

У Донецкого городка они поровну раздували добычу, никого не обидели. Даже деду Остапу выделили часть, хотя тот долго отказывался.

– Да на що мне? – протестовал он. – Я ведь даже ни единого горобца⁴³ не убил... Я и тем ублажен, що ходил с вами на потеху, стары кости размял...

Но казаки настояли, чтобы он взял свою долю.

– Ну, спасет вас Христос, братове, – растроганно поблагодарил он. – Повезу свою долю до односумов.

Дед Остап этот год проживал в становой избе Трехизбянского городка. Кроме него, там еще жило восемь одиноких казаков. У них был один котел и одна сума.

Кто бы из них что ни добыл, все складывали вместе и пользовались всем равно. Единственно, что было личной собственностью каждого из них, – это деньги и оружие.

Старый запорожец в последнее время все подумывал пойти жить в Борщевский монастырь, куда под старость уходили на житье многие одинокие казаки. При дележе добытого в набегах казаки богатую долю всегда выделяли этому монастырю.

Но старику все еще казалось рано расставаться с вольной жизнью. В монастыре ведь не ударишь по звонким струнам домры, не запоешь казачью удалую песню.

Вблизи Донецкого городка казаки стали разъезжаться. Семен Дранный с тремя казаками провожал Кондрата и заодно других трехизбянцев до дому.

Трехизбянский городок был обнесен крепкой, надежной двойной надолбой⁴⁴. Между частоколами насыпана и туго прибитая земля. По валу ходил с ружьем караульный казак. Он зорко вглядывался во все стороны: неровен час – налетят нагайцы или калмыки, застигнут врасплох.

Ходил караульный по тарасам⁴⁵, напевая песенку:

На усть Дона тихо-ого,
На краю моря синего-о,
Построилась башенка.
Башенка висо-окая,
На этой на башенке,
На самой на маковке,
Стоял часовой ка-азак,
Он стоял да умаялся-а...

Перед взором его как на ладони раскинулась огромная, посеребренная инеем, бурая равнина, покрытая мелким кустарником, мелкой лесосекой. У городской надолбы, извиваясь змеей, бежит по займищу речка Айдарка. На берегу бабы полощут белье, колотят его неистово вальками. Старики бороздят реку каюками, расстанавливают сети, вентера⁴⁶. Тут же, неподалеку, ребята играют в айданчики⁴⁷.

---

⁴³ *Горобец* – воробей.

⁴⁴ *Надолба* – вкопанные в землю столбики, образующие защитную ограду.

⁴⁵ *Тараса* – здесь старинное название крепостной стены.

⁴⁶ *Вентер* – рыболовная снасть, самолов.

⁴⁷ *Айданчики* – мелкие косточки, главным образом бараньих ножек.

Остановится караульный, постоит, оглядит внимательно все вокруг и снова ходит по тарасам, напевает:

Он стоял да умаялся-а...

Вдруг он насторожился. Чуткое ухо его уловило далекое ржание. Казак замер, пытливо взглядываясь вдаль. Ржание лошадей слышится все ближе и ближе. Но теперь караульный улыбается: он уловил веселые знакомые голоса. Вот показались всадники, они подъезжали к воротам, ведя в поводу заводных лошадей⁴⁸, навьюченных тяжелой кладью. Ребята, побросав айданчики, с веселыми криками бросились навстречу.

– Здорово, батя! – радостно крикнул черноглазый парнишка лет пятнадцати в синем кафтанишке, подбегая к Булавину.

– Здорово, Никишка! – улыбаясь, кивнул ему Кондрат. – Как тут живете? Как наши?

– Слава богу, батя! Все живы-здоровы.

– Возьми, Никишка, коня, – Кондрат передал ему повод заводной лошади. – Веди домой. Скажи мамуне, чтобы вечерять готовила. Зараз придем с дедом Остапом.

Караульный, спрыгнув с вала, широко распахнул ворота.

– Как живете тут, дядь Василий? – спросил у него Кондрат.

– Слава богу! – ответил караульный. – Все целы и невредимы. С добычей вас, братья!

– Спасет Христос, дядя Василий, на добром слове.

Жена Кондрата, Наталья, еще молодая, свежая женщина лет тридцати пяти, с приятным лицом, принарядилась. Поверх голубого сарафана она накинула праздничный кубелек, расширенный золочеными нитками. На голову надела сетчатый волосник, украшенный жемчугом, на руки – серебряные бизирики⁴⁹.

– Здорово живете! – поздоровался Кондрат, входя в курень и крестясь на образа.

– Слава богу, Афанасьич, – низко поклонилась ему Наталья.

– Встречай гостя, Наталья.

– Всегда рады гостям, – снова поклонилась она, заметив за широкой спиной мужа деда Остапа.

– Во имя Отца и Сына... – закрестился было старик, шагая через порог, но, стукнувшись макушкой о притолоку, простонал: – О, будь ты проклята!

– Никак зашибся? – обернулся Кондрат к нему.

– Ничего, – проговорил старик, морщась и почесывая плешину. – На то ж вона, притолока, низка, щоб хозяину с хозяйкой кланяться. А я было, старый, загордился, не хотел нагнуть головы...

– Давай нам, Натальица, вечерять, – весело сказал Кондрат, сбрасывая с себя оружие и кафтан. – Дуже голодны и я и дед Остап.

Наталья полила из железного кувшина на руки мужу и деду Остапу. Вытерев руки чистым холстинным полотенцем, казаки сели за стол. Наталья прислуживала им, сама не садилась. Кондрат налил в ковш крепкого переварного меду. Наталья подала студень, налила щей, поставила миски с блинцами и варениками.

Дед Остап отирал испарину со лба.

– Хай тобі грець, баба... Кудаж все це исты?.. Кабы было б у меня два брюха, а то ж воно одно – и то махонькое...

– Ешь, дед Остап, ешь, – угощал Кондрат. – От лишней ложки брюхо не лопнет... Давай выпьем. Будь здоров!

⁴⁸ Заводная лошадь – запасная лошадь.

⁴⁹ Бизирики – браслеты.

– Выпить, Кондратий, я дуже люблю... Ой, и дуже ж! – закачал головой старик. – Да без того козаку и не можно. Ну, дай бог, щоб пилося да илось, а дило б и на ум не шло.

– Нет, дед, так не гоже, – покачал головой Кондрат. – Надо, чтобы и пилося и елось, а дело б с ума не шло. Без дела человеку нельзя жить.

– Хай буде так, козаче...

Заметив выглядывавшую из дверей горенки дочь, Кондрат засмеялся:

– Что ты, Галя, оттуда выглядаешь, как все едино сурок из норы? Поди сюда.

Девушка несмело вышла из горенки и низко поклонилась отцу и деду Остапу, зазвенев позолоченными цепочками и турецкими деньгами косника⁵⁰.

Кондрат, улыбаясь, ласково смотрел на дочь. Девушка была очень похожа на отца: такие же черные смелые глаза, тонкий, чуть с горбинкой, нос, яркие чувственные губы.

Она была празднично одета. На ней, как и на матери, был фиолетовый шелковый кубелек, опускавшийся ниже колен из-под него, как у турчанки, выглядывали красные атласные шальвары, вобранные в мышинового цвета ичижки⁵¹, простроченные на подъеме серебром. Талию туго перехватывал бархатный, выложенный камнями и серебряными бляхами пояс. Черные выющиеся волосы заплетены были в две тугие длинные косы с яркими лентами и махрами на концах. На голове поблескивала перевязка с медными, вызолоченными гвоздиками и золотой бахромой. С висков на румяные щеки свисали жемчужные чикилеки⁵².

Все эти наряды отец привез любимой дочери из походов.

– О, яка гарна дивчина! – воскликнул восхищенный дед Остап. – Эх, да кабы я был молодым парубком, я б оженился на ней! А может, моя кралечка, пидеш зараз за меня... а? Ты не гляди, голубка, що я старый. Я старый, но дуже бравый. Ей-богу, правда!.. Ось дывысь!.. – лихо закрутил он свои седые длинные усы и подбоченился. – Ну, що? Гарный я? Пидеш за меня чи ни? Ха-ха... – весело рассмеялся он. – Да где уж мне, старому кобелю, брать таку гарну коханочку? Тебе ж надобно доброго орла... А я що? Старый хрыч, – вздохнул запорожец. – Был конь, да изъездился... Помирать скоро.

Галя, потупясь, смущенно слушала старика. При последних словах она вскинула на него плутоватые глаза.

– Бывает, дед Остап, – сказала она, – и старые кони добре ходят под седлом.

Казачи весело захохотали.

– О, це ж ловко сказанула, дивчина! – воскликнул старик и выпрямил спину. – Це ж ты, Галечка, правду сказала... Я ще не разучився крепенько в руках востру саблю держать...

Посмеялись, пошутили, потом Кондрат спросил у жены:

– Как тут, Натальица, жили без меня?

– Слава богу, Афанасьич, все в исправности. Только вот ныне... – замаялась она.

– Что ныне?

– Да варила я кашу, а она вылезла из горшка... К беде это...

– О, це к беде, – подтвердил и дед Остап. – О, це наше такое дело козачье: жди беду завсегда...

За оконцем завyla собака.

– Тьфу, нечистая сила! – плюнул старик. – На свою б песью голову, анчибел⁵³.

– Видишь, – испуганно сказала Наталья. – И сейчас пес воет – беду накликает. Надясь у Настасьи Кудимовой курица по-кочетиному кричала. Кирюшка-то ихний поймал ту курицу

⁵⁰ Косник – лента, вплетаемая в косу.

⁵¹ Ичижи – комнатные, мягкие полусапожки.

⁵² Чикилеки – женские украшения.

⁵³ Анчибел (донское) – черт.

да переброесил через хвост и на лету перерубил саблей. А голова-то курицына упала на порог. А это уж первая примета – к беде...

Кондрату эти разговоры были не по душе. Он помрачнел и сердито пробурчал:

– Какую еще бедау накликаете? И так ее не оберешься.

– Да кто ж ее ведает? – робко сказала Наталья. – Может пожар быть, ай калмыки налетят, смертным боем всех побьют да в полон заберут. Прослыхали мы тут недавнечко, будто калмыки набегали на низовые городки, пограбили, посожгли, казаков и ребятишек в воду покидали, а молодых баб да девок в полон побрали...

– Ну, сюда они не прибегут, – хмуро сказал Кондрат. – Далече.

Вошел Никита.

– Батя, – весело сказал он, – сколь же ты много зверья-то набил!.. Страсть сколь много!.. Таскал я, таскал в сарай, насилу перетаскал...

– Много, Никишка, – усмехнулся Кондрат. – Вот ужo повезу в Черкасск шкуры продавать, гостинец привезу тебе и Гале.

– Спасибо, батя, – тихо сказала Галя. – Ежели ты будешь мне гостинцы покупать, то купи мониста⁵⁴ да верстки⁵⁵...

– Куплю, – пообещал Кондрат.

Увидев на скамье домру, Никита пристал к домрачею:

– Дед Остап, сыграй.

– А спляшешь, бисов сын?

– Спляшу.

Старик взял домру, тронул струны.

– Ну, що вы зажурились?.. Хай кобыла журигся, у нее голова большая, а ну, иди и ты, дивчина, танцюваты, – сказал он Гале и, дернув струны, запел:

Да спасибо тебе, мати,
Що умела дочку кохати...

Никита сбросил с себя кафтанишко, прошелся по хате кругом, кинулся вприсядку. Бойко перебирал звонкие струны дед Остап.

Зеленого луга калина,
Честного роду дытына...

Оборвав песню, старик тряхнул седым чубом и, выпив меду, со вздохом сказал:

– Эх, да де ж вона, моя молодость, девалась?.. Чую: помирать скоро, а помирать неохота... Ой и неохота ж! Так бы, кажись, век мед-горилку пил, плясал бы да дивчат гарных любил...

---

⁵⁴ *Мониста* – металлические или жемчужные бусы.

⁵⁵ *Верстки* – украшения из разноцветного стекла.

Глава XII

Отец Григория Банникова, крестьянин села Спасского, вотчины тамбовского архиерея, Прохор бежал на Старое поле лет десять тому назад. С тех пор жил в Ново-Айдарском городке.

Как и большинство новопришлых на Дон людей, он немало потратил денег на магарычи и угощения старожилых казаков, прежде чем был принят ими равноправным членом казачьей общины.

Прохор Банников человек был тихий, смиренный, редко ходил в походы, занимался хозяйством: охотничал, ловил рыбу, разводил пчел. Очень тосковал по земле и сохе, но казакам запрещалось сеять хлеб. Два старших брата Григория были такого же характера, как и отец. Их не привлекала разгульная казачья жизнь, полная подвигов и разбойной отваги. Они, так же как и отец, больше отсиживались дома.

Но не таким уродился Григорий. Жизнь в дикой степи ему пришлась по сердцу. Ему шел только двадцать пятый год, а он считался уже бывалым казаком, проводшим около десятка лет в походах и битвах.

Почти мальчишкой он пошел в Азовский поход. Вторым, вслед за Булавиным, вскочил он на шанцы турецкой крепости. Оба удостоились похвалы царя Петра. За удаль, находчивость и веселый характер полюбил его Кондрат. С тех пор, несмотря на большую разницу в возрасте, завязалась их крепкая, нерушимая дружба, и они не расставались. Когда Кондрат Булавин, после азовской кампании, был избран атаманом Бахмута и соляных промыслов, туда перебрался и Григорий Банников, став есаулом.

В последнее время привязанность Григория к Кондрату усилилась еще больше. Со всей страстностью своей неиспорченной, целомудренной души он полюбил дочку своего друга. Лихой рубака, человек взбалмошного, буйного характера, Григорий был в любовных делах робок до наивности. Свое чувство к дочери Кондрата он умел так глубоко скрывать, что едва ли о нем догадывалась и сама Галя.

На другой день после приезда с охоты Григорий поехал в Трехизбянский городок к Булавиным. Это было недалеко, верстах в пяти. Унылая желтеющая степь стлалась необъятной машиной. Покойно лежали на ней голубые озера и болота, курясь легкими струйками пара. В них, как в зеркальце, гляделось тихое, прохладное утро. Бойко бежала серебристая Айдарка, четко отражая в себе пышные, позолоченные осенью веера верб.

Григорий ехал медленно, мечтая о своем будущем. Оно, казалось ему, должно быть счастливым, радостным. Уж на тот год он обязательно посватает Галю. Они поженятся. Какая тогда будет жизнь чудесная!

И, как бы чувствуя это счастье совсем близко, Гришка радостно засмеялся. Хлестнув лошадь плетью, он стремительно поскакал.

– Ги-и!.. Ги-и!.. – дурашливо загикал он, размахивая плетью. Вскоре Гришка, как ураган, влетел в городок, распугивая на улице кур и собак.

– А-а, Гришка! – встретил его на дворе Кондрат. – Добре, что приехал. Сейчас поедем в Бахмут. Ступай в курень, обожди, пока я коня оседлаю.

Гришка заметил, что Кондрат чем-то встревожен, но не стал его расспрашивать. Привязав лошадь к перилам крыльца, он вошел в дом.

Сидя за столом, беседа с Натальей, он украдкой поглядывал на дверь в горницу. Он знал, что Галя сейчас сидит в горенке за каким-нибудь рукоделием. Ему очень хотелось ее увидеть. Он не видел ее уже несколько месяцев. Но Галя не появлялась, и Гришке от этого стало грустно.

«Не люб, не люб я ей, – думал он с тоскою. – Не хочет и взглянуть на меня».

Но он ошибся. Дверь из горенки со скрипом распахнулась, на пороге показалась Галя. Порозовев от смущения, она поклонилась Гришке, не сводившему с нее восторженного взгляда. За это время, что он ее не видел, она еще больше похорошела, расцвела.

Конфузаясь от присутствия Гришки, Галя спросила у матери:

– Мамуня, где батя?

– Коня седлает. А на что он тебе, донька?

– Надобно. – И, бросив на Григория лукавый взгляд, она снова ушла в горенку.

В курень вошел Кондрат.

– Поедем, Гришка.

– Поедем, – покорно поднялся тот и, взглянув на горенку, вздохнул.

– Батя, – послышался из горенки грудной голос Гали.

– Чего, донька? – спросил Кондрат.

И Гришке было приятно слышать, как в суровом голосе Кондрата появились ласковые нотки.

– Батя, – сказала Галя, – может, тебе доведется быть на бахмутском базаре, так ты не забудь, купи мне там ожерелье и верстки.

– Вот только и осталось мне это дело, – с раздражением сказал Кондрат. – Не до ожерелья зараз... Пошли, Гришка.

– Ты ж обещал, батя! – с обидой в голосе крикнула Галя.

Кондрат не ответил и вышел. Гришка обиделся на Кондрата за его грубый ответ дочери.

Молча вскочили казаки на лошадей и поскакали. Гришка даже и не знал, зачем они едут в Бахмут. Кондрат ему не сказал об этом, а он не посмел допытываться. Долго они ехали молча, погруженные каждый в свои мысли. Гришка думал о Гале. «Вот уж куплю ей ожерелье да верстки, – вздыхал он, – тогда проведаю, люб я ей али нет».

Кондрат долго ехал суровый, замкнутый, не обращая никакого внимания на Гришку. Потом рассказал ему, что понудило его выехать так внезапно в Бахмут.

Оттуда только что приезжал гонец, сообщивший, что из Воронежа в Бахмут приехал дьяк Горчаков. Дьяк, никому ничего не объясняя, сразу же приступил с изюмскими казаками к описи земель по речкам Бахмуту, Красной и Жеребцу. Бахмутские казаки и работные люди, занятые разработкой соли на промыслах, расположенных по этим речкам, почуяв в этой описи недоброе, встревожились и послали гонца за Булавиным.

– Как думаешь, Кондратий, – спросил Григорий, – зачем он приехал, этот дьяк-то?

– Изюмцы что-нибудь подстроили, антихристы...

На другой день они были в Бахмуте. Толпа казаков и работных людей возбужденно гудела у становой избы, дожидаясь приезда атамана. Завидев еще издали Булавина, казаки, поскидав шапки, повставали, приветствовали его:

– Здорово, атаман! Здоров был, Кондратий Афанасьевич!..

– Здорово, братья! – подскакал к ним Кондратий. – Что у вас тут приключилось? Сказывайте.

Толпа разразилась гневными выкриками:

– Забирают, Кондратий!.. Отымают у нас землю!.. Отбирают варницы!.. Хохлам отдают!.. Дьяка прислали!..

– Тише, братья! – поднял руку Кондрат. – Тише!.. Ничего не пойму... Где тот дьяк-то?

– На Красной речке с изюмцами землю меряет...

– Ведите его ко мне, братья.

– Зараз, атаман!.. Зараз!.. – послушно и охотно отозвались голоса.

Несколько человек, оседлав лошадей, поскакали за дьяком.

Вскоре в становую избы ввалилась злая, возбужденная толпа казаков, ведя высокого бритого человека.

– Вот он, проклятуший! – втолкнули они его к Кондрату.

Лицо дьяка было бледно, но спокойно и сурово.

– Не хотел, демон, ехать к тебе доброй волей, – пояснили казаки, – так мы его маленько потолкали да силком привезли.

Кондрат внимательно посмотрел на дьяка и спросил сдержанно:

– Кто таков? Отколь приехал?

– Царский слуга, – с достоинством ответил тот. – Дьяк Алексей Горчаков. А приехали мы из Воронежа по высочайшему повелению великого государя Петра Алексеевича...

– Зачем?

– По тому государеву указу велено нам переписать земли по речкам Бахмуту, Красной и Жеребцу.

– Для чего?

– Велено те угодия отписать Изюмскому полку.

Кондрат скрипнул зубами, ожег дьяка свирепым взглядом.

– А соляные варницы?

– А варницы отписаны на государя. Ведать теми варницами отныне будет Семеновская канцелярия.

Существовала государственная монополия на соль. Обширные преобразования, а в особенности война, требовали огромных средств. Соляной монополии, как источнику государственных доходов, придавали большое значение. Ее и стали теперь вводить на Дону. Соляные варницы, сосредоточенные главным образом в Бахмутском районе, были войсковой собственностью. Существовали также небольшие соляные промыслы отдельных домовитых казаков.

– Ха, – недобро усмехнулся Кондрат. – А наши новопоселенные городки, – спросил он, – что по тем речкам, куда девать будете?

– Те городки велено Изюмскому полку снести... уничтожить...

Кондрат побагровел от гнева.

– Снести, уничтожить? – сдерживая себя, сказал он. – Да вы их нам строили?.. Что молчишь-то?

Дьяк пожал плечами.

– Да ведь я тут ни при чем. Что приказывают, то и выполняю... На то есть царев указ...

– Царев указ... А людей куда будете девать с тех городов?

– Всех жилецких людишек приказано выслать на прежние их места, кто откуда пришел...

– Ух ты! – Булавин ударил кулаком по столу. – Посадите его, братья, под караул! – приказал он казакам. – А потом поглядим.

Десятки рук с готовностью схватили дьяка и потащили его из избы. Кондрат гневно окинул взглядом оставшихся в избе казаков.

– Уходите отсюда все до единого!

Казаки молча вышли на улицу.

– Ложись спать, Григорий!

Гришка, зная, что Кондрат в гневе не скуп и на кулаки, не стал возражать и покорно улегся на топчан, закрыл глаза, хоть спать ему не хотелось.

Кондрат сел на скамью, облокотившись о стол, задумался.

Уже несколько лет подряд велась ожесточенная борьба между Донским войском и Изюмским полком из-за спорных земель. Бахмут-городок много раз переходил из рук в руки. Не раз разрушался до основания, не раз переносился с места на место. Теперь в их борьбу вмешался сам царь и стал на сторону изюмцев. Их донские земли отдал изюмцам, а солеварни отбирает в казну. Донское войско теперь лишалось большой выгоды. Ведь они, домовитые казаки, вели широкую торговлю солью, богатели от этого, а теперь будет богатеть казна. Да и он сам, Кон-

драт, ущемлен сильно. Теперь не быть ему атаманом соляных промыслов, не властвовать над солеварями.

«Не иначе, – думает Булавин, – все это подстроили бояре. Они, проклятые, натолкнули царя на такой шаг. Можно ли это терпеть? Да ведь если так поддаться, то, за недолгим станет, бояре и совсем нам на шею сядут».

До рассвета Кондрат с разгоряченной головой сидел в избе, обдумывал создавшееся положение.

– Нет! – хлопнул он кулаком по столу и встал. – Мы еще потягаемся. Поглядим, чья возьмет... Гришка, вставай! – разбудил он сладко спавшего Григория. – Пойди приведи дьяка.

...Дьяк стоял перед Булавиным позеленевший, осунувшийся. Он знал казачьи нравы и провел страшную ночь, готовясь к наихудшему.

– Горчак, – сказал спокойно Кондрат, – извиняй, что я погорячился. Но ты должен разуметь, что встревожил наши сердца...

– А я разумею, – кивнул головой дьяк. – Для вас кровное дело отстоять свои земли...

– Горчак, – продолжал Кондрат, – я тебе зла делать не буду... Не по своей охоте приехал ты наши земли да варницы отбирать. Бояре тебя на это дело послали.

– Это указ самого государя, – возразил дьяк.

– Знаю я, – крикнул Кондрат, – бояре натравили царя на нас!

Дьяк промолчал.

– Езжай, Горчак, к себе подобру-поздорову... Лиха тебе никто не сделает... Скажи своим боярам-лихоимцам, что бахмутский, мол, атаман Кондратий Булавин сказал крепко-накрепко, что покуда он, мол, жив, Бахмут-городка и солеварниц он, мол, не отдаст... Понял? Не отдам!.. Езжай с богом!..

Дьяк поклонился Кондрату и, повеселевший оттого, что остался жив, проговорил:

– Порасскажу, атаманушка, я все своим начальным людям, но...

– Что «но»? – нахмурился Кондрат.

– Послушай, что скажу... Зря ты затеваешь это дело... Отступись, по-доброму отдай землю и варницы... Солеварни государственными будут. Казна ими владеть будет. Сил у тебя не хватит их отстоять... Сокрушат, сомнут тебя... Зря пропадешь...

– Не отступлюсь! – оборвал Кондрат. – За правду готов умереть.

– Ну, гляди. Я тебя от доброго сердца хотел предупредить, а там как знаешь, дело твое...

Прощай!

Глава XIII

Солнце медленно всходило, и длинные темно-лиловые тени ложились на кривых московских улицах.

Столица оживала. У резных тесовых ворот, с причудливыми коньками и петушками наверху, заскрипели ржавые засовы. Бабы, стуча деревянными бадьями, побежали к колодцам. У распивочной избы уже толпились ранние посетители. Кабак был еще закрыт, и кабачные завсегдатаи поглядывали на дверь, с нетерпением ожидая, когда она гостеприимно распахнется.

Дробно забил барабан. Под его бой, ладно отстукивая толстыми подошвами по пыльной, прибитой дороге, прошел взвод семеновцев с ночного караула.

Царь Петр, стоя у распахнутого оконца, в короткой ночной рубашке и грубом колпаке, зевая, смотрел на просыпавшуюся Москву.

Полюбовавшись выправкой солдат – плодом своей долголетней работы, Петр отметил, что солдатский барабан стучал глухо, у него нужно сменить кожу.

Приехав в Москву вчера поздно вечером, Петр не отправился в Кремль, как это он делал обычно, а остановился в просторном доме своего любимца, денщика Нартова.

– Пирожки с калиной!.. Пирожки с калиной!.. Горячие, свежие! – тоненько прокричал, промелькнув мимо окна, мальчишка с лотком на голове.

Царь любил пирожки с калиной.

– Эй, малый! – высунулся он в окно.

Босоногий веснушчатый мальчишка обернулся и, увидев царя, обомлел от ужаса.

Заметив его испуг, Петр усмехнулся.

– Чего испугался? Поди-ка сюда, малый. Не бойся... Ты знаешь меня?

– Знаю, царь-батюшка, – пропищал мальчишка. – Видывал тебя, как ты с солдатами учения проводил...

– Гм... молодец! А пирожки-то у тебя хорошие, а?

– Ох и хорошие же, царь-батюшка! – восхищенно воскликнул мальчишка. – Сладкие, пальчики оближешь...

– А не врешь? – засмеялся царь.

– Вот те господь, сладкие! – закрестился мальчишка. – Вот отведай!

Он набрал в обе руки румяных, дымящихся паром пирожков и протянул царю. Петр взял пирожок и откусил.

– Правда, хорошие, – сказал он, жуя. – Молодец, парень, не обманываешь.

Он взял еще пару пирожков и, бросив расцветшему от похвалы мальчишке пятак, стал есть, задумчиво смотря на улицу.

По улице шла женщина с страдальческим лицом, держа тряпицу у правой щеки.

– Эй, женка! – крикнул Петр. – Подь сюда!

Женщина проворно подошла к окну и, узнав царя, упала в испуге на колени. Петр недовольно фыркнул.

– Встань, глупая! Ай тебе не ведомо, что приказал я не кланяться мне земно? Встань... Кто ты такая?

– Стрельчиха я вдовая, милостивый государь, горемыка несчастная.

Царь нахмурился.

– Уж не бунтовал ли твой муж супротив меня? – строго спросил он.

– Нет, милостивец, мой муж был честный стрелец... В бунтах не замешанный... Федькой Красновым прозывался он. Может, знаешь, милостивец...

– Своей ли он смертью помер? – подозрительно допрашивал Петр. – Может, я казни его предал? Говори правду, женка, не то велю кнутом высечь.

– Нет, батюшка родимый, – в страхе замотала головой женщина. – Что ты, не приведи господь! Убитый он, как Азов-город забирали.

– Ну, ладно, – смягчился Петр. – Верю... Никак у тебя зубы болят?

На лице стрельчихи отразился ужас. Она уже давно прослышала о том, что царь любит зубы дергать. По Москве ходил зловещий слух, что царь вооружался раскаленными щипцами и, как бес в преисподней, мучил свои жертвы, дергая зубы у больных.

– Нет... милостивец... н... нет! – жалобно завопила она. – Не болят. Ей-богу, не болят...

– Не ври! – сурово оборвал ее причитания царь. – Вижу, что болят. Иди, вырву. Иди, дура! – прикрикнул он на нее грозно, видя, что она не двигается с места. – Трофим! – закричал он солдату, стоявшему у ворот. – Пропусти бабу!

Из глаз стрельчихи покатались слезы. Ослушаться приказа государя она не могла. Перекрестившись на восток, с видом приговоренной к смерти, она направилась в ворота.

* * *

К воротам подкатила щегольская французская карета, запряженная шестеркой серых, в крупных яблоках, лошадей. Из кареты легко выскочил Петр Павлович Шафиров – тайный секретарь Посольского приказа, ведавшего сношениями с иностранными государствами. Он был одет в красивый, голубого сукна, парадный кафтан, расшитый золотыми позументами, в нитяных шелковых чулках и туфлях с большими бантами. Под мышкой у него был объемистый сафьяновый портфель с бумагами.

Заслышав пронзительные крики, доносившиеся из дома, Шафиров нерешительно остановился и с недоумением посмотрел на окно.

– Что это там? – спросил он у солдата.

– Царь Петр Алексеевич женку там одну лечит, – ухмыльнулся солдат. – Зубы дергает... А она нет чтобы благодарить государя, ишь как воет-то... Как все едино собака на погосте...

Шафиров, то прислушиваясь к рассказу солдата, то к диким взываниям бабы, растерянно поглядывал на свой портфель, не зная, как быть: то ли ждать, когда царь закончит вырывать у бабы зуб, то ли возвращаться в Посольский приказ. Между тем повидать царя было крайне необходимо – дела важные.

Карьера Шафирова, как и многих других петровских сановников, была ошеломляющей: крещеный еврей, родом не то из Литвы, не то из Польши, он совсем еще недавно был приказчиком в лавке московского купца-суконщика. Как-то Петр случайно зашел в лавку и увидел Шафирова. Ухватка и расторопность, с которой Шафиров отмерял покупателям сукно, а главное – его остроумные прибаутки очень понравились царю, и судьба Шафирова сразу же была предопределена. Петр назначил его секретарем к канцлеру Головину. Царь редко ошибался в людях. Не ошибся он и в Шафирове, который оказался на редкость работоспособным, незаменимым работником. По существу, Шафиров ведал всеми сношениями с иностранными государствами и вел эту работу блестяще. Впоследствии он стал вице-канцлером.

Увидев Шафирова, Петр, потный, красный, высунулся в окно.

– Петрушка! – закричал он ему. – Заходи...

Шафиров кинулся на зов царя. Когда он вбежал в комнату, из нее, словно ошпаренная, выскочила простоволосая баба с заплаканным лицом – пациентка Петра.

Петр, наклонившись над тазом, мыл руки. Взглянув на вошедшего Шафирова, он быстро спросил:

– Ты что, Петрушка, с новостями, что ли, ко мне, а? Рассказывай.

– Августа⁵⁶ с престола низложили.

– Низложили? – изумился царь. – Кто ж это его?

– Сейм по приказу Карла⁵⁷.

– Ах ты, черт! – выругался Петр. – Кого ж метят на престол? Не Станислава ли Лещинского?

– Его.

Эта новость сильно поразила царя. Со свержением Августа рушились планы Петра, которые так хорошо были продуманы им. Во время заграничного путешествия, при виде тех преимуществ, которые имели морские державы, Петр твердо решил вернуть России исконные русские земли Прибалтики – отвоевать у Швеции на северо-западе хотя бы часть морского побережья, от устья Нарвы до устья Сестры. Там до сих пор находились города с русскими названиями: Корела, Орешек, Ладога, Копорье, Ям, Ивангород... В 1616 году царь Михаил Федорович, воюя со шведским королем Густавом-Адольфом, вынужден был покинуть эту часть морского берега, чтобы отстоять Новгород.

Петр решил отвоевать эту прибрежную полосу, прорубить выход к морю, обосновать порт на море, распахнуть окно в Европу.

Но напасть на Швецию в одиночку Петр не решался – силы русских были еще слабы. Он стал искать союзников. Он знал, что Польша также имела притязания к Швеции и требовала возврата некогда принадлежавших Речи Посполитой территорий, захваченных Швецией. Петр встретился в Раве с саксонским и польским королем Августом II, чтобы договориться с ним о союзе.

Такой же рослый, как и Петр, красивый, ловкий, веселый, Август понравился русскому царю.

Первое свое знакомство оба монарха ознаменовали четырехдневным кутежом. Во время кутежа, чтобы похвастаться перед Петром, Август показал свое искусство в стрельбе из пушки. Стрелял он метко. Петр тогда еще не имел этой сноровки, самолюбие его было задето, и он дал себе слово во что бы то ни стало так научиться стрелять, чтобы при следующем свидании с Августом выйти победителем при состязании. Он впоследствии этого и достиг.

Август вздумал было еще поразить гостя непомерной физической силой. Под предлогом, что серебряная тарелка, лежавшая перед ним на столе, была не чиста, он свернул ее в трубку, как лист бумаги, и швырнул за спину. Но этим он русского царя не удивил. Петр заявил, что и его тарелка не чиста, и так же легко свернул и бросил ее. Уязвленный Август схватил тогда со стола серебряное блюдо и, с трудом свернув его, швырнул под стол. Петр и тут не отстал от него. Такая участь могла бы грозить всей сервировке, если б царь Петр не остановился первый.

– Что тарелки? – сказал он. – Это чепуха. Вот как бы нам ухитриться свернуть так шпагу шведского короля.

С этого и начались их переговоры о союзе против Швеции. Среди пиршества и забав Петр сумел договориться с Августом о совместном походе против могущественной Швеции. Третьей союзницей была привлечена Дания, имевшая также счеты со Швецией.

Король Швеции, Карл XII, был сильный противник. Он был еще молод, на десять лет моложе Петра, но считался искусным, непобедимым полководцем. В шестнадцать лет он один на один ходил на медведя, в восемнадцать был солдатом-полководцем, бредил славой, сражениями. Карл XII восторгался былыми рыцарями, особой породой людей, характерной для Центральной Европы средневековья. Это была жестокая рать воителей, предававших Германию и Италию огню и мечу, шедших с поднятым мечом от города к городу, от селения к селению, неся с собой смерть и разрушение. Сражались они без страха, пощады не знали, жили для

---

⁵⁶ Август II, король саксонский и польский.

⁵⁷ Карл XII, король шведский.

войны и войной. Всю свою жизнь проводили в походах, в них и старели и умирали, покрытые ранами, с руками, обгагреными потоками крови.

Петр хорошо понимал, насколько была трудна война со Швецией. Война эта началась неудачно для России. Русская армия была разбита Карлом XII под Нарвой. Поражение было полное. Рушились военные планы Петра, разлетались в прах мечты о выходе России к Балтийскому морю, об укреплении Русского государства.

Но натура Петра была крепкая, выносливая, он недолго предавался унынию, быстро овладел собою.

Взамен погибшей под Нарвой армии Петр в короткий срок выставил новую, вдвое сильнее и организованнее.

Радовавшаяся его поражению под Нарвой Западная Европа теперь, как на чудо, смотрела на русский народ. Поражение под Нарвой отошло в прошлое, забытое и почти неправдоподобное. Появилась могущественная русская армия – будущая победительница под Полтавой.

Двадцать девятого декабря 1701 года главнокомандующий русской армией Шереметев одержал первую победу над шведским генералом Шлиппенбахом при Эрестфере. Восемнадцатого июля 1702 года войска Шереметева в ожесточенных сражениях одержали новую победу над армией Шлиппенбаха. Потом русскими был взят Вольмар, затем Мариенбург, Нотебург, Ниеншанц...

Но самонадеянного Карла XII эти победы русских мало беспокоили. По поводу основания на завоеванной территории в 1703 году будущей новой столицы России – Санкт-Петербурга он самонадеянно сказал:

– Пусть русские основывают новые города, тем больше их будет для моих завоеваний.

Карл со своей армией опустошал Польшу и Саксонию, с русскими воевали лишь его небольшие разрозненные отряды. Карл хотел быстро покончить с союзниками России, а потом всей силой обрушиться на нее и одним ударом покончить с русскими.

Известие о низложении Августа, сообщенное Шафировым, сильно обеспокоило Петра.

– У-у-у, – негодовал он, – мерзавцы!

Шафиров со страхом смотрел на царя. Он боялся, как бы с государем не приключился припадок. Петр страдал этим недугом еще с детства.

Петр остановился у окна и закрыл лицо руками. С минуту он стоял так, потом отнял руки, мутно, но спокойно взглянул на Шафирова. Тот облегченно вздохнул, поняв, что припадка не будет.

– Бедовый этот Карлушка, черт, – сказал Петр. – Зело бедовый... Умеет воевать. Поучиться у него есть чему... Расправится с Августом-дураком и, собрав силы, неминуемо пойдет на нас. Что будем делать, Петрушка, а?.. Устоим ли?..

– Устоим, Петр Алексеевич, – уверенно сказал Шафиров.

– Почему так думаешь?

– Верю в тебя, государь.

Петр не сразу ответил. Помолчав, он сказал:

– Сам я, Петрушка, знаю свои силы и верю в них, верю в свою армию. Но Карлушка – дьявол, с ним бороться трудно... Все же мы победим! Победим, Шафиров!

Петр сел за стол.

– Садись, Павлович, да рассказывай мне подробно о сем деле, как Августа-то погнали с престола. Надобно подумать, как ему защиту дать...

Подсев к царю, Шафиров начал подробно докладывать о событиях в Польше.

Глава XIV

У Митьки Туляя родился сын.

Радостное чувство наполняло его: в курене рос сын – казак. Когда ребенку исполнилось сорок дней, Митька попросил у соседа жеребца. Вынув сына из люльки, он посадил его на коня и приладил сбоку саблю.

– Матрена, – сказал он торжественно турчанке, – веди жеребца к часовне.

Турчанка взялась за чумбур и повела лошадь. Митька с гордостью держал в своей огромной руке над конем нежное розовое тельце ребенка. Жеребец танцевал, ребенок надрывался в плаче. Казаки, выглядывая из куреней, одобрительно кивали Митьке. Митька ухмылялся, довольный. Беглый поп отслужил молебен в часовне в честь великомученика Иоанна-воина, прося святого сделать Митькиного сына настоящим воином, добрым казаком. Привезя сына домой, Митька, как полагается по казацкому обычаю, подстриг ему волосы к кружок. Передав ребенка матери, низко поклонился ей.

– Ну, с казаком тебя, Матрена.

Пришли казаки поздравлять, принесли сыну подарки: порох, стрелы, лук, саблю.

Митька расчувствовался до слез, побежал в кабак, принес жбан вина. Отгуляли посвящение сына в казаки, и зажил Митька счастливой семейной жизнью.

Однажды он, сидя на скамье и чиня капканы, ухмыляясь глядел, как сын ловит ручонками воздух. Мимо окон, по улице, с криками промчались конные. Митька выбежал во двор узнать, что случилось.

От куреня к куреню метались вооруженные казаки.

– Браты! – возбужденно кричали они. – Атаманы-молодцы!.. Воинство! На круг!.. На круг!..

Схватив зипунишко, Митька побежал на майдан. Там уже толпились вооруженные станичники. Прибывшие казаки Беляевского и Григорьевского городков взволнованно рассказывали о причине, заставившей их приехать в Пристанский городок.

Огромные массивы земли, лугов и лесов, которыми исстари пользовались казаки Пристанского, Григорьевского и Беляевского городков, были отданы тамбовскому епископу Игнатию. Казаки не хотели признавать нового хозяина и по-прежнему рубили в епископских владениях лес, выдирали мед, били зверя, ловили в озерах рыбу, косили на лугах сено. Между ними и епископом происходили из-за этого бесконечные споры и тяжбы. Никакие угрозы властей не могли сломить упорство казаков. В конце концов епископу надоела тяжба с казаками, и он отказался от этой вотчины. Она была отписана на царя и отдана Семеновской канцелярией богатому купцу Ивану Анкудинову на оброк.

Анкудинов, энергичный человек, хотел сразу же подавить упрямство казаков и заставить их признать его хозяином спорных угодий. Он расставил по лугам, лесам и озерам вооруженных сторожей, приказав им не пускать казаков.

Эти меры вызвали возмущение жителей Беляевского и Григорьевского городков. Вооружившись, они прискакали в Пристанский городок.

– В поход, братцы!.. В поход! – гневно кричали они. – Разве можно терпеть такую обиду?..

Пристанские казаки согласились с их доводами – действительно, такой обиды терпеть никак нельзя. Наскоро выбрав походным атаманом Ерофея Шуваева, есаулом – беляевского казака Егора Борисова, а бунчужным – Леонтия Крапивина из Григорьевского городка, казаки шумно двинулись в поход – отбивать свои земли и леса у Ивана Анкудинова.

Митька Туляй, захватив из дому рогатину, с толпой безлошадных казаков побежал вслед за конными.

Разгневанной волной окатили казаки деревню Русская Поляна.

– На круг!.. На круг!.. – вопили они, выгоняя мужиков на площадь.

Когда испуганные мужики были собраны, есаул Егор Борисов крикнул:

– Послуха-ай, честная станица!.. Послухай, атаман трухменку гнет!..

На площади все притихло, и в наступившей тишине атаман Шуваев, сняв шапку, зычно закричал:

– А ну, послушайте меня, атаманы-молодцы, и вы, честные православные крестьяне!..

Спокон веков все те земли и уголья, что лежат от рощ Перекатного истока до Черного яра, были нашими, казачьими... И все сенные покосы по речкам Волжанке и по Севяле и по всем падучим речкам тож были нашими, казачьими... И от Перевозного ерика до Ореховского тож наши, казачьи. И ваша деревня выстроилась тож на нашей, казачьей земле, на нашей...

– На нашей!.. На нашей!.. – как эхо, вторили казаки.

– Вечно мы, казаки, теми угольями кормились! – кричал до хрипоты Шуваев. – Не отдадим мы своих земель никому! Не отдадим!..

– Не отдадим!.. – грозно подхватывали казаки.

– Вот у нас войсковая грамота, – вынув из-за пазухи, потряс бумагой походный атаман, – владеть теми угольями. Вот она!.. А вы, добрые люди, чтоб было по-мирному да по-хорошему, уходите отсюда подобру... Забирайте свои пожитки да детишек и уходите.

– Уходите!.. Уходите!.. – кричали разгневанные казаки.

Побледневшие, растерянные мужики жались друг к другу, боязливо косились на казаков, молчали.

К атаману подошел высокий седой старик. Низко поклонившись Шуваеву, спокойно сказал:

– Дозволь, атаман, слово молвить.

Гутарь, дед.

– Не обессудьте, казаки-атаманы, ежели что не так скажу... Я тутошний староста, к примеру сказать, начальный человек... Людишки мы мелкие, царевы холопы, без его, царева, указа не смеем в послушание пойти. Коль будет на то царев указ, уйдем с ваших земель, не будет – не уйдем. Хоть побейте нас всех до смерти, не уйдем.

Мужики ободрились, упрямо загалдели:

– Не уйдем без царева указа!

– Не уйдем!..

– Куда нам с ребятишками итить?..

– Так вы что ж, – свирепо заорал Шуваев, – не хотите чиниться войсковой грамоте?.. На ж тебе, старый кобель! – с яростью ожег он старика плетью.

– Атаман... Атаман... – всхлипывая от обиды, сказал староста. – За что ты меня, мужика-то, бьешь?.. Ай креста на тебе нету?.. Ай вы басурмане?.. Поезжайте вон в Коренную вотчину к самому Анкудинову, его и бейте... С ним и речь ведите... Он ведь хозяин...

Ерофей Шуваев понял, что ничего не добьется от мужиков.

– Браты! – крикнул он казакам. – Поехали в Коренную к Ваньке Анкудинову. Мы его, сатану, в воду кинем, ежели он не возвернет нам наших земель.

До Коренного городка всего четыре версты. Мгновенно доскакали до него казаки. Анкудинов, предупрежденный о налете казаков, заперся в городке.

– Ванька!.. Анкудинов! – заорал Шуваев, подъехав к воротам. – Выходь подобру к нам. Бить не будем, по-мирному погутарим... А ежели не выйдешь, городок сожжем, а тебя на крюк за бок повесим.

Угроза подействовала, ворота распахнулись, и из них вышел рослый, плотный пожилой человек в черном длинном кафтане. Не спеша, с достоинством он подошел к казакам. Лицо его было бледно, но спокойно.

– Я Иван Анкудинов. Чего звали?

– Вот что, – резко сказал Шуваев, – давай с тобой погутаим по-мирному. Не по закону владеешь ты нашими угодыми.

И Шуваев сообщил ему требование казаков – чтобы он выселил мужиков с казачьих земель, снял стражу и отдал казакам все земли и леса, которые по праву принадлежат им.

– Вот, – снова вытащил из-за пазухи бумагу Шуваев и сунул Анкудинову, – войсковая грамота на те угоды.

Анкудинов не умел читать. Повертев в руках бумагу, он вернул ее Шуваеву.

– Что мне ваша грамота? – сказал он спокойно. – Для меня и для вас превыше всего на свете должна быть грамота царская... Царевой воле никто перечить не может! – строго возвысил он голос. – Я исполняю государеву волю. Коль у вас на то есть право, забирайте вотчину. А я буду отписывать великому государю о воровстве вашем... Царь воров и ослушников не милует...

– Ванька, – повысил голос Шуваев, – ежели миром не хочешь, худо будет. Ей-богу, худо! Тогда не пеняй...

– Не могу послушаться царской воли.

– Ванька, пожгем, пограбим!

– Сила ваша, что поделаешь, – пожал плечами Анкудинов.

Шуваев побагровел от ярости.

– Грабь, братья! – взвизгнул он и, стегнув плетью лошадь, чуть не сбив с ног Анкудинова, ураганом влетел в ворота городка.

За ним с воем и гиканьем помчались казаки. Побросав лошадей на улице, они хлынули в хоромы Анкудинова, вытаскивая из них что под руку попало.

У Анкудинова много было припасено ружей, пороху, свинца, много летней и зимней одежды, конской сбруи, посуды и запасов всяких.

На глазах Анкудинова казаки растащили все его добро и подожгли хоромы.

– Говорил, давай добром, – сказал ему с укоризной Шуваев, – не хотел... Теперь пеняй на себя.

Анкудинов вздохнул и отвернулся. Сгорбившись, пошел в степь.

– Михалыч, куда? – окликнула его плачущая жена.

Анкудинов молча махнул рукой. Старуха, постояв, пошла вслед за ним.

Митька прибежал с пешими казаками уже тогда, когда хоромы догорали. Завистливыми глазами окинул он казачьих лошадей с вьюками, набитыми анкудиновским добром, возмутился.

Воровство в те времена означало нарушение закона, распоряжений власти, измену.

– Это что ж такое, братья? – разобиженно закричал он. – Ежели вы на конях, так вам и все добро, что ль? Разве это по-православному?.. Где ж ваша совесть?.. Ежели мы пеши, так нам и ничего?.. Да ежели б мы были на конях, так мы, может, впереди вас были б тут... Нет, так не гоже. Не гоже, братья! Дуванить добро!.. Дуванить!..

– Истинный бог, дуванить! – дружно подхватили бесконные казаки, которым так же, как и Митьке, не досталось ничего пограбить. – Дуванить!

Походный атаман Шуваев поддержал бесконных казаков.

– Надобно, казаки, по-справедливому, – сказал он внушительно. – Все мы – и пешие, и конные – наравне походом шли, все поровну и должны дуванить добытое.

Слово походного атамана – закон для всех. Власть его в походе не ограничена. Он волен даже казнить любого провинившегося казака. Все его приказания выполняются беспрекословно.

Выехав за городок, казаки каждому поровну раздували добро. Митьке досталось ружье, рог пороху, мешочек пуль да добрый кафтан с рубахой и портками. Митька ликовал. Огорчало его лишь то, что не добыл он себе коня.

На обратном пути казаки вытоптали анкудиновский хлеб, подожгли его лес, у сторожей поотбирали оружие и лошадей. Одну, с седлом, дали Митьке.

Возвращались в свои городки уже ночью. На южной стороне неба, казалось, занималась зарница. Чей-то равнодушный голос сказал:

– Луна встает.

Второй голос встревоженно ответил:

– Нет, это не луна... Луна не на той стороне всходит.

– Что ж это?

– Кто ее знает.

Красное зарево разливалось все больше по темному небу.

Ехали молча, беспокойно и тревожно вглядываясь в багровую полосу на небе. Лошади шли шагом. В мрачной тишине четко отстукивали копыта, на всадниках бряцало оружие. Зарево вдруг вспыхнуло ярче. Огненные языки лизнули небо.

– Пожар! – вскрикнул кто-то.

Митька содрогнулся. Сердце его болезненно сжалось. А может, горит его курень? А может, там, в пламени, корчится в предсмертных судорогах его сын? Митька гикнул, лошадь рванулась и ошалело помчалась по рытвинам и ухабам дороги к городку.

Митька мчался сломя голову. За ним, как тени, не отставали казаки.

Из-за черной каймы рощи перед взором всплыло пылающее небо с рыжими, густыми клубами дыма. Кровавые отблески падали на дорогу, на деревья. Словно залитые кровью, стремительно вскочили казаки в пустой пылающий городок.

Митька мчался к своему куреню, но он уже догорал. От развалин, лениво, клубясь, медленно поднимался дым. В воздухе носились хлопья гари.

Соскочив с лошади, Митька бросился к пожарищу, принялся раскидывать бревна. Он что-то долго искал, старательно разгребая палкой головешки.

Настало утро, он продолжал искать. Внезапно из груди его вырвался страшный, звериный крик. На суку сохи, которую он сам врыл, чтобы вешать бадью, с раздробленным черепом висел его сын.

Митька упал на колени перед обезображенным трупиком и, не спуская с него широко открытых глаз, глухо стонал. Он не слышал, как сзади подъехал всадник и окликнул его. Он не видел, как этот всадник слез с лошади и подошел к нему. Постояв над Митькой, он покачал укоризненно головой и снял с сука мертвого ребенка.

– Сын... сын... – затрясся в рыданиях Митька, протягивая руки к трупику.

– Что ты, Митрий, как все едино баба раскис... Ты ж казак!

Митька, как подстегнутый, вскочил, замолк.

– Лунык! Хохлач! Кто? – указал он на трупик.

– Калмыки! – печально сказал Лунык. – Они злодейство учинили... Я их повстречал у Урюпинского родка... Несутся, дьяволы, как саранча, ордою по казачьим городкам и грабят, жгут, казаков убивают, молодых баб да девок в полон берут...

И Хохлач рассказал Митьке, что отряд калмыков под начальством Чеметь-тайши⁵⁸ и Четерь-тайши по приказу царя Петра был направлен в Польшу на войну со шведами, но дорогой взбунтовался, не захотел идти. Возвращаясь к себе в степи, калмыки на пути громят казачьи городки, вспоминая свои старые обиды на казаков.

Выкопав могилку, Митька с Луныкой похоронили ребенка и, вскочив на лошадей, помчались к майдану.

Что случилось с турчанкой, с Матреной, никто не знал. Видимо, попала в полон.

---

⁵⁸ *Тайша* – калмыцкий владетельный князек; над тайшами стоял нойон.

Теперь, когда уже рассвело, казаки увидели на месте веселых куреней мрачные груды дымящихся, обугленных развалин. Согбенные, почерневшие от копоти люди ходили с палками по пепелищу, разгребали тлеющие уголья, что-то выискивали.

На майдане, потрясая оружием, взволнованно кричали казаки. Они собирались в погоню за врагом.

Из становой избы, которая в числе немногих куреней уцелела от пожара, атаман Ерофей Шуваев вынес хорунок⁵⁹.

– На, – подал он хорунок Митьке. – Атаманы-молодцы, вы не супротив того, чтобы Митька был хорунжим? Казак он добрый.

– В добрый час! – закричали казаки. – Пусть Митька будет хорунжим!

– А теперь, братья, – со слезами на глазах крикнул Шуваев, – все в поход, отомстим обидчикам! Отомстим им, басурманам, за кровь наших детей, братьев и отцов! А может, поспеем и наших женушек и дочерей из поганых рук вырвем.

– Отомстим! – потрясая саблями, разгневанно закричали казаки. – Отомстим!

Шуваев снял шапку, перекрестился. Поскидав шапки, закрестились и казаки.

– С богом, братья! – сказал Шуваев, вскакивая в седло.

– С богом, атаман! – откликнулись казаки. – С богом, братья!..

---

⁵⁹ 1 Хорунок – хоругвь, знамя.

Глава XV

От царя Петра пришел на Дон указ снарядить еще один отряд казаков на войну со шведами.

Атаман Максимов заохал:

– Боже ты мой, да где ж я столько казаков-то наберу? Уж сколько полков мы проводили на войну, и все царю мало... Уж пусть царь не прогневается, нет у меня более казаков. Так, пожалуй, он всех нас переведет... Останется Дон без казаков...

Атаманша Варвара, первая советчица мужа в его делах, рассудительно сказала:

– Нет, Луня, так не можно говорить. Ведь царь-то с врагами воюет. Ему нужна большая помощь. Не пошлешь казаков – царь сам может сюда нагрязнуть али полковников своих пришлет, хуже будет...

– Да это-то хоть так, – согласился Максимов с доводами своей разумницы жены. – Да ведь нельзя ж, Варварушка, и всех казаков с Дона усылать. Не приведи господь, налетят калмыки, татарва али турчане, что тогда делать? Кто будет оборонять Дон? Разорят, пожгут да побьют нас всех...

– Господь бог милостив, – проговорила Варвара. – Не все ведь казаки уйдут на войну, и тут их, дьяволов, много останется. Не гневи, Луня, царя... Больно уж он лют бывает во гневе...

Максимов задумчиво почесал под бородой. Все, что бы ни говорила ему умная жена, все сбывалось.

– Должно, правду ты говоришь, Варварушка. Какого беса мне жалеть казаков-то? Не буду гневить государя, снаряжу казаков в поход... Пошлю ему еще одну тыщу...

Атаман на следующий день спешно созвал старшин и есаулов и приступил к составлению списков казаков, предназначенных в поход против шведов. Войсковые гонцы поскакали по городкам и станицам оповещать казаков, чтобы готовились в поход.

Григорий Банников также попал в список. Весть об этом привела его в большое смятение. Привык гулять он вольным казаком по раздольным просторам Дикого поля. Тяжело было расставаться с родным краем и идти в неведомую далекую страну воевать со шведами. А еще тяжелее было расставаться с любимой девушкой.

Мрачный и грустный приехал Григорий прощаться к Булавиным.

– Что нос-то повесил, Гришка? – спросил Кондрат у него.

– В поход назначили идти, в Ингрию, – невесело ответил Григорий.

– Значит, и ты попал?

– Попал, – вздохнул Григорий, украдкой взглянув на Галю.

Она сидела на скамье, низко опустив голову, и пряла шерсть. Григорию показалось, что на длинных черных ее ресницах дрожат серебряные слезинки. У Григория защемило сердце, он растрогался. Ведь по нем, видно, убивается эта милая девушка. У него неожиданно возникла мысль не ходить на войну, и тогда все будет хорошо: и у него отлегло на сердце, и Галя успокоится.

– Жалко, парень, что уходишь, – говорил Кондрат. – Помощник ты мне был во всех делах добрый.

Григорий бурно вскочил.

– Да я, Кондратий Афанасьевич, не пойду.

– Как это так не пойдешь? – изумленно поднял брови Кондрат.

– Да так и не пойду, – решительно заявил Григорий. – Сбегу. Буду хорониться... На кой ляд они мне нужны, чтоб я пошел им воевать?.. Не таковский я. Пусть дураки воюют, – весело рассмеялся он и взглянул на Булавина, надеясь на его лице увидеть одобрение своему внезапному решению, но сейчас же он погасил смех: лицо у Кондрата было хмурое, строгое.

– Дурость говоришь! – резко сказал Кондрат. – Парень-то ты хороший, люблю тебя... А вот за такие слова, что сейчас сказал, побить тебя могу... Разве ж настоящий казак так может сказать?.. Дурак!.. Раз назначили идти в поход, надобно с радостью идти, мы – русские люди и должны защищать святую Русь до последней кровинки, ежели на нее враг посягает... Голову за нее не жалко положить... Ежели ты не пойдешь, я не пойду, Мишка с Ванькой не пойдут – так кто ж тогда пойдет воевать? Ежели никто не пойдет, то враг нашу землю заберет, измываться над нами станет, своими холопами поделает... Нет, Гришка, не моги больше такие слова говорить. Иди повоюй, с честью-славой возвращайся на тихий Дон.

Григорий с низко опущенной головой слушал Кондрата: ему было стыдно за свои необдуманные слова. А главное, когда он снова украдкой взглянул на Галю, в ее глазах он увидел укор и осуждение себе.

– Иди, Гришка, повоюй, покажи свою удасть казачью, – говорил Кондрат. – Послужи честью-правдой родной Руси... Говорят, сам царь водит полки супротив шведов... Вот связался я с этими бахмутскими варницами, а то б и я пошел, охотой пошел бы воевать...

На мгновение Кондрат задумался. Потом он встал, подошел к Григорию, положил ему руки на плечи, испытующе заглядывая в глаза, сказал:

– Григорий, а что, ежели я тебе одну задачу задам, скажи: выполнишь ее али нет?

– Выполню, Кондратий! – с готовностью воскликнул Григорий. – Ты был мне дороже отца родного, для тебя все исполню, хоть бы головы за это своей лишился...

– Ну, головы-то тебе незачем лишаться, – усмехнулся Кондрат. – Носи ее на здоровье на своих плечах... А задача моя тебе будет такая: ежели тебе доведется на войне увидеть царя Петра Алексеевича, то упавши ему, Гришка, в ноги, ударь челом, да скажи ты ему моим словом, что забыл он, должно быть, как был он у нас на Дону и обещал рассудить по-справедливому наш спор с черкасами да отдать нам навечно бахмутские земли с варницами... Расскажи ему, Гришка, как приезжал к нам дьяк Горчаков отписывать у нас те земли и отбирать варницы... Пушай он, государь наш, милостивец, заступится за нас, донских казаков, верных его холопов... Исполнишь, Гришка, что наказываю тебе, а?

– Истинный господь, Кондратий, исполню! – пылко воскликнул Григорий. – Разушчу царя, где б он ни был.

Весь вечер Григорий провел у Булавиных в беседе. Кондрат, как бывалый казак, не раз участвовавший в кровопролитных битвах с врагами родины, давал Григорию советы и наставления, как вести себя в баталиях. Григорий делал вид, что внимательно слушает Кондрата, своего старшего товарища, но все его мысли были вокруг Гали, которая сидела на скамье и, прядя шерсть, изредка украдкой заглядывала на него. Гришка видел, что взгляд ее был печальный, глаза наполнены слезами. У парня разрывалось сердце от жалости и любви к ней.

Уже поздно вечером Григорий наконец простился с Булавиными и уехал к себе в Новый Айдар.

Через несколько дней казачий отряд выступил в далекую Ингрию.

Гришка Банников ехал впереди отряда, окруженный песенниками, и лихо, звонко запевал:

Поехали казаченьки
В путь далекий, край чужой...

Глава XVI

Под ясным голубым весенним небом нежилась река, точно длинная атласная лента, искрясь золотыми узорами. Величественно проплывали берега, густо заросшие сочной молодой травой. Царь Петр, греясь на солнце, сидел на палубе флагманского корабля, играл с капитаном-голландцем в шахматы.

Играл он рассеянно, невнимательно. Видимо, его сейчас занимали совсем другие мысли. Иногда он отрывал взгляд от шахмат и смотрел в сторону кормы. На лице его тогда появлялась довольная усмешка: там, за кормой, он видел, как, распустив паруса, стройно, один за другим, плыли русские корабли, созданные его волей.

Петр плыл со своими любимыми гвардейскими полками в Ладожское озеро. Там, на берегу озера, в укрытом месте, он хотел тайно высадить свою гвардию и идти с нею штурмовать Выборг.

Голландец, попыхивая короткой трубкой, рассказывал царю что-то о немцах. Говорил он долго и путано о том, что немцы-де умные люди, выпускают они занятные книжки. Царь хмуро слушал капитана, потом, когда его рассказы ему надоели, оборвал его:

– Хватит, капитан!.. Что, думаешь, русские дураки, что ли?.. Имеют разум и смекалку, может, похлеще, чем немцы... Ведь немцы-то обвыкли свои книги негодными рассказами наполнять, чтобы великими казаться... Погоди, вот покажут себя русские.

Он стал смотреть вперед. В голубой дымной дали смутно вычерчивались серые зубцы и шпили Шлиссельбурга. С правого берега слышались едва уловимые крики. Царь оглянулся. На берегу маячили всадники, махая шляпами. Петр велел подплыть ближе к берегу...

Царя Петра нагнал гонец Петра Матвеевича Апраксина. На реку Нарову в скором времени надо ожидать прибытия шведского флота в большом количестве вымпелов, сообщал Апраксин. Одновременно к крепости Нарве, осажденной русскими войсками, должен прибыть крупный шведский отряд во главе с генералом Шлиппенбахом. Петр, пораздумав над всем этим, сразу же перестроил свои планы.

– Мин гер⁶⁰, – сказал он капитану, – поворачивай назад.

Седой голландец, не взглянув на царя и не удивившись столь внезапному изменению маршрута, отдал команду повернуть корабль назад. Остальные суда послушно последовали за своим вожаком.

Петр поплыл к Нарве, на помощь своим полкам, осаждавшим шведскую крепость.

Царь Петр, сидя на вороном жеребце, внимательно рассматривал с холма в подзорную трубу мрачные зубчатые стены крепости. Город был хорошо виден со всеми его башнями, подъемными мостами, с острыми и длинными, как иглы, прокалывающими небо шпильями, с красными черепичными кровлями. На крепостных стенах толпились защитники, они были готовы к отражению русского штурма.

– Ничего, – буркнул Петр. – Посмотрим.

Царь перевел трубу на море, и сердце его невольно дрогнуло. Как огромная синяя бархатная скатерть, оно покрывало все пространство, горя на солнце золотыми искрами.

Петр долго любовался морем. Он не мог равнодушно смотреть на него – любил. На почтительном расстоянии от берега, со спущенными парусами, стояли на якорях, покачиваясь на легких волнах, вражеские суда грозного адмирала де Пру.

– Эх ты, де Пру, де Пру, – сказал Петр, – а все ж тебя отсель попру...

– Ей-богу, правда, мин гер, – смеясь, подхватил Александр Данилович Меншиков. – Попрям этого безрукого старикашку. И глазом не успеет моргнуть...

⁶⁰ *Мин гер* – по-голландски: мой господин.

Меншиков, в противоположность скромно одетому царю, был разодет чрезвычайно пышно. Любил Александр Данилович ярко одеться. На нем бархатный, василькового цвета, французский кафтан с золотыми пуговицами, отделанными алмазами. На шее повязан кружевной галстук с бриллиантовой заколкой. На плечи накинут черный бархатный плащ на красной атласной подкладке. На черной шляпе – большое белое перо с дорогим камнем. На солнце Александр Данилович переливался искрами всех цветов, даже смотреть на него было больно, резало глаза.

Небрежно подбоченившись, Меншиков сидел на светло-золотистой кобылице, только что отбитой у шведов, заискивающе посматривал на царя, смеивался.

Был на холме и третий всадник – на маленькой, неказистой серенькой лошадке: генерал Петр Матвеевич Апраксин, на корпус которого царь возложил осаду крепости.

Апраксин, уже немолодой человек, низенький, с одутловатым от жира, землистым лицом, сонно посматривал то на крепость, то на море и украдкой позевывал в руку. Ночью была обильная пирушка по случаю приезда государя, не пришлось сомкнуть глаз. Неугомонный царь, вместо того чтобы после утомительной пирушки самому поспать и другим дать выспаться, прямо с пира поехал осматривать крепость и расположение наших войск. Поневоле пришлось сопровождать его и Апраксину.

– Что ж, Матвеевич, – спросил Петр, – стало быть, Горн имеет надежду отстоять крепость? Не хочет подобру сдать ее?

– Где там, великий государь! – преодолевая зевоту, ответил Петр Матвеевич. – И на вшивой козе к нему не подъедешь... Три раза я к нему посылал: предлагал сдать крепость без крови. Обещал выпустить весь гарнизон с честью. Так где там, и слушать не хочет, козел упрямый... Да еще и похваляется, говорит: уходите, мол, отсюда подобру-поздорову, а то так вам надаем, что портки, мол, порастеряете... Однава, говорит, надавали вам тут и еще надаем похлеще. Много скверных слов говорил...

– Что еще говорил? – насупясь, резко спросил Петр.

– Да так... – смущенно замялся Апраксин. – Пустые слова...

– Говори! – скрипнул Петр зубами и так сверкнул глазами, что у Апраксина куда и дремота девалась.

– Гос... господин бомбардир, – побелевшими губами прошептал Апраксин, – не могу того сказать... не могу...

– Петька! – крикнул царь.

Петр Матвеевич в битвах славился своей неустрашимостью, но под взглядом царя дрожал, как мальчишка.

– Он говорил... что ты, мол, государь, трус... Первым ты-де намазал пятки салом, когда шведы погнали нас из-под Нарвы...

– Замолчи! – прохрипел царь. Лицо его потемнело, правую щеку дернула судорога.

Александр Данилович с тревогой посмотрел на Петра.

– Я ему... – царь по-матросски, забористо выругался и погрозил кулаком в сторону крепости.

Александр Данилович весело захохотал, обрадованный тем, что с царем не приключилось припадка.

– Куманек, – сказал Петр Меншикову уже спокойно, – уж ежели дело на то пошло, то надобно ему устроить знатную штуку, чтоб он, черт, нас надолго запомнил... Давай вот что сделаем... – он начал подробно излагать свой план, строго смотря то на Меншикова, то на Апраксина.

Когда царь кончил, смешливый Александр Данилович восторженно захохотал, хлопнув себя по ляжкам. Кобылица под ним испуганно шарахнулась, едва не сбросив седока. Успокоив лошадь, Меншиков подъехал к Петру и снова звонко захохотал.

– Ловко придумал, мин херц⁶¹!.. Ловко!..

Даже Петр Матвеевич, вялый и равнодушный ко всяким выдумкам, оживился и, закачав головой, улыбнулся.

– Умно придумано, господин бомбардир. Умно.

– Ну, о том еще рано гадать, – сказал Петр, – умно оно будет ай нет. Езжайте, выполняйте сию выдумку.

Александр Данилович махнул шляпой.

– Еду, государь, еду! – и, пришпорив лошадь, стремительно помчался с холма, развевая плащом, как крыльями.

– Бешеный! – крикнул ему вдогонку царь. – Голову сломаешь!

Но Меншиков его уже не слышал.

Апраксин, причмокнув губами, толкнул свою лошадку ногами в бока, осторожно, шагом, съехал с кургана и затрусил мелкой рысцой по направлению к биваку, к драгунам.

На Ревельской дороге показались всадники в синих мундирах. Они скапливались на виду крепости в небольшой рощице и давали знаки осажденным, чтобы им открыли крепостные ворота. Со стен крепости шведы внимательно смотрели на этих всадников, но открывать не спешили. Тогда прогрохотали два выстрела из пушки. Это был условленный сигнал, что к защитникам Нарвы прибыла помощь. На крепостных стенах оживленно забегали, шведы засуетились, махая шляпами, приветствуя прибывший, давно ожидаемый отряд генерала Шлиппенбаха.

Петр Алексеевич в окружении своего кабинет-секретаря Макарова, неизменного денщика Нартова и нескольких офицеров по-прежнему стоял на холме, не спуская подзорной трубы со стен крепости. На лице его блуждала хитрая усмешка.

Он видел, как по направлению к рощице, где виднелась только что прибывшая пехота в синих мундирах, беспорядочной лавой, как грачиная стая, с пронзительным свистом и гиканьем поскакали казаки, взблескивая на солнце своими кривыми саблями. Петр увидел в толпе и тучную фигуру Апраксина, подпрыгивающего на своей маленькой лошадке. Видимо, генерал сам повел казаков в атаку. Но казаки, отпугнутые залпами, не доскакав до рощицы, повернули назад и рассыпались по лугу.

Царь опустил подзорную трубу и оглянул офицеров смеющимися глазами.

– Ловко! – воскликнул он.

И в тот момент, когда Петр снова стал смотреть в трубу на крепость, он увидел, как с грохотом опустились подъемные мосты, широко распахнулись крепостные ворота и из них, с развевающимися королевскими знаменами, сверкая на солнце доспехами, выступил отряд всадников. Это были шведские кирасиры, посланные генералом Горном прикрывать вступление отряда Шлиппенбаха в крепость. Их было сотен пять. Не останавливаясь, они помчались к рощице. Петр весело захохотал.

– Зело ладно разыгрывается сия комедия.

Жеребец под царем затанцевал по холму. Петр начал терпеливо успокаивать его, похлопывая по горячей атласной шее. Когда он успокоил коня и снова стал смотреть в трубу, его взору представилась уже другая картина. Пылая панцырями на солнце, вражеские кирасиры развернутым строем, полукружьем охватывали казаков. Казаки врассыпную мчались от них на своих маленьких мохнатых лошадках.

– Макаров! – крикнул царь, весьма довольный зрелищем. – Смотри, что делают подлецы... – и снова весело и раскатисто захохотал.

Отгнав казаков, кирасиры поскакали к рощице, которую – они были уверены – заполняли войска генерала Шлиппенбаха. Царю было видно, как они, не доезжая нескольких шагов

---

⁶¹ *Мин херц* – по-голландски: мое сердце.

до рошицы, вдруг в ужасе повернули лошадей и помчались к крепости. Вслед им загрохотала дробь выстрелов. Всадники валились с лошадей... Лошади без седоков носились по лугу...

Шведы поняли, что их обманули: в рошице были не войска генерала Шлиппенбаха, а русские гвардейские Семеновский и Ингерманландский полки, замаскировавшиеся под шведов.

– Уйдут! Уйдут! – вскричал Петр и, пришпорив своего застоявшегося жеребца, сорвался с холма.

Он летел, как вихрь, наперерез вражеским кирасирам. Его секретарь Макаров, денщик Нартов и свитские офицеры, рассыпавшись цепью, едва поспевали за ним. Царь на скаку выхватил из ножен шпагу и дал знак казакам следовать за ним.

Шведские кирасиры, закованные в латы, тяжелым галопом приближались к крепости. Петр оглянулся на казаков. Они, как буря, с гиканьем и свистом, с опущенными пиками мчались на шведов, но казаки были еще далеко и шведские кирасиры могли безнаказанно уйти. Тогда рухнула бы вся затея. Петр стал придерживать своего жеребца – безрассудно было с десятком офицеров бросаться на махину врагов. Но в это время справа появились новые всадники. Впереди, взмахивая саблей и развевая на ветру плащом, скакал всадник на светло-рыжей лошади.

– Алексашка! Милый! – растроганно крикнул Петр.

Он узнал своего любимца. Меншиков с отрядом драгунов отрезал путь шведским кирасирам. Те, увидев это, на скаку перестроились и лавиной ринулись навстречу русским драгунам.

Петр, разгоряченный, взволнованный, наблюдал за разыгравшейся битвой. Ударить бы сейчас шведам в тыл, зажать их в кольцо... Петр нетерпеливо оглянулся на казаков. Они были уже близко. Шальной волной окатила казачья лава царя Петра и понесла его в своем неудержимом порыве. Он скакал вместе с казаками, размахивая шпагой и что-то крича.

Сердце его бурно колотилось от восторга. Во всем этом стремительном порыве сотен людей было что-то захватывающее, мощное, непреодолимое. Царь видел, что все поле цвело от ярких казачьих кафтанов. Низко пригнувшись к гривам своих бешено мчавшихся дончаков, потрясая дротиками, со свистом рассекая воздух кривыми саблями, казаки полукругом охватывали шведов.

Видя опасность с тыла, вражеская конница раскололась пополам. Часть шведских кирасир по-прежнему стремительно неслась навстречу драгунам Меншикова, а другая часть, круто повернув лошадей, на ходу перестроившись, сомкнутым строем, стремя в стремя, несокрушимой, казалось, стеной двинулась навстречу казакам. Царь восхитился военной выучкой шведов, и у него с удвоенной силой появилось желание во что бы то ни стало сокрушить эту стену людей, закованных в железо, сидящих на грузных злых лошадях... Кругом кипел бой. Казаки сражались отчаянно. На Петра напало сразу три шведа. Одного царь заколол шпагой, второго с плеча рубанул, но легкая шпага со звоном скользнула по панцирю кирасира, не причинив ему вреда. Царь с досадой швырнул ее.

– Железка!

Швед замахнулся на него тяжелым палашом. Петр едва успел отклониться от удара. В бешенстве зарывав, царь схватил кирасира за руку и с силой крутнул. Солдат, дико вскрикнув, свалился с лошади. Третий швед наскочил на царя и тоже замахнулся на него палашом. Петр даже зажмурился и похолодел, ожидая удара. В это мгновение какой-то казак в голубом кафтане вихрем налетел на шведа и сшиб его дротиком с седла. И сейчас же этот казак, как видение, исчез где-то в гуще схватки...

К Петру прискакал на своей разгоряченной кобылице Меншиков.

– Мин херц! – закричал он с раздражением. – Что ты делаешь? Разве твое место тут?

Петр даже опешил от такой дерзости.

– Езжай отсюда! – кричал Меншиков. – Твое дело царствовать да нами управлять, а уж воевать дозволю нам, твоим солдатам.

Петр побагровел от гнева. Он хотел обругать Александра Даниловича, но подъехали секретарь Макаров, Нартов и помешали. Царь лишь промычал что-то... Меншиков крутнулся и исчез.

Битва затихала. Со шведами было покончено. Они устлали своими трупами поле. Оставшиеся в живых сдались в плен.

– Нартов, – сказал Петр своему денщику с укоризной, – где ты, лохматый черт, пропадешь? Так-то ты бережешь царя? Ведь чуть не убили меня...

– Да разве ж за тобой, великий государь, угонишься? – смущенно проговорил Нартов. – Ты ж, как молния, мечешься...

– Ну-ка подай мне шпагу мою. – Петр указал на шпагу, валявшуюся в траве.

На шпаге лежал шведский кирасир со сломанной рукой и стонал от боли. Нартов, соскочив с коня, подошел к шведу и толкнул его ногой.

– А ну, вставай! Чего скулишь-то?

Швед был плечистый белобрысый юноша. Возможно, у себя на родине он был кичливым, заносчивым солдатом, пленившим не одну девушку, но сейчас он был жалкий, растерянный, беспомощный. Лицо его было бледно до синевы, пересохшие губы трепетали от страха. Втянув голову в плечи, как бы ожидая, что ее сейчас отрубят, он с ужасом смотрел на Нартова и жалобно говорил что-то по-шведски.

– Это я ему руку-то сломал, – вспомнил Петр. – Отправьте его к лекарю.

Откуда-то снова появился Меншиков. На потном, пыльном лице его блуждала веселая, довольная усмешка.

– Мин херц! – воскликнул он. – Вот ловко мы их провели!.. Всыпали им, чертям. Гляди, все поле устлали, – махнул он на вражеские трупы. – Мои драгуны дрались, как черти. Да и казаки показали ухватку... Устал, – вытер он рукавом пот с лица. – Ведь я ж, никак, десятерых зарубил...

– А не врешь? – усмехнулся Петр. – По глазам вижу, что врешь.

– Ну, может, и не десятерых, – избегая взгляда царя, сказал Меншиков, – а вот пятерых наверняка...

– И это врешь, – смеялся Петр.

– Мин херц, ей-богу, троих зарубил!

– Вот это похоже на правду...

Нартов подал шпагу. Царь посмотрел на нее и сказал:

– Нет, никак не годятся эти железки для боя, надобен палаш.

Рассматривая свою шпагу, Петр увидел на ней кровь.

– Откуда сия кровь? – изумился он.

– Разве ты забыл, как вот этого шведа ею сразил? – сказал Меншиков. – Я своими глазами видал. Неужто забыл?

Петр посмотрел на труп солдата и вспомнил, что действительно в пылу схватки заколол шведа.

– Запомню, – усмехнулся он и снова взглянул на шпагу. – Вражья кровь... Обо что бы вытереть?

Александр Данилович выхватил из рук Петра шпагу и вытер о свой роскошный плащ.

– Алексашка!.. Черт!.. – выругался Петр. – Зачем пачкаешь плащ? Сколько мне говорить, чтоб берег добро!

– Есть о чем толковать, – беспечно возразил Александр Данилович. – Головы своей не жалеешь, а плаща моего жалко... – Потом серьезно сказал: – Государь, богом тебя молю, не лезь, куда тебе не полагается.

Петр нахмурился:

– Ты опять свое?

Но Меншиков перебил его:

– Не сердчай, Петр Алексеевич, послушай меня, – вкрадчивым голосом заговорил он. – Наше дело, твоих слуг, с врагами рубиться, а тебе, государю, не пристало этим делом заниматься. Твое дело управлять государством... Не гневайся, государь, но ведь ежели бы не тот казак в голубом кафтане, что скovyрнул шведа, то был бы ты уж ныне в гостях у господ бога в раю... А что тогда стало бы с нами, твоими холопами? Держава наша великая в упадок пришла б, опять бы бояре со стрельцами верх забрали. Пропали б тогда все твои кораблики и заводы. Опять швед Ингрию да Эстляндию захватил бы...

Меншиков говорил искренне и убедительно, у него от умиления даже слезы на глазах показались. Петр внимательно слушал своего любимца, бросая на него взгляды из-под густых бровей. Перекинувшись с седла, он порывисто обнял его, сжал в объятиях так, что у Александра Даниловича косточки хрустнули.

– Вот за то я тебя, Данилыч, и люблю, что зело предан мне. Правду говоришь, но что поделать, солдат ведь я. Не могу стерпеть. Рука чешется врага сразить. А что касемо смерти, то неведомо, где она застигнет. На поле брани за отчизну свою – честь и слава умереть, а вот так, как сокольничий Засекин свиным ухом подавился, – такой поганой смертью я б не желал умирать...

Царь на мгновение задумался и тихо добавил:

– Я никому не советую и не приказываю гнаться за опасностью, но не служить родине, не отдать за нее жизнь, ежели потребуется, стыдно... Разыщи и позови-ка, Данилыч, того казака-храбреца, что меня от смерти спас...

Григорий Банников, раскрасневшийся, возбужденный после только что закончившегося боя, стоял в толпе казаков и оживленно рассказывал:

– И вот, братцы вы мои, скачу я это на своем аргамаче, одного скovyрнул супостата, другого, третьего... Скачу это, приглядываюсь, кого бы еще скovyрнуть дротиком. Гляжу это, братцы вы мои, к одному нашему солдату, не то офицеру, – шуты его разберут, такой это здоровенный из себя солдат, черноусый, пригожий на лицо, – сразу пристало десять супостатов. Лихо отбивался он от них. Трoих, сам видал, он зарубил, а семеро лезут к нему, да и все. Уж он, бедняга, отбивался, и, видать, у него уж сил нету. Конец подходит. Взьяла тут меня, братья, жалость. Думаю, разве ж можно, чтоб такой храбрый солдат русский сгибал? Ожег я плетью своего коня, да к ним... Как налетел, всех до единого шведов раскидал. А солдат-то и кричит мне вслед: «Эй, станичник, погоди, я тебе спасибо скажу!» – «Некогда, говорю, твое спасибо слушать. Вот окончится бой, тогда свидимся». И ускакал я от него...

К казакам быстро мчался на светло-рыжей лошади пышно и ярко, как петух, разодетый генерал. Он подлетел к казакам и натянул поводья. Кобылица, оскалив зубы, захрапела и обдала казаков жарким, влажным дыханием.

Генерал, молодой и красивый, остро оглянул казаков и, остановив взгляд своих серых властных глаз на Григории Банникове, сказал:

– Эй, молодец, спасибо тебе, что уберег великого государя от вражьей руки...

Казаки, слушавшие Гришкин рассказ и не верившие ни одному его слову, переглянулись и теперь с уважением смотрели на него. В их глазах Григорий сразу поднялся на недостижимую высоту.

– Поедем, казак, к великому государю, – сказал генерал Гришке. – Царь хочет тебя повидать.

Григорий был несказанно изумлен тем, что ему невольно пришлось спасти от гибели самого русского царя. Он даже растерялся от неожиданности. Вскочив на своего аргамача, он последовал за генералом.

По дороге Меншиков расспросил Гришку, как его зовут, откуда он родом.

– Повезло тебе, – сказал Александр Данилович, – царь храбрых любит. Ты только не вздумай царю в ноги кланяться, не терпит он того. Да зови его: господин бомбардир. А какую милость будет жаловать, не отказывайся, благодари...

Подъехав к царю, Гришка соскочил с лошади и, сняв шапку, поясно поклонился.

Петр быстрым взглядом окинул ладную, плечистую фигуру казака. Григорий ему понравился.

– Как зовут тебя, казак?

– Зовут Гришкой, – степенно ответил Григорий, – а кличут Банниковым.

– Ведал ли ты, Григорий, о том, что кинулся в защиту государя своего? – снова спросил Петр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.